

16+

ISSN 2311-1402

НИЖНЕВАРТОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

3(71)/2025

ВЕСТНИК НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал основан в 2008 г.

включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
утвержденный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации от 01.12.2015.

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3>

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартковский государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС 77 – 80105 от 31.12.2020.

Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77 – 79658 от 27.11.2020.

Подписной индекс АО «Почта России» ПП617

Периодичность издания: 4 раза в год / ежеквартально
Язык издания: русский, английский

Индексируется и размещается: CrossRef, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), НЭБ КиберЛенинка (CyberLeninka), ЭБС IPRbooks, ЭБС «Лань», DOAJ, ZENODO, OpenAIRE, ZDB, Google Академия, Information Matrix for the Analysis of Journals (MIAR), Open Academic Journals Index (OAJI), Polska Bibliografia Naukowa (PBN), Dimensions, AGRIS, Open Ukrainian Citation Index.

Адрес редакции: Россия, 628616, ХМАО-Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56. тел./факс: (3466) 44-39-50, факс: (3466) 45-18-05
e-mail: nvsu@nvsu.ru, red@nvsu.ru

Адрес издательства: Россия, 628616, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4.
Тел./факс: (3466) 24-50-51, e-mail: izd@nvsu.ru

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 01.07.2025 г.) по специальностям: 1.5.15. Экология (биологические науки), 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

16 +

Издатель: ФГБОУ ВО «Нижневартковский государственный университет», Россия, 628605, ХМАО-Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56
Исполнитель: Издательство НВГУ, Россия, 628616, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4.

ISSN 2311-1402 (Print)
ISSN 2686-8784 (Online)

Подготовлено и отпечатано в изд-ве НВГУ
Изд. лиц. ЛР №020742. Подписано в печать 15.09.2025
Дата выхода 20.09.2025
Формат 60×84 1/8. Гарнитура Times. Усл. печ. листов 9,84.
Тираж 300 экз. Заказ 2342 Цена: бесплатно

Яковлева А.М., выпускающий редактор
Виливин Д.В., верстка оригинал-макета

© Нижневартковский государственный университет, 2025

BULLETIN

of NIZHNEVARTOVSK
STATE UNIVERSITY

Bulletin of Nizhnevartovsk State University was founded in 2008

*Included in the List of peer-reviewed scientific publications,
approved by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 01.12.2015*

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3>

The journal is published quarterly by the Publishing House of Nizhnevartovsk State University

Registration certificate PI number FS77-80105 on 31.12.2020.

Registration certificate EL number FS77-79658 on 31.12.2020.

Subscription index in the JSC "Russian post" - PP617.

Quarterly

Language of publication: Russian, English

Indexed: CrossRef, Russian Science Citation Index (RSCI), NES Cyber-Leninka (CyberLeninka), EBS IPRbooks, EBS Lan, DOAJ, ZENODO, OpenAIRE, ZDB, Google Academy, Information Matrix for the Analysis of Journals (MIAR), Open Academic Journals Index (OAJI), Polska Bibliografia Naukowa (PBN), Dimensions, AGRIS, Open Ukrainian Citation Index.

Editorial address: 628616, Russia, Khanty-Mansiysk Autonomous Area – Yugra, Nizhnevartovsk, st. Lenin, 56.
tel./fax: (3466) 44-39-50; (3466) 45-18-05
e-mail: nvsu@nvsu.ru, red@nvsu.ru

Publisher address: 628616, Russia, Khanty-Mansiysk Autonomous Area-Yugra, Nizhnevartovsk, st. Marshal Zhukov, 4, of. 1001. tel.: (3466) 24-50-51,
e-mail: izd@nvsu.ru

Editor-in-Chief: *S. I. Gorlov* (Nizhnevartovsk, Russia)

Deputy Editor: *B.N. Makhutov* (Nizhnevartovsk, Russia)

Executive editor: *V. V. Tsys* (Nizhnevartovsk, Russia)

Editorial Board:

V.A. Aikin (Omsk, Russia)

A.A. Voitenko (Moscow, Russia)

S.K. Gboko (Bouake, Côte d'Ivoire)

V.A. Gorshkov-Kantakuzen (Middlesex, UK)

N.M. Daineko (Gomel, Belarus)

A.G. Emanov (Tyumen, Russia)

L.A. Ibragimova (Nizhnevartovsk, Russia)

M.M. Kazansky (Paris, France)

A.Yu. Kulagin (Ufa, Russia)

L.I. Lubysheva (Moscow, Russia)

G.Sh. Maymerova (Bishkek, Kyrgyzstan)

S.S. Medvedev (St. Petersburg, Russia)

B.Zh. Nurbekov (Astana, Kazakhstan)

N.I. Sinyavsky (Surgut, Russia)

Ya.G. Solodkin (Nizhnevartovsk, Russia)

N.N. Surtaeva (St. Petersburg, Russia)

T.G. Talibov (Nakhchivan, Azerbaijan)

P.U. Fatullayev (Nakhchivan, Azerbaijan)

E.R. Yumagulova (Nizhnevartovsk, Russia)

16+

Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

ISSN 2311-1402 (Print)
ISSN 2686-8784 (Online)

*Prepared and printed in the publishing house of NVGU
Ed. persons. JIP No. 020742. Signed for printing on 15.09.2025
Release date 20.09.2025
Format 60 × 84 1/8. Times typeface. CONV. print sheets 9,84.
Circulation 300 copies. Order 2342. Free*

*A.M. Yakovleva, commissioning editor
D.V. Vilyavin, technical editor*

© Nizhnevartovsk State University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шеркова Т.А.</i> Культурно-исторические корни праздника sd в Древнем Египте	4
<i>Рыбин Д.В.</i> Размежевание консервативных либералов: спор между Б.Н. Чичериным, Н.К. Ренненкампфом и Д.А. Милютиним	24
<i>Цысь В.В., Цысь О.П.</i> Паломничество сибиряков в Палестину в конце XIX – начале XX в.: опыт статистического анализа	34
<i>Пьяных Н.И.</i> Социопортрет анархической региональной элиты России в начале XX века	43
<i>Морозов Н.М.</i> Жилищно-коммунальное строительство в Кемерово в годы II и III пятилеток (1933–1940 гг.)	54
<i>Карпов В.П.</i> «Минимум Байбакова» в теории и практике индустриализации Югры	62
<i>Ковалева О.А.</i> Библиотеки Тюмени и их роль в организации интеллектуального досуга горожан (1941–1945 гг.)	71
<i>Федорова Д.А.</i> Устные источники в изучении субъективности горожан Тюмени (1964–1985 гг.): методы и способы анализа	81
<i>Фролов И.В.</i> Государственно-правовое регулирование организации археологических исследований в 2002–2014 гг. на федеральном и региональном уровнях (на примере ХМАО-Югры)	93
<i>Чуркин М.К., Чуркина Н.И.</i> Сообщество пионерских вожатых в репрезентациях нормативных документов и периодической печати (1922–1970 гг.)	105
<i>Шевченко Н.Р., Шевченко И.В.</i> Охрана общественного порядка и противодействие преступности в условиях идеологического контроля: региональный аспект (на примере Новосибирской области, 1960–1980 гг.)	120

CONTENT

<i>T.A. Sherkova</i> The Cultural And Historical Roots Of The Sd Festival in Ancient Egypt	4
<i>D.V. Rybin</i> The Division of Conservative Liberals: The Dispute Between B.N. Chicherin, N.K. Rennenkampf and D.A. Milyutin	24
<i>V.V. Tsys., O.P. Tsys</i> The Pilgrimage of Siberians to Palestine in the Late XIX – Beginning of XX Centuries: A Statistical Analysis Experience	34
<i>N.I. P'yanykh</i> The Social Portrait of the Anarchist Regional Elite in Russia in the Early 20th Century	43
<i>N.M. Morozov</i> Housing and Communal Construction in Kemerovo During the II and III Five-Year Plans (1933–1940)	54
<i>V.P. Karpov</i> “Baibakov Minimum” in the Theory and Practice of Industrialization of Yugra	62
<i>O.A. Kovaleva</i> The Libraries of Tyumen and Their Role in the Organization of Intellectual Leisure for Citizens (1941–1945).	71
<i>D.A. Fedorova</i> Oral Sources in the Study of the Subjectivity of Tyumen Citizens (1964–1985): Methods and Techniques of Analysis	81
<i>I.V. Frolov</i> State Legal Regulation of the Organization of Archaeological Research in 2002–2014. at the Federal and Regional Levels (on the Example of Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra)	93
<i>M.K. Churkin, N.I. Churkina</i> The Community of Pioneer Counselors in the Representations of Normative Documents and Periodicals (1922–1970)	105
<i>N.R. Shevchenko, I.V. Shevchenko</i> Protection of Public Order and Combating Crime in the Context of Ideological Control: A Regional Aspect (on the Example of the Novosibirsk Region, 1960–1980)	120

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ / GENERAL HISTORY

УДК 94

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/01>

Шеркова Т.А.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПРАЗДНИКА *sd* В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

Т.А. Sherkova

THE CULTURAL AND HISTORICAL ROOTS OF THE *sd* FESTIVAL IN ANCIENT EGYPT

Аннотация. В Древнем Египте царский праздник *sd* отмечался через несколько лет после коронации и был причастен к важным событиям в период правления монарха. Наиболее ранние материальные источники о проведении торжеств относятся к культуре Нагада (IV тыс. до н. э.) и Раннему царству. На них представлена сцена ритуального бега вожда/царя за священным быком – богом Аписом. Вместе с тем быка приносили в жертву. Применяются сравнительно-сопоставительный и иконографический метод. Истоки ритуала жертвоприношения уходят в первобытные времена охотничьего быта. Коллективная трапеза убитым животным означала приобщение к родовому предку. В динамике исторического процесса тотемические верования трансформировались. Жертвоприношение быка являлось центральным ритуалом во время царских праздников, в том числе, праздника *sd*. Целью этого ритуала было высвобождение духа жертвы, которая считалась богом. А жертвователю, – царь подтверждал свой религиозный и социальный статус. Но в процессе проведения праздника *sed* и сам царь становился жертвой. Рассмотрение этого торжества как переходного обряда, включающего три стадии: отделения, промежуточный и включения, позволяет видеть в нем магико-религиозную процедуру, переживание символической смерти в прежнем состоянии и рождение в новом качестве. Царь подтверждал свои права на египетский трон и как гарант процветания социума на высшем уровне религиозных представлений восстанавливал победу порядка над хаосом. Иконография фараона с хвостом быка во время ритуального бега во время торжества *Hb-sd* сохранялась на протяжении всей истории древнего Египта. Написание фонетической части слова хвост и этого праздника тождественны. Это свидетельствует в пользу гипотезы о сохранении на протяжении тысячелетий религиозно-мифологических представлений о причастности царя к священному быку, обладающему маной, проецированной на владыку

Abstract. In ancient Egypt, the royal festival *sd* was celebrated a few years after the coronation and was involved in important events during the reign of the monarch. The earliest material sources about celebrations relate to the Nagada culture (IV millennium BC) and the Early Kingdom. They show the scene of the ritual running of the leader/king after the sacred bull – the god Apis. Comparative and iconographic research methods are used. At the same time, the bull was sacrificed. The origins of the ritual of sacrifice go back to the primitive times of hunting life. A collective meal with a slaughtered animal meant communion with the ancestral ancestor. Totemic beliefs have been transformed in the dynamics of the historical process. The sacrifice of the bull was a central ritual during royal holidays, including the *sd* festival. The purpose of this ritual was to release the spirit of the victim, who was considered as the god. As for the donor, the king confirmed his religious and social status. But in the process of holding the festival, the king himself became a victim. Considering this celebration as a transitional rite, which includes three stages: separation, intermediate and inclusion, allows us to see in it a magico-religious procedure, the experience of symbolic death in the previous state and rebirth in a new capacity. The king confirmed his rights to the Egyptian throne and, as a guarantor of the prosperity of society at the highest level of religious beliefs, restored the victory of cosmic order over chaos. The iconography of the pharaoh with a bull's tail during the ritual running during the celebration of *Hb-sd* has been preserved throughout the history of ancient Egypt. The spelling of the phonetic part of the word tail and this festival are identical. This supports the hypothesis that religious and mythological ideas about the king's involvement in the sacred bull with mana projected onto the ruler of Egypt have been preserved for thousands

Египта. Универсальные представления о жертвоприношении быка и его расчленении ассоциировались с мифами и ритуалами о первой жертве, об умирающих и воскресающих богах, к числу которых принадлежал египетский Осирис, а бык Апис считался его спутником, животной формой бога.

Ключевые слова: тотемические представления; переходный обряд; ритуал посвящения; культурная память.

Сведения об авторе: Шеркова Татьяна Алексеевна, ORCID: 0000-0002-6203-1959, канд. ист. наук, Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, Россия, sherkova@inbox.ru

of years. Universal ideas about the sacrifice of the bull and its dismemberment were associated with myths and rituals about the first sacrifice, about dead and resurrected gods, including the Egyptian Osiris, and the bull Apis was considered as his companion, the animal form of the god.

Keywords: totemic representations; transitional rite; initiation ritual; cultural memory.

About the author: Tania A. Sherkova, ORCID: 0000-0002-6203-1959, Candidate of Historical Sciences, Center for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, sherkova@inbox.ru

Шеркова Т.А. Культурно-исторические корни праздника *sd* в Древнем Египте // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2025. №3(71). С. 4-23. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/01>

Sherkova, T.A. (2025). The Cultural and Historical Roots of the *Sd* Festival in Ancient Egypt. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (3(71)), 4-23. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/01>

Древнеегипетскому царскому юбилею *Hb-sd* посвящена огромная литература в различных аспектах. Этот праздник связан с ритуалами по легитимации правящего фараона на египетский трон через определенное количество лет как подтверждение статуса носителя верховной власти над двуединым Египтом. Изобразительные тексты отражают ключевой момент церемонии – ритуальный бег, который фараон совершает на территории его заупокойного храма или гробницы. А этот факт указывает на причастность церемонии к представлениям о смерти, символической смерти, через которую проходит посвящаемый, а также позволяет рассматривать праздник *sd* как переходный обряд в череде других, связанных с изменением социального статуса: возрастным, по случаю брака, похорон. Мифологическое мышление отождествляло макромир и микромир, явления природные и социальные, поэтому события, причастные к наступлению Нового года, земледельческим сезонам, отражались в социуме в форме обрядов, ключевая роль в которых отводилась царю в его основных функциях как отвечающего за процветание общества, удачливого и мужественного воина, защитника, строителя храмов.

Целый ряд праздников посвящался собственно царю – восшествие на престол, коронация, брак, победоносные войны, похороны. К числу этих торжественных событий принадлежал и юбилей *Hb-sd*, который отмечался на протяжении всей истории древнего Египта. Однако специальный интерес представляет культурно-исторический контекст возникновения этого праздника, его природа.

Наиболее ранними изображениями праздника *sd* являются два. На фрагменте холста из погребения в Гобелейне, датированного фазой Нагада I (амратской, первая половина IV тыс. до н. э.), на одной из плывущих лодок воплощено легкое сооружение, возле которого сидит персонаж с инсигнией власти в руках [20, fig. 23] (рис. 1). На полихромном панно из большой могилы 100 в столичном городе Нехен (греч. Иераконполь, совр. Ком эль-Ахмар), датированной следующей, герзейской фазой культуры Нагада II (вторая половина IV тыс.

до н. э.), на одном из нильских кораблей воплощен бегущий в наосе персонаж. На черной лодке под сферическим балдахином лежит тело хозяина этого погребения, – регионального царя [33, pl. LXXV–LXXIX] (рис. 2, 2а). Сцена праздника *sd* представлена на церемониальной булаве царя Нармера (протодинастическое время, нулевая династия, ок. 3300–3200 гг. до н. э.) из основного депозита в храме бога Хора в Нехене [34, pl. XXVIA–XXVIB] (рис. 3). А на табличке царя I династии Дена из Абидоса представлены оба фрагмента церемонии *sd*. Слева царь сидит в наосе, а справа он совершает ритуальный бег между двумя рядами маркеров *dbnw* в виде полумесяца [36, fig. 45]. (рис. 4, 4а). На двух более ранних, додинастического времени изображениях сцены происходят на воде, в лодках, что указывает (с учетом нахождения этих артефактов в погребениях) на способ перемещения умершего в мир мертвых. В самом деле, в могилах додинастического времени часто находятся модели лодок. В третьем случае события происходят на открытом дворе в храме бога Хора в Нехене, откуда и происходит эта церемониальная булава царя Нармера. На табличке царя Дена сцены праздника *sd* происходят во дворе поминального храма или гробничного комплекса царя в Абидосе, куда переместилась столица из Нехена. Впрочем, отправиться в страну предков можно было не только на лодке, но и на крыле птицы, о чем сообщают Тексты пирамид (Pyr. Utt. 270, §383–385; Pyr. Utt. 270, § 387). Переправа совершалась по воде, разделяющей небо и землю [30, p. 78, note 1]. Однако во всех трех случаях изобразительные тексты посвящены празднику *sd*, во время которого царь подтверждает свои права на престол, проходя испытания символической смертью, возрождаясь в новом качестве. Но с точки зрения изображенных моментов ритуала не имеет значения, к какому историческому периоду они относятся. Они отражают одни и те же события: сидения на троне и ритуальный бег, который являлся ключевым, возможно, завершающим праздник событием. Есть основания полагать, что *Hb-sd*, существовавший в Египте на протяжении тысячелетий древней истории, сложился еще на ранних этапах существования культуры, по крайней мере при охотничьем образе жизни племен. Вместе с тем по мере развития культуры усложнялось содержание церемонии, увеличивалось количество праздников, связанных с фигурой социального лидера. От региональных царей додинастического времени в процессе объединения Верхнего и Нижнего Египта с протодинастического времени власть сосредоточилась в руках общеегипетского царя. Иконографический анализ многочисленных предметов мелкой пластики, – годовых табличек из слоновой кости и дерева, печатей, церемониальных палеток и пр. позволяет определить в структуре композиций, образах и предметах, в них запечатленных, включенные в сценарии праздника *sd* ритуалы.

Сравнительно-сопоставительный анализ с подобными феноменами во многих этнографических культурах, в том числе африканских, позволяют гипотетически заполнить лакуны в египетских материалах при всем понимании уникальности культур, в которых развивались универсальные мифо-ритуальные представления на разных ступенях развития культур. И в первую очередь эти представления связаны с отождествлением макрокосма и микрокосма, медиатором между которыми считался социальный лидер, наделенный божественной и человеческой природой, отвечающий за процветание всего общества. Поэтому целью праздника *sd* являлось восстановление физических, духовных сил

правителя в циклическом потоке времени. В широком смысле мифо-религиозных представлений этот обряд был призван восстановить космический порядок в его борьбе с хаосом.

Interpretation of decorative devices

37

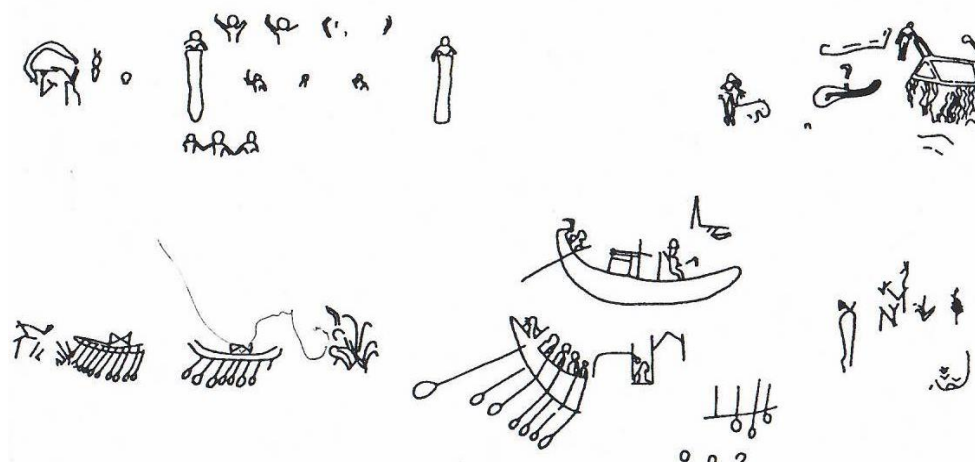

Рис. 1. Холст из могилы в Гобелейне (по [20])

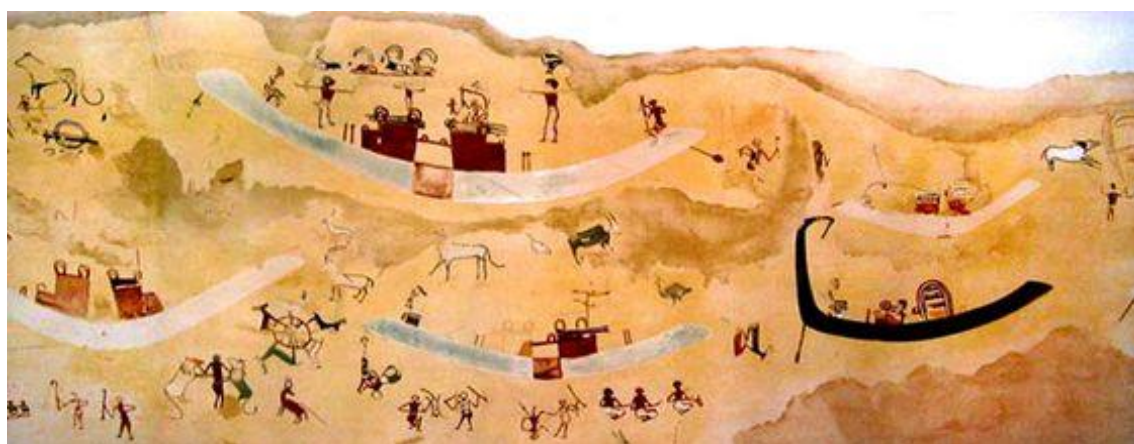

Рис. 2. Панно из гробницы 100 (по [33])

Рис. 2а. Ритуальный бег, панно из гробницы 100 в Нехене

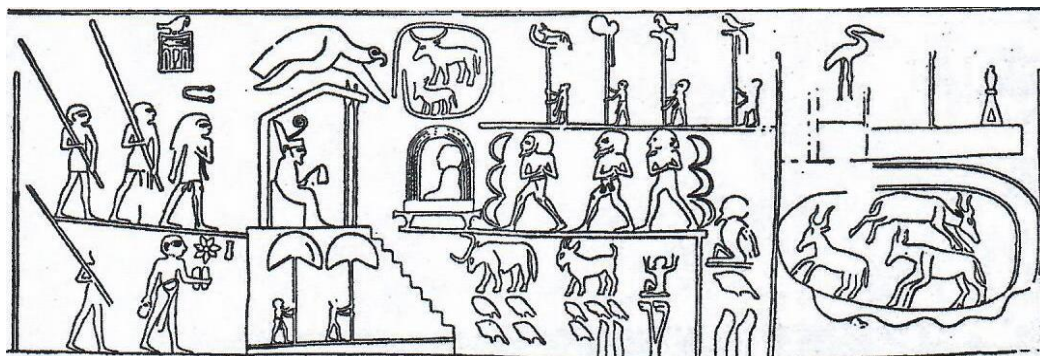

Рис. 3. Церемониальная булава царя Нармера из Нехена (по [34])

Рис. 4. Годовая табличка царя Дена, Абидос (по [36])

Рис. 4а. Фрагмент годовой таблички царя Дена со сценой ритуального бега (по [36])

Ритуал по определению призван актуализировать в коллективном сознании социума основополагающую идею культурной памяти, связанную с идентичностью как каждого

члена, так и коллектива в целом. Обеспечивающее культурную идентичность знание (чувство общности) включает в себя мудрость и миф, что связано с ответами на вопросы: «что нам следует делать?» и «кто мы такие?» как подтверждение идентичности [2, с. 151-152]. Священнодействия направлены на консолидацию коллектива вокруг осевых представлений о миропорядке как космическом законе. В ритуале – творческом делании устанавливался космический порядок как результат победы его над хаосом со всеми изоморфными ему природными и социальными феноменами, – событиями, символическими образами, их раскрывающими, угрожавшим распадом системы идентичности мира в целом. Если миф хранит священные писания, то обряд вносит в общество порядок, противостоящий хаосу. В бесписьменных обществах целью обрядов (ритуальной коммуникации) является циркуляция и воспроизводство знания, обеспечивающего идентичность, тесно связанные между собой. «В бесписьменных обществах, а также таких, которые, подобно Древнему Египту, основывались, несмотря на употребление письма, на “обрядовой когерентности”, когерентность группы опирается на принцип ритуального повторения, причем в плане как синхронии, так и диахронии» [2, с. 154].

Для носителей архаического и даже классического периода древнеегипетской культуры ритуал играл центральную роль, ибо «только в ритуале достигается переживание целостности бытия и целостности знания о нем, понимание как благо и отсылающее к идее божественного как носителя блага» [16, с. 17].

Все действия во время ритуалов нацелены на восстановление, возрождение, обновление мира. Это относилось как к таким общим для коллективов праздникам, как наступление Нового года, так и к переходным (возрастным, социальным) обрядам человеческой жизни с той лишь разницей, что в социуме индивид поднимается по социальным ступеням, – от рождения и включения в коллектив, достижения половой зрелости и брака до похорон. В каждом обряде перехода (из одного состояния в другое, из одного мира – космического или общественного – в другой выделяются три категории обрядов перехода: отделения (прелиминарный), промежуточный (лиминарный), включение (постлиминарный) [3, с. 15, 26-28, 103, 169]. Иначе говоря, человек изымается из нормального существования, превращаясь в аномального человека, пребывающего в аномальном времени. На следующем этапе для иницируемого наступает период социального безвременья. Эти промежуточные обряды, приводящие иницируемого в маргинальное состояние, состоят в том, что он отделяется от привычной жизни, помещается в замкнутое пространство, исполняет все предписания и запреты в отношении еды, одежды и передвижения. Он словно находится между небом и землей. С точки зрения обычных людей иницируемый «заражен священным началом», находясь в священном состоянии, чем и опасен для других, «грязен». «Чтобы понять обряды, относящиеся к порогу, следует помнить, что порог является элементом двери и что большая часть этих обрядов должна рассматриваться в прямом и непосредственном смысле как обряды входа, ожидания и выхода, т. е. обряды перехода» [7, с. 95-98]. Таким образом, между двумя фазами перехода наступает символическая смерть, смерть в старом качестве, как обязательный процесс нахождения вне пространства и времени. В. Тэрнер, изучавший подобные церемонии в

честь вождей африканских этнографических культур, полагал, что лиминарность занимает центральное место в переходных обрядах. В лиминарных фазах культур миф и ритуал обогащаются: «если лиминарность считать временем и местом отхода нормальных способов социального функционирования, ее можно рассматривать как потенциальный период тщательной проверки центральных ценностей и аксиом культуры, в которой она происходит» [17, с. 231-232]. Основатель аналитической психологии К.Г. Юнг полагал, что лиминарность как безвременье, пороговость соответствует бессознательному в целостной психике человека [19, с. 36-56] – творцу мифов, архетипических образов.

К числу обрядов перехода относится царский праздник *sd*. Он отмечался несколько раз в правление одного фараона; в первый раз – через тридцать лет, а затем каждые три года, хотя эта периодичность не охватывает всех известных из источников случаев [11, с. 72]. Не известно, к каким обстоятельствам был причастен этот праздник, но суть его состояла в представлениях о божественности верховной власти, обновлении контактов царя с богами и социумом, прав на трон и власти над всем Египтом [38, р. 107]. О том, что праздник *sd* отмечался через 30 лет после коронации, известно из поздних источников [37, р. 182], поэтому нет твердой уверенности, что эта практика могла применяться во все периоды древнеегипетской истории.

Поскольку праздник *sd* существовал в Египте на протяжении тысячелетий, то его природа и дальнейшее развитие может рассматриваться в процессе культурно-исторических изменений от эпохи присваивающих видов хозяйства, – охоты и рыболовства, начала и развития земледелия и скотоводства в додинастическое время и становления раннего государства на основе социокультурной трансформации. Теоретическим обоснованием происходивших изменений может служить идея Ю.М. Лотмана о развитии культур в структуре взаимодействия и взаимообусловленности двух процессов: постепенных и взрывных тенденций, выполняющих различные функции. Одни обеспечивают преемственность, другие – новаторство [8, с. 17-34]. Последние связаны с опытами, практиками, изобретениями, внешними контактами и заимствованиями. Следы тотемических представлений первобытных культур с присущими им верованиями о невыделенности человека из природного мира сохранились в Египте и в эпоху мифотворчества неолитических культур и даже в классический период существования государства в форме почитания богов в облики животных или зооантропоморфных и фантастических образов. В протодинастическое время мотив охоты в изобразительных текстах отождествлялся со сценами сражений и военных триумфов вождя/царя. Говоря о семантическом тождестве мотива охоты и сражения, К. Леви-Строс писал: «...охота приносит пищу, хотя похожа на войну, которая приносит смерть» [6, с. 198]. На высшем уровне мифо-религиозных представлений он отражал космогонические представления о победе космоса над хаосом в циклическом движении времени, в котором начало неразрывно связано с концом. И эти представления ассоциировали социальные явления с природными, сезонными, отраженными в переходных обрядах, направленных на обновление природы и человека через умирание в старом качестве.

В древних и традиционных культурах восходящие на трон социальные лидеры, – вожди/цари проходили через болезненные физические и психологические испытания,

присущие инициациям. Об этом свидетельствуют различные культуры. Как и у многих африканских народов, у племен ндембу (Замбия) восхождению на трон верховного вождя предшествовал целый ряд мероприятий, связанных с его изоляцией. Лиминальность ндембу изобилует образами смерти. Для него строили легкий шалаш (в переводе именованный «умирать») вдали от столичной деревни, где претендент на должность верховного вождя умирает в своем прежнем качестве. Одежда его бедна. Он сидит на корточках – в позе стыда, его поливают водой, добытой из реки, где по поверью останавливались вожди-предки. В начале обряда будущий вождь подвергается оскорблениям, болезненным процедурам, – он должен смиренно внимать грубому обращению с ним. Но на фазе включения все изменяется. В торжественной обстановке член общины, играющий роль жреца, провозглашает претендента верховным вождем, и начинаются ритуалы. Новоиспеченный, перерожденный, ставший великим вождем, обладающий творческой энергией – маной, физическим здоровьем считается ответственным перед предками и богами за процветание и благополучие общины [17, с. 171-179].

Сходные обряды, связанные с вступлением в должность вождей и королей изучены и в других африканских культурах. При этом отмечается, что престарелых вождей увозили далеко за пределы обитания общины, то есть подвергали смерти, однако этот жестокий обычай был все же отменен [4, с. 210-213, 229].

Что касается Египта, материалы, свидетельствующие о существовании рассмотренных обычаев косвенны. Пожалуй, только иконографические детали могут указывать на унижительные процедуры фазы лиминальности. Это изображение вождя/царя спеленутым в плотно облегающую одежду, которая специально была предназначена для церемонии *sd* [33, tabl. IX], сидящего в наосе в пассивной позе (рис. 5).

Вместе с тем в научном обороте существуют изображения, раскрывающие ритуальные действия праздника *sd*, в которых, кроме царя, участвуют персонажи в зооморфном облики. Так, на оттиске глиняной печати на небольшом мешочке царя I династии Дена в мастабе N 3035 в Саккаре представлена сцена ритуального бега, в которой чередуются картинки: царь в короне Нижнего Египта бежит за быком; царь в короне Верхнего Египта приближается к сидящему на троне и протягивающему ему чашу павиану [22, р. 64, fig. 26] (рис. 6). В первую очередь изобразительный текст фиксирует тот факт, что праздник *sd* включал мотив объединения Верхнего и Нижнего Египта при царях I династии (что начало происходить уже при верхнеегипетских царях нулевой династии, начиная с Нармера). Павиан – это бог Большой Белый – царский предок, в образе которого мог выступать и уже скончавшийся царь. Так, на годовой табличке царя Семерхета на троне сидит павиан Большой Белый, но на пьедестале выписано тронное имя царя Нармера [25, fig. 4] (рис. 7). Большой Белый протягивает чашу с каким-то напитком царю Дену в знак его посвящения, признания его

Рис. 5. Царь в *sd*-одеянии, Нехен (по [33])

прав на египетский трон. Но кто этот бык, за которым бежит царь, осуществляя важнейший ритуал, символизирующий его легитимность на власть над объединенным Египтом, что и удостоверяет печать? Разумеется, это тоже бог и, судя по красной короне Нижнего Египта на царе, он должен символизировать Низовье, коль скоро в другой части изображения на царе, бегущим к Большому Белому, – белая корона Верхнего Египта. На оттиске печати царя Дена перед быком изображен иероглиф *spzt*, которым обозначали ирригационное поле или название нома [26, р. 488. N/24], а перед Большим Белым – предположительно рулевое весло от судна [26, р. 499, O/10]. Но царь Ден помазан на трон двуединого Египта, в котором существовали культы обоих богов, причастных к личности правящего царя. В этой же мастабе найден каменный фрагмент с изображением в верхнем регистре быка Аписа, а под ним павиана [22, pl. 19] (рис. 8). Известно, что царь Ден отмечал *Hb-sd* дважды, о чем свидетельствует посвященная ему секция на Палермском камне и надпись на сосуде из Абидоса [38, р. 108]. На Палермском камне несколько секций также причислены к царю Дену. В одной из них речь идет о двух праздниках: «Появление царя Нижнего Египта» и «Случай первого появления бегущего Аписа». Этот праздник плодородия был тесно связан с праздником *sd* [21, р. 75]. Также на Палермском камне праздник «бег Аписа» отмечался при царе Сехемхете и Каа I династии и при царе Нинечер II династии [37, р. 243]. Бег царя за быком Аписом указывает на причастность этого бога к торжествам, посвященным царю во время праздника *sd*. Но тот факт, что на табличке царя Аха из Абидоса тот же бог предстает в виде жертвенного быка (рис. 9) с очевидностью демонстрирует существование представлений об умирании и возрождении бога в облики быка. Таким образом, уже при I династии подготовлена почва для рождения образа умирающего и воскресающего бога Осириса на основе представлений о жертвоприношении быка Аписа, ставшего его спутником.

Рис. 6. Оттиск печати царя Дена (по [22; 26])

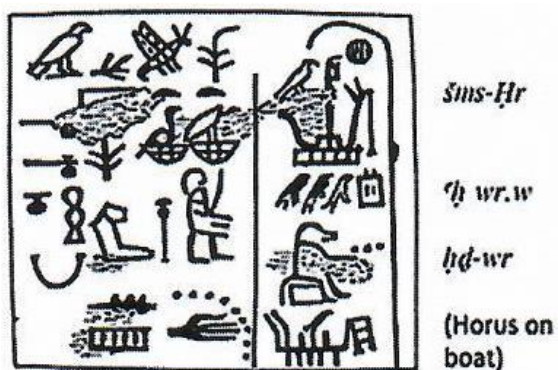

Рис. 7. Годовая табличка царя Семерхета (по [25])

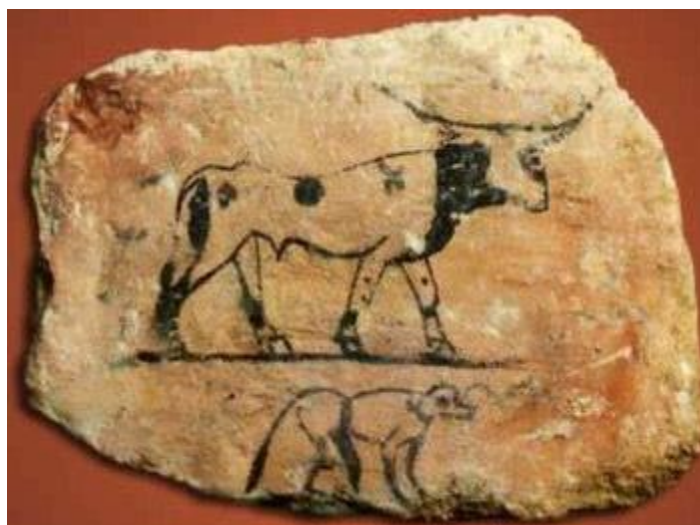

Рис. 8. Бык и павиан, как на рис. 5, Саккара ([22])

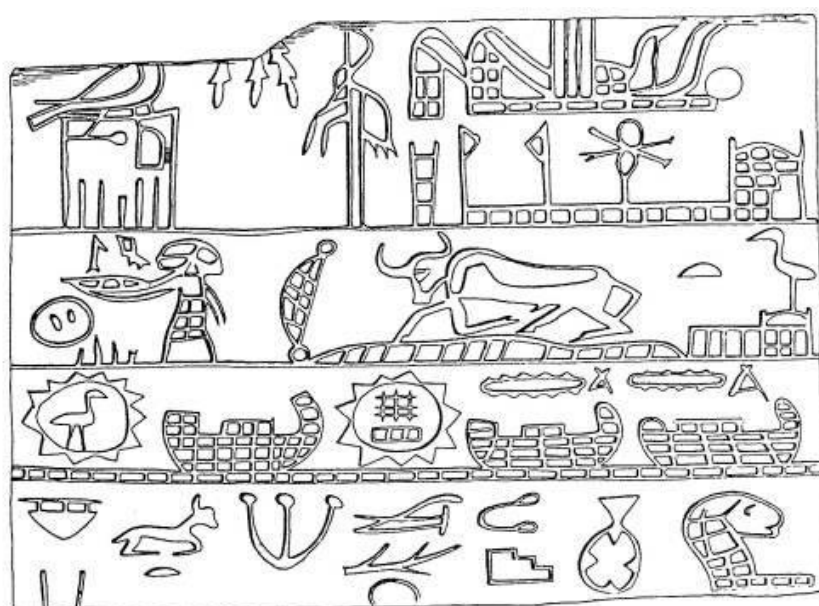

Рис. 9. Табличка царя Аха с жертвенным быком. Абидос (по [36])

Бык почитался в раннединастическом Египте как символ высшего сакрального проявления царской власти. Наиболее ранние изобразительные тексты, причастные к этим верованиям, относятся к амратской фазе культуры Нагада, когда сложилась социальная элита с вождем во главе племенных организмов. На некоторых сосудах типа С представлены сцены триумфа социального лидера. На одном из сосудов из могилы 415 в некрополе Умм эль-Кааб (Абидос) в верхней части тулова сосуда изображен вождь, фланкированный его сторонниками. А ниже шествуют бегемоты, в египетской традиции символизирующие врагов, которых тянут на веревках охотники. Впереди этой группы бежит бык, который, как полагает С. Хендрикс, представляет собой наиболее раннее воплощение символа царской власти [27] (рис. 10).

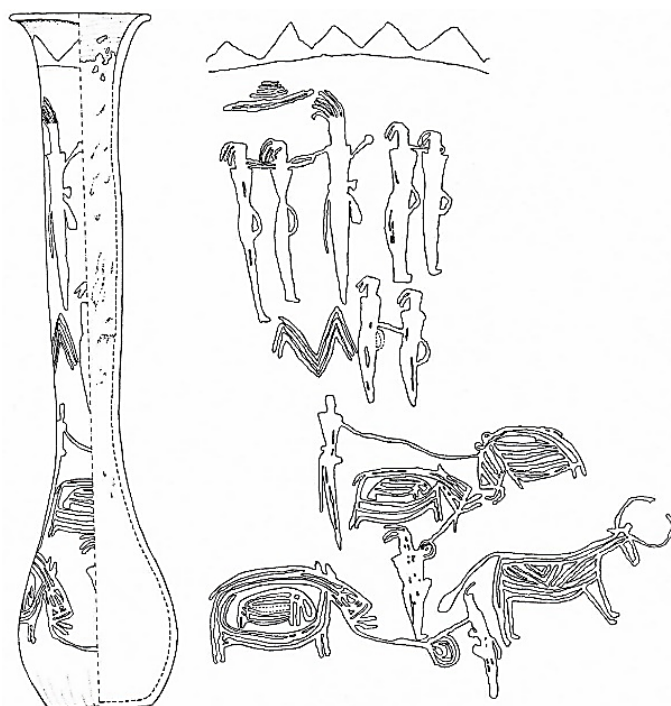

Рис. 10. Сосуд типа С из Абидоса (по [27])

Символические изображения царя в образе быка как существа, наделенного исключительной силой, потенцией, символом космического порядка известны по многим изобразительным текстам, в частности, на церемониальных палетках. На палетке Нармера царь в облике могучего быка разрушает вражескую крепость [28]. Этот образ представлен и на позднединастических церемониальных палетках как предметах ритуальных в сценах сражений воинства царя с побежденными врагами (рис. 11). Вместе с тем быка приносили в жертву в ритуалах, как и царя подвергали символической смерти на церемонии *sd*.

Рис. 11. Церемониальная палетка Быка (по [36])

Истоки жертвоприношения восходят к тотемическим верованиям первобытности и присущи коллективам с присваивающими формами хозяйства, – охотой и собирательством. Изначально обычай принесения жертвы был связан с тотемическими представлениями о родстве с животными, считавшимися предками, что не исключало охоту на них. Совместная ритуальная трапеза способствовала обновлению кровных уз, связывавших членов коллектива друг с другом и с тотемом. Древнейшая коллективная охотничья трапеза убитого животного на следующей фазе развития сознания трансформировалась в «общение» со ставшим священным животным, родовым божеством, умерщвленным как бы «в жертву самому себе». Как отмечал М. Мосс, между жертвой и богом всегда есть сродство: «подобное питается подобным» [13, с. 96-97].

К такого рода жертвоприношению тотемическому предку, сверхъестественному патрону общины относилось и приношение первинков при сезонном регулировании добычи и потреблении продуктов земледелия и скотоводства. При этом лучшие части жертвы предназначались предкам и богам [13, с. 91-99]. Эти древнейшие архетипические представления пережили тысячелетия. В первобытных культурах существовал культ священных животных, своего рода душ бога, и само животное становилось образом бога. Смещение тотемических культов и культа родовых предков дало ростки представлений о душе и ее загробном существовании. Без этого, – отмечал известный советский этнолог С. А. Токарев, – «трудно объяснить происхождение представлений о духах предков и их благодетельной силы» [15, с. 262].

Какие глубинные представления связаны с архетипическим мотивом жертвоприношения? Этой проблемой основательно занимался М. Мосс на богатейших материалах из разных древних и этнологических культур. Он отмечал, что этот ритуал есть освящение: «В жертве всегда присутствует дух, освобождение которого и являлось целью жертвоприношения» [13, с. 40]. Приносившееся в жертву животное становилось сакральным после его разрубания, пролития его крови для высвобождения энергии, порожденной освящением. Участниками жертвоприношения были жертвователь и жрец. И хотя дух жертвы был предназначен для бога, именно жертвователь являлся причиной и

целью жертвоприношения [13, с. 70]. Ключевой для понимания этого важнейшего ритуала являлась субстанция духа, который объединял элементы триады следующим образом: 1. Жертва являлась медиатором между жертвователем и богом, которому предназначена жертва; 2. Жертвователь должен был сам стать богом. Для этого перед ритуалом он проходил инициацию «перехода в бога или родства с ним»; 3. Жертва отождествлялась с богом. Жизнь бога становилась непрерывной цепью страданий и воскрешений. Жертва богу тождественна жертве бога [13, с. 17, 25, 94-96]. Освобожденный дух жертвы отлетал при ее расчленении, устремляясь в мир богов, а затем спускался к жертвователю. Таким образом, жертвователь (который выступает и в качестве коллективной личности, символизируя социум, как царь) приобретал (или подтверждал) свой религиозный и социальный статус. В жертвоприношении жертва играла роль посвящаемого, но так как изначально она отождествлялась с жертвователем, он – в силу психологического замещения – также очищался и получал новый обрядовый статус [7, с. 103].

В Египте истоки культа бога в облики быка восходят к додинастическому времени, когда существовал обычай хоронить почитаемых животных, в том числе и быков, в отдельных могилах. Но и в раннединастическое время могилы этих животных в числе других, в том числе и диких, входили в погребальные комплексы в элитных некрополях Нехена, датированных периодом Нагада IC-IIA [24, p. 157-191, fig.3-8].

В погребальном обряде додинастического Египта среди жертв, положенных в могилу, была передняя нога быка. Наряду с туалетными палетками и сосудами, нога быка является ритуальным предметом, за которым стоят мифо-религиозные представления. В качестве символов эти предметы многозначны. Символы имеют глубоко архаическую природу, – писал Ю.М. Лотман, – и восходят к дописьменной эпохе, «когда они представляли собой свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов, хранившихся в устной памяти коллектива... Способность сохранять в свернутом виде исключительно обширные и значительные тексты сохранилась за символами» [9, с. 241]. Если туалетные палетки указывают на древние верования, отраженные в ритуале «отверзания уст и очей», причастном к представлениям об оживлении умершего, а сосуды связаны с ритуалом подачи питья и очищения, то оставленная в могиле нога быка указывает на верования, имеющие глубокие корни (подробно об этих ритуалах см.: [18, с. 226-296]), истоки которых восходят к первобытным тотемическим представлениям, к охотничьему быту, что сохранили значительно более поздние источники.

Памятники изобразительного искусства раннединастического Египта, причастные к институту царской власти, запечатлели ритуал жертвоприношения быка, в том числе по случаю праздника *sd*, на упомянутой церемониальной булаве Нармера (рис. 3). В нижнем регистре в числе прочих жертвоприношений с указанием их количества изображен бык. На годовой табличке царя Дена также в нижнем регистре были изображены жертвы, принесенные в связи с церемонией *Hb-sd*, однако эта часть плохо сохранилась (рис. 4). На деревянной табличке первого царя I династии Аха на втором регистре сверху изображен приготовленный к жертвоприношению лежащий бык [36, fig. 44] (рис. 9). На платформе восточного фасада мастабы царя Дена в царском некрополе Саккары были выставлены триста вылепленных из глины голов жертвенных быков с натуральными рогами [21, fig. III.

8] (рис. 12). В Раннем царстве заупокойный культ царей отправлялся в поминальных царских святилищах. При них существовали изображенные на цилиндрических печатях сооружения с помещениями для жертвоприношений, жертвенниками, загонами для скота и скотобойнями. Существовали также «дома заклания», где служили жрецы бога Анубиса, причастного к погребальному обряду. В надписях на сосудах конца I–II династий встречается термин «божья жертва», включающий значение «заупокойной жертвы» [14, с. 28–29]. О причастности жертвоприношения быка к заупокойному культу свидетельствуют Тексты пирамид, написанные на стенах внутренних помещений этих погребальных сооружений при царях V–VI династий, спустя сотни лет после Раннего царства. В одном заклинании говорится о том, что рога жертвенного быка богов – это холмы Хора и Сетха (Рут. 306, § 480), которые возвышаются в восточной части неба, на пути умершего царя, переправляющегося в Поля Тростника (Рут. 470, § 914–918), т. е. в направлении восхода солнца, в каком бычьи головы были установлены на восточной стороне мастабы царя I династии Дена. Но, как умерший царь, так и отмечавший праздник *sd* в переходном обряде, проходил через фазу лиминальности; в церемонии *sd* он умирал символически в старом качестве и возрождался как утреннее солнце.

Жертвоприношение быка являлось центральным ритуалом во время царских праздников, и суть его была связана с верованиями в высвобождение духа жертвы, которая считалась богом. А жертвователем, то есть сам царь, в честь которого совершалось жертвоприношение, приобретал (или подтверждал) свой религиозный и социальный статус, пройдя через символическую смерть во время ритуалов.

Рис. 12. Головы быков на панели мастабы царя Дена. Саккара (по [21])

Универсальные представления о жертве быка и его расчленении сохранились в значительно более позднее время в мифах и ритуалах о первой жертве, с которыми ассоциировались представления об умирающих и воскресающих богах, к числу которых принадлежал и египетский Осирис, а бык Апис считался его спутником, животной формой

бога. И как быка Аписа расчленили во время ритуала жертвоприношений в раннединастическое время, так и в Текстах пирамид первый царь Египта бог Осирис был убит и расчленен его братом-близнецом богом Сетхом.

В одном изречении Текстов пирамид жрец в образе бога Хора, сына Осириса расчленяет жертвенного быка Сетха и произносит речь: «О, ты, кто поразил моего отца, кто убил более великого, чем ты, ты убил моего отца, ты убил того, кто более великий, чем ты» (Руг. 580, § 1543). Хор сообщает Осирису о том, что он убил того, кто убил Осириса, то есть, Сетха, – разрубил дикого длиннорогого быка, на спине которого был Осирис. Хор отрезал его голову, хвост, ноги и руки (?), которые принадлежат Анубису и Осирису-Хентиментиу. Лучшие части туши жертвенного быка Сетха предназначены и другим богам (Руг. 580, §1544–1550) [23, р. 234–235]. О жертвоприношении быка говорится в Рамессейском Драматическом папирусе времени правления фараона Сенусерта I в Среднее царство [5, с. 61]. В этом источнике жертвенный бык назван богом Тотом, и Е. Отто полагал, что речь идет о некоем древнем «таинственном и опасном боге луны» [31], хотя совершенно очевидно, что этот красный дикий бык – Сетх. Жрец, исполняющий роль бога Хора, совершает ритуал расчленения жертвенного быка. А присутствующая здесь богиня Исида в обликии коршуна вопрошает жертвенного быка: «Две твои губы сделали это. Рот твой все еще открыт?» [цит по: 35, р. 168]. Здесь воспроизводится ритуал «отверзания уст» в погребальном обряде уже с додинастического времени. В оправдательной речи Сетха звучит ложь, оговор Осириса: «Это он напал на меня... Это он настиг меня».

При различном подходе к классификации жертвоприношений в литературе, в данном случае, как представляется, наиболее аргументированной является та, что называет жертвоприношения сакрализующими и искупительными [13, с. 68]. Как видно из приведенных источников, жертвенным быком является бог Сетх – брат-близнец и убийца Осириса. Мифологическое сознание допускает сочетание отождествлений и противопоставлений как необходимого инструментария «мифологического структурирования в плане классификаций, построения систем и сюжетов» [12, с. 233], основанном на биполярности, противостоянии представлений о космосе и хаосе, персонифицированных мифологическими образами. В мифах о братьях-близнецах один представляет начало положительное, другой символизирует зло. Такая, присущая мифологическому мышлению структура порождает мифы, подобные осирическим. В этой связи Ян Ассман рассматривает жертвоприношение Сетха как искупление. В расширительном смысле, – отмечал египтолог – жертвенный дар становится «возмещением» за утраченную жизненную силу, злодей – персонификация причины смерти (Сетх), нечто вроде «козла отпущения», мститель (Хор) возмещает утраченную жизненную силу [1, с. 154–155].

Собственно, и Осирис как первая жертва стал мифологическим прообразом для умерших Осирисов-имярек в погребальном обряде, но также и в празднике *sd*, на котором раннединастические цари после фазы лиминарности, принятии символической смерти переходили к фазе включения, совершая ритуальный бег за жертвенным быком Аписом, что символизировало возрождение, обновление, получение прав на египетский трон через

страдания и символическую смерть. Иначе говоря, этот мотив отражает принцип восстановления гармонии, баланса, порядка вещей, победе космоса над хаосом.

Почему царский праздник *sd* получил такое название? В царской иконографии бычий хвост, наряду с такими важными атрибутами, как венцы Верхнего и Нижнего Египта, инсигнии власти: булава, мухобойка, скипетр хека (*HqA*) в виде крюка, фальшивая борода, имел непосредственную связь с символикой царской власти. Вместе с тем на додинастических артефактах царь, как и люди бога Хора в образе сокола, носил во время ритуалов хвост дикой собаки или шакала, которые, как и хвост быка на одеянии царя на празднике *sd*, символизируют силу, мощь и агрессию диких животных: быка, льва, скорпиона и дикой собаки, и эти образы символизировали царскую власть [29, р. 234-242].

Мотив бега царя за быком на празднике *sd* отражает сохранившиеся древнейшие представления об охоте. Вместе с тем целью его было подтверждение высокого статуса владыки Египта в условиях сложения двуединого раннего государства. На изображениях царей Раннего царства и позднее они воплощены с хвостом быка. Фонетическая основа слова хвост – *sd* такая же, как и в написании словосочетания праздника *sd* – *Hb-sd* [23, р. 166, 256] с бассейном и сдвоенным павильоном, символизирующим власть над Египтом. На одной печати царь I династии Джер изображен в двух павильонах праздника *sd*, – в короне Верхнего и Нижнего Египта [32, tabl. XV/108] (рис. 13).

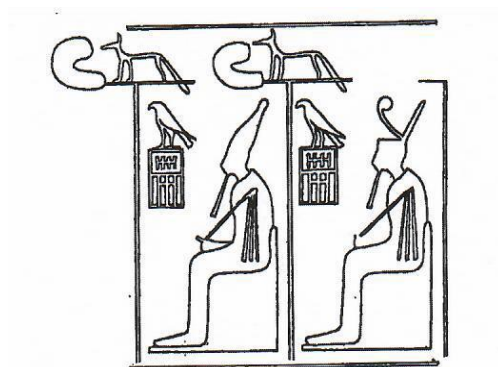

Рис. 13. Царь Джер во время праздника *sd* в двух павильонах (по [32])

Таким образом, праздник мог называться «добычей хвоста», «бег за хвостом», что отражает символический смысл получения божественного могущества царя, претендующего на подтверждение легитимности своего обновленного правления. Древний родовой тотем вождя стал богом царя, с которым он отождествлялся, демонстрируя в ритуальном беге божественную мощь, магическую силу, творческую энергию – ману, символизированную бычим хвостом (как и быком). Иконография бега царя за быком на празднике *sd* ассоциировалась с праздником бега бога Аписа. А маркеры *dbnw*, между которыми царь совершал ритуальный бег, символизировали пространство Верхнего и Нижнего Египта, власть над которыми царь подтверждал, успешно пройдя все ритуалы праздника *sd*.

Проанализированные материальные источники додинастического и раннединастического Египта, посвященные царскому празднику *sd*, рассмотрены в

контексте концепции культурной памяти. Как работает механизм хранения и передачи некоторых сообщений (изображений как текстов) и выработки новых? Культура и есть хранилище надындивидуальной, коллективной, общей памяти. Идентичность цементировалась за счет коммуникации из поколения в поколение, передачи духовных ценностей, актуализированных в форме мифов и ритуальной практики. Особую роль играл культ предков, наделивших знаниями, передаваемыми через опыт. Изобразительное искусство служило важнейшим каналом передачи информации о картине мира, к которому принадлежал и социум во главе с царем, отвечающим за его процветание. В ритуалах общество воспроизводило изначальный космический порядок, созданный первопредками и богами. «Культура в соответствии с присущим ей типом памяти отбирает во всей этой массе сообщений то, что, с ее точки зрения, является “текстами”, т. е. подлежит включению в коллективную память» [10, с. 74]. В процессе развития в культуре сочетаются два взаимосвязанных процесса, – верность традиции и новаторство [6, с. 17-34], что сохраняет ее основания в перспективе культурно-исторических трансформаций. В этом контексте царский праздник *sd* является одним из ярких примеров хранения в культурной памяти давно минувших тотемических представлений, трансформированных, получивших новое содержание в культе предков царя, символизируя обновление мироздания через символическую смерть и возрождение на празднике *sd*, гарантирующем владыке тысячи *хеб-седов*.

Литература

1. Ассман Ян. Египет. Теология и благочестие ранней цивилизации. М.: Присцельс, 1999. 365 с.
2. Ассман Ян. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
3. Геннеп ван А. Обряды перехода. М.: Восточная литература РАН, 2002. 198 с.
4. Кочакова Н.Б. Рождение африканской цивилизации. Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея. М.: Наука, 1986. 302 с.
5. Лаврентьева М.Ю. Рамессейский драматический Папирус: перевод и комментарий. М.: Издательство ЦЕИ РАН, 2016. 206 с.
6. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 535 с.
7. Лич Э. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. М.: Восточная литература РАН., 2001. 141 с.
8. Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Семиотика. М.: Гнозис, 1992. 270 с.
9. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2004. 703 с.
10. Лотман Ю.М. Чему учатся люди: статьи и заметки. М.: Центр книги Рудомиро, 2010. 413 с.
11. Матье М.Э. Хеб-сед (из истории древнеегипетской религии) // Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта // Исследования по фольклору и мифологии Востока. М.: Восточная литература РАН. 1996. С. 71-91.
12. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература РАН, 1995. 406 с.
13. Мосс М. Социальные функции священного. СПб.: Евразия, 2000. 448 с.
14. Савельева Т.Н. Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства. М.: Восточная литература, 1992. 179 с.

15. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Из-во политической литературы, 1990. 320 с.
16. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 7-61.
17. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
18. Шеркова Т.А. Рождение Ока Хора: Египет на пути к раннему государству. М.: Праксис, 2004. 369 с.
19. Юнг К.Г. Психологический комментарий к «Бардо Тходол» // О психологии восточных религий и философии. М., 1994. 253 с.
20. Adams B., Ciałowicz K. M., Protodynastic Egypt. Ox., 1997. 72 p.
21. Emery W. Archaic Egypt. Culture and Civilization in Egypt. Five thousand years ago. London: Pinguin books, 1961. 269 p.
22. Emery W. Excavations at Saqqara. The Tomb of Hemaka. Cairo: Government Press, Bulaq, 1938. 64 p. 42 Pl.
23. Faulkner R.O. Ancient Egyptian Pyramid Texts: Ox. Univ. Press, 1969. 330 p.
24. Friedman R., Van Neeler W., Linseele V. The elite predynastic cemetery at Hierakonpolis: 2009–2010 update // In: Friedman R., Fiske P. N. (ed.). Egypt and its origin 3. Proceedings of the third International Conference “Origins of the State. Predynastic and Early dynastic Egypt”. London 27th Julu – 1st August 2008. Leuven, Paris-Napole, 2011. P. 157-191.
25. Fritschy W. A New Interpretation of the Early Dynastic so-called ‘Year’Labels. ‘Balm Labels’ and the Preservation of the Memory of the King // The Journal of Egyptian Archaeology. 2021. V. 107. №1-2. P. 207-224. <https://doi.org/10.1177/030751332110603>.
26. Gardiner A. Egyptian Grammar. L.: Oxford University Press, 1950. 646 p.
27. Hendrickx S. Hunting and social complexity in Predynastic Egypt // Bulletin des Séances Mededelingen der Zittingen. 2011. P. 237-262.
28. Hendrickx S., De Meyer M., Eyckerman M. On the Origin of the Royal False Beard and its Bovine Symbolism. In: Aegyptus est Imago Caeli. Studies Presented to Krzysztof M. Ciałowicz on His 60-th Birthday. Krakow, 2014. P. 129-143.
29. Le Blane M.J. The Zoomorphic Transformation of the King in Early Egyptian Royal Military Victory Rituals and Its Relationship to the Sed Festival // GENIM 11. Cahiers de l'ENiM. Apprivoiser la sauvage. Taming the wild. Montpellier. 2015. P. 229-244.
30. Lightheim M. A. Ancient Egyptian literature. Berkley – Los Angeles – London, 1975. 245 p.
31. Otto E. An Ancient Egyptian Hunting Ritual // Journal of Near Eastern Studies, 1950. Vol. 9 N. 3. P. 164-177.
32. Petrie F.W.M. Abydos. Pt. I. L., 1902.
33. Quibell J.E., Green F.W. Hierakonpolis II (Egypt Research Account, V). L., 1902. 27 p.
34. Quibell J.E., Hierakonpolis I. (Egypt Research Account, IV). L., 1900. 12 p.
35. Roth A.M. Fingers, Stars, and the “Opening of the Mouth”: the Nature and Function of the nTrwj-blades // Journal of Egyptian Archaeology, 1993. No 79. P. 57-74.
36. Spencer A.J. The Rise of Civilisation in the Nile Valley. L.: British Museum Press, 1993. 128 p.
37. Wilkinson T.A.H. Early Dynastic Egypt. London, New York, 1999. 373 p.
38. Wilkinson T.A.H. Royal annals of ancient Egypt: the Palermo Stone and its associated fragments. London and New York, 2000. 287 p.

References

1. Assman, Yan. (1999). *Egipet. Teologiya i blagochestie rannej civilizacii*. M.: Priscel's, 365 s. (in Russ.).
2. Assman, Yan. (2004). *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vy'sokix kul'turax drevnosti*. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 363 s. (in Russ.).
3. Gennep, van A. (2002). *Obryady' perexoda*. M.: Vostochnaya literatura RAN, 198 s. (in Russ.).
4. Kochakova, N.B. (1986). *Rozhdenie afrikanskoj civilizacii. Ife, Ojo, Benin, Dagomeya*. M.: Nauka, 302 s. (in Russ.).
5. Lavrent'eva, M.Yu. (2016). *Ramessejskij dramaticheskij Papirus: perevod i kommentarij*. M.: Izdatel'stvo CEI RAN, 206 s. (in Russ.).
6. Levi-Stros, K. (1983). *Strukturnaya antropologiya*. M.: Nauka, 535 s. (in Russ.).
7. Lich, E'. (2001). *Kul'tura i kommunikaciya. Logika vzaimosvyazi simvolov*. M.: Vostochnaya literatura RAN., 141 s. (in Russ.).
8. Lotman, Yu.M. (1992). *Kul'tura i vzry'v. Semiotika*. M.: Gnozis, 270 s. (in Russ.).
9. Lotman, Yu.M. (2004). *Simvol v sisteme kul'tury'. Semiosfera*. SPb.: Iskusstvo-SpB, 703 s. (in Russ.).
10. Lotman, Yu.M. (2010). *Chemu uchatsya lyudi: stat'i i zametki*. M.: Centr knigi Rudomiro, 413 s. (in Russ.).
11. Mat'e, M.E'. (1996). *Xeb-sed (iz istorii drevneegipetskoj religii) // Izbranny'e trudy' po mifologii i ideologii Drevnego Egipta. Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka*. M.: Vostochnaya literatura RAN. S. 71-91. (in Russ.).
12. Meletinskij, E.M. (1995). *Poe'tika mifa*. M.: Vostochnaya literatura RAN, 406 s. (in Russ.).
13. Moss, M. (2000). *Social'ny'e funkcii svyashhennogo*. Spb.: Evraziya, 448 s. (in Russ.).
14. Savel'eva, T.N. (1992). *Xramovy'e xozyajstva Egipta vremeni Drevnego czarstva*. M.: Vostochnaya literatura, 179 s. (in Russ.).
15. Tokarev, S.A. (1990). *Rannie formy' religii*. M.: Iz-vo politicheskoy literatury', 320 s. (in Russ.).
16. Toporov, V.N. (1988). *O rituale. Vvedenie v problematiku. Arxaicheskij ritual v fol'klorny'x i ranneliteraturny'x pamyatnikax*. M., S. 7-61. (in Russ.).
17. Te'mer, V. (1983). *Simvol i ritual*. M.: Nauka, 277 s. (in Russ.).
18. Sherkova, T.A. (2004). *Rozhdenie Oka Xora: Egipet na puti k rannemu gosudarstvu*. M.: Praksis, 369 s. (in Russ.).
19. Yung, K.G. (1994). *Psixologicheskij kommentarij k «Bardo Txodol». O psixologii vostochny'x religij i filosofij*. M., 253 s. (in Russ.).
20. Adams, B., & Ciałowicz, K. M. (1997). *Protodynastic Egypt*. Ox., 72 p.
21. Emery, W. (1961). *Archaic Egypt. Culture and Civilization in Egypt. Five thousand years ago*. London: Pinguin books, 269 p.
22. Emery, W. (1938). *Excavations at Saqqara. The Tomb of Hemaka*. Cairo: Government Press, Bulaq, 64 p. 42 Pl.
23. Faulkner, R.O. (1969). *Ancient Egyptian Pyramid Texts*: Ox. Univ. Press, 330 p.
24. Friedman, R., Van, Neeler, W., & Linseele, V. (2011). *The elite predynastic cemetery at Hierakonpolis: 2009–2010 update*. In: Friedman R., Fiske P.N. (ed.). *Egypt and its origin 3. Proceedings of the third International Conference "Origins of the State. Predynastic and Early dynastic Egypt"*. London 27 th Julu – Ist August 2008. Leuven, Paris-Napole, P. 157-191.
25. Fritschy, W. (2021). *A New Interpretation of the Early Dynastic so-called 'Year'Labels. 'Balm Labels' and the Preservation of the Memory of the King*. *The Journal of Egyptian Archaeology*. V. 107. №1-2. P. 207-224. <https://doi.org/10.1177/030751332110603>.

26. Gardiner, A. (1950). *Egyptian Grammar*. L.: Oxford University Press, 646 p.
27. Hendrickx, S. (2011). Hunting and social complexity in Predynastic Egypt. *Bulletin des Séances Mededelingen der Zittingen*. P. 237-262.
28. Hendrickx, S., De Meyer, M., & Eyckerman, M. (2014). On the Origin of the Royal False Beard and its Bovine Symbolism. In: *Aegyptus est Imago Caeli. Studies Presented to Krzysztof M. Ciałowicz on His 60-th Birthday*. Krakow, p. 129-143.
29. Le Blane, M.J. (2015). The Zoomorphic Transformation of the King in Early Egyptian Royal Military Victory Rituals and Its Relationship to the Sed Festival. *GENIM 11. Cahiers de l'ENiM. Apprivoiser la sauvage. Taming the wild*. Montpellier. P. 229-244.
30. Lighthelm, M.A. (1975). *Ancient Egyptian literature*. Berkley – Los Angeles – London, 245 p.
31. Otto, E. (1950). An Ancient Egyptian Hunting Ritual. *Journal of Near Eastern Studies*, Vol. 9 N. 3. P. 164-177.
32. Petrie, F.W.M. (1902). *Abydos*. Pt. I. L.
33. Quibell, J.E., & Green, F.W. (1902). *Hierakonpolis II (Egypt Research Account, V)*. L., 27 p.
34. Quibell, J.E. (1900) *Hierakonpolis I. (Egypt Research Account, IV)*. L., 12 p.
35. Roth, A.M. (1993). Fingers, Stars, and the “Opening of the Mouth”: the Nature and Function of the nTrwj-blades. *Journal of Egyptian Archaeology*, No 79. P. 57-74.
36. Spencer, A.J. (1993). *The Rise of Civilisation in the Nile Valley*. L.: British Museum Press, 128 p.
37. Wilkinson, T.A.H. (1999). *Early Dynastic Egypt*. London, New York, 373 p.
38. Wilkinson, T.A.H. (2000) *Royal annals of ancient Egypt: the Palermo Stone and its associated fragments*. London and New York, 287 p.

дата поступления: 17.03.2025

дата принятия: 17.04.2025

© Шеркова Т.А., 2025

РАЗМЕЖЕВАНИЕ КОНСЕРВАТИВНЫХ ЛИБЕРАЛОВ: СПОР МЕЖДУ Б.Н. ЧИЧЕРИНЫМ, Н.К. РЕННЕНКАМПОМ И Д.А. МИЛЮТИНЫМ

D.V. Rybin

THE DIVERGENCE OF CONSERVATIVE LIBERALS: THE DISPUTE BETWEEN B.N. CHICHERIN, N.K. RENNENKAMPF AND D.A. MILYUTIN

Аннотация. Целью работы является определение отношения консервативных и либеральных деятелей к национальному вопросу в Российской империи на рубеже XIX–XX веков. Разница в представлениях по этому вопросу положила начало размежеванию внутри праволиберальных групп на сторонников самодержавия или конституционной монархии. С помощью проблемно-хронологического метода установлены основные линии размежевания по национальному вопросу. Отмечено, что идейный лидер консервативных либералов Б.Н. Чичерин выступал с позиций приоритета прав национальных меньшинств, его противник Н.К. Ренненкампф, напротив, считал, что недостатки национальных групп определяют их подчиненное положение в империи. Д.А. Милютин, пытавшийся «вернуть» Б.Н. Чичерина в сферу реальной политики, встретил со стороны последнего сопротивление. Для Б.Н. Чичерина примат прав человека был выше, чем интересы государства. Он энергично протестовал против подавления прав еврейского и польского народов. Противоречие между двумя умеренными либералами стало прологом к расколу их сторонников в 1906 году. Спор между тремя деятелями важен для понимания того, как определяли свое отношение к национальному вопросу разные политические группы накануне Первой русской революции. Таким образом, это размежевание, инициатором которого был Б.Н. Чичерин, означало начало окончательного разделения правых и либеральных политиков на консерваторов, консервативных либералов и либеральных консерваторов, будущих черносотенцев, легалистов (прогрессистов) и октябристов. Предметом дальнейших исследований может служить изучение размежевания умеренных политиков по таким основаниям, как права человека, пределы императорской власти и пр.

Abstract. The aim of the work is to determine the attitude of conservative and liberal figures to the national question in the empire at the turn of the century. The difference in ideas on this issue marked the beginning of the demarcation within the right-liberal groups into supporters of autocracy or constitutional monarchy. Using the problem-chronological method, we established the main lines of demarcation on the national question. The ideological leader of the conservative liberals – B.N. Chicherin spoke from the position of the priority of the rights of national minorities, his opponent N.K. Rennenkampf, on the contrary, believed that the shortcomings of national groups determined their subordinate position in the empire. D.A. Milyutin, who tried to “return” Chicherin to the sphere of real politics, met resistance from the latter. For Chicherin, the primacy of human rights was higher than the interests of the state. He energetically protested against the suppression of the rights of the Jewish and Polish peoples. The contradiction between the two moderate liberals became the prologue to the split of their supporters in 1906. The dispute between the three figures is important for understanding how different political groups defined their attitude to the national question on the eve of the first Russian revolution. Thus, this division, initiated by Chicherin, marked the beginning of the final division of right-wing and liberal politicians into conservatives, conservative liberals and liberal conservatives. The future Black Hundreds, legalists (progressives) and Octobrists. The subject of further research could be the study of the division of moderate politicians on such grounds as human rights, the limits of imperial power, etc.

Ключевые слова: либеральный консерватизм; консервативный либерализм; легалисты; легализм; польский вопрос; еврейский вопрос; Б.Н. Чичерин; Д.А. Милютин; русификация; этика.

Сведения об авторе: Рыбин Данил Вячеславович, ORCID: 0000-0003-4851-2235, SPIN-код: 9503-1890, канд. ист. наук, доцент, Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия, danilarybin@rambler.ru

Keywords: liberal conservatism; conservative liberalism; legalists; legalism; Polish question; Jewish question; B.N. Chicherin; D.A. Milyutin; Russification; ethics.

About the author: Danil V. Rybin, ORCID: 0000-0003-4851-2235, SPIN: 9503-1890, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), St. Petersburg, Russia, danilarybin@rambler.ru

Рыбин Д.В. Размежевание консервативных либералов: спор между Б.Н. Чичериным, Н.К. Ренненкампом и Д.А. Милютиным // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2025. №3(71). С. 24-33. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/02>

Rybin, D.V. (2025). The Divergence of Conservative Liberals: The Dispute Between B.N. Chicherin, N.K. Rennenkampf and D.A. Milyutin. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (3(71)), 24-33. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/02>

Во второй половине XIX века в России существовало обширное либеральное движение, являвшееся частью освободительного движения. Частью его было течение либеральных юристов (легалистов). Значительная часть юристов примыкала к идеям Б.Н. Чичерина, представлявшим из себя «охранительный либерализм» (по выражению ученого). Они предполагали, что при сохранении консервативной власти царя будет происходить постепенная либерализация режима на пути к европейской демократии. Однако поступательное движение затормозилось при Александре III, который, хотя и не отстранил умеренных либералов от власти, но отдавал приоритет консерваторам. Положение ухудшилось при Николае II, когда было взято направление в сторону примитивного абсолютистского традиционализма. Таким образом, умеренные либералы могли увидеть, что их мечты о поступательной эволюции режима оказались всего лишь интеллектуальной ошибкой. Уменьшение влияния легалистов и репрессии, спровоцировали переход многих из них в радикальный лагерь, где уже находились левые либералы и социалисты.

История столкновения по вопросу о национальных меньшинствах с участием Б.Н. Чичерина, Н.К. Ренненкампа и Д.А. Милютина в конце XIX в. не получила подробного освещения в научной литературе. Существует много работ о взаимодействии государства с поляками и евреями, которые только косвенно относятся к заявленной теме. Среди работ можно выделить труд К.А. Соловьева о политической системе России, в которой он передает глубокий скептицизм Б.Н. Чичерина, отраженный в переписке с Д.А. Милютиным [12, с. 57, 302, 332]. Исключение составляет только работа В.А. Китаева, где получили освещение отдельные аспекты дискуссии Б.Н. Чичерина и Н.К. Ренненкампа [3, с. 116-123]. В современной историографии эта дискуссия освещена лишь в работе Г. Гамбурга [16].

Спор о положении национальных групп в Российской империи вызвал к жизни вопрос об отношении к характеру и ходу либеральных реформ, об отношении к сущности власти: самодержавие — навечно или ненадолго? Столкновения между либеральными группами

происходили и раньше. Например, конфликт о характере реформы в Польше в 1864–1866 гг., когда Д.А. Милютин (статс-секретарь по делам Польши) конфликтовал с В.А. Арцимовичем (вице-президент Государственного Совета Польши). Первый проводил реформы радикально, быстро, второй требовал соблюдения законности, настаивал на постепенном ходе преобразований.

Тем не менее, большинство чиновников оставалось в парадигме консервативно-либерального мировоззрения, ждали и воспринимали как неизбежность проведение поступательных реформ, чувствовали свое групповое единство и совместный интерес. При отсутствии легальной партийной политики (до 1905 г.) различия между либералами казались несущественными и сводились к разной степени «левизны» – «правизны».

Б.Н. Чичерин против Н.К. Ренненкампа

Усиление консервативных тенденций означало вызов для умеренных либералов: надо было определиться – консерватизм или либерализм? Многие пытались избежать этого выбора, чтобы оставить за собой свободу действий, сохраняя неопределенное политическое лицо. Но идейные общественные деятели настаивали на выборе. Одним из крупных внутренних конфликтов стало негласное требование идеолога легализма Б.Н. Чичерина определить свое отношение к национальным группам в последние годы XIX века. В науке нет четкой позиции по поводу взглядов Бориса Николаевича. Его именуют консерватором, либералом, консервативным либералом, либеральным консерватором и т. п. [1, с. 90-102; 11, с. 304-316]. Такой разнобой связан с его различной политической позицией в разные периоды жизни. Внешне Б.Н. Чичерин предстает как человек эволюционирующий от консерватизма к либерализму (стоит отметить, что многие умеренные либералы 1860-х гг. состарившись, напротив, смещались к консерватизму). На наш взгляд, эта путаница возникает из непонимания того, как консерватизм и либерализм уживались в голове ученого. Однако, если внимательно прочитать его воспоминания и труды 1860-х и 1890-х гг., то никакой эволюции и противоречия мы не обнаружим. В представлении Б.Н. Чичерина политическое развитие должно было происходить от самодержавия к конституционной монархии с постепенным торжеством правового порядка. Вопрос о правах человека, как либеральной ценности обсуждению не подлежал и являлся высшим императивом. В случае же с его оппонентом – бывшим министром Д.А. Милютиным, возможно, эволюция от либерализма к консерватизму (в представлениях) имела место. По крайней мере, исследователи отмечают, что в годы реформ министр отличался большим реформаторским настроем [2; 4, с. 33-37].

Прошло 40 лет, а прекрасные планы не реализовывались. Возможно, Б.Н. Чичерин просто устал ждать. Он имел преклонный возраст, политическая карьера не сложилась, люди казались, в большей своей части, бездарями. В такой ситуации, когда уже терять было нечего он «перешел в наступление» на государство, проявив недюжинный талант полемиста и интеллектуала. Объяснение своей эволюции Б.Н. Чичерин давал в письме Д.А. Милютину 31 августа 1900 года. В 1860-х гг. он выступал против конституционной реформы, так как считал одновременную реформу государства и общества опасными. Тем не менее, конституционное правление должно было завершить преобразования Александра II (в письмах 1878 г. Б.Н. Чичерин писал – «время настало»!). Далее противоречия, после

1881 г., нарастали. «Износившееся самодержавие обратилось в труху в руках тайных людей преследующих исключительно личную выгоду интереса» [8, л. 23-24].

Спусковым крючком стала полемика с консервативным профессором Киевского университета Николаем Карловичем Ренненкампом.

В 1898 г. Борис Николаевич выпустил в свет третий том курса «Государственная наука (Политика)». В нем, кроме прочего, ученый разбирал правовое положение национальных групп в Российской империи. Прочитав этот труд, бывший ректор Киевского университета Н.К. Ренненкамф решил высказать свою позицию по идеям Б.Н. Чичерина. В номерах с 158 по 165 журнала «Киевлянин» вышло два письма, в которых он изложил свою точку зрения.

Собрав все высказывания Б.Н. Чичерина, Н.К. Ренненкамф подчеркивал, что, по словам его оппонента, Россия воспользовалась слабостью Польши и поделила ее с немцами. При этом уровень политико-культурного развития Польши был относительно высоким. Так что включение ее в состав России было ошибкой. Внешне киевский профессор соглашался с автором курса «с высшей точки зрения, руководимой принципами справедливости и законности» [10, с. 3-13]. Но, далее он критиковал своего московского коллегу.

Он указывал, что Польша пала жертвой собственной анархии. Россия вернула себе свои земли. В гибели государства Польского, в том числе, были виноваты поляки: в последнее столетие они не смогли приобрести политической самостоятельности и вели себя, по-прежнему, не как зрелая нация. Подавляли русинов в Галиции, поднимали безумные восстания 1832 г. и 1863 г., несмотря на дарованные им свободы. При этом Россия сохраняла благожелательное отношение к полякам; обеспечивала им стабильность, не русифицировала исконно польские земли (в этом профессор был далек от истины), освободила крестьян. В ответ католическая церковь занималась своей пропагандой, дворянство сохраняло высокомерие.

По мнению киевлянина, сближение двух народов было бы очень желательно и возможно. Но, поляки, в итоге, оказались двуличными, фанатичными, нетерпимыми и все сближение разрушили в 1863 году. В настоящем времени образованное польское общество, по-прежнему, не было готово к объединению и жило затаенной злобой [10, с. 13-43].

Второе письмо профессора относилось к еврейскому вопросу. Наша вера произошла из иудаизма, возглашал Б.Н. Чичерин. Он развенчивал мифы о еврействе: его паразитизме, изворотливости, аморализме и прочих грехах. Однако эти грехи не национальные, а индивидуальные, провозглашал Б.Н. Чичерин. В общем надо немедленно отменять все ограничения прав евреев, считал московский профессор [10, с. 44-56].

Н.К. Ренненкамф упрекал оппонента, что он смешивает евреев и иудаизм I в. и XIX в., а это уже во многом другой народ и другая вера. Христианство – это шаг в развитии иудаизма, а не сам иудаизм. Не гонения вызвали отчуждение иудаизма, а он был всегда и основывался на идее исключительности евреев. Далее Н.К. Ренненкамф перечислял антисемитские проявления русского (украинского) населения в отношении евреев. Соответственно он задавался вопросом: разве в таких условиях возможна мгновенная отмена еврейских ограничений? Далее Н.К. Ренненкамф огульно приписывал евреям совокупность негативных качеств, которые «могут вырваться наружу и заполнить наши

города и села» (изворотливость, лживость, чувство расового превосходства, паразитизм и пр.). Евреи должны «представить достаточные гарантии своей полезной трудовой деятельности» (интересно – как?). Нельзя отдавать «мужицкое царство» на произвол евреев! – призывал Н.К. Ренненкампф. Далее киевлянин рисовал фантастические ужасы нашествия евреев. Если дать им возможность приобретать землю они-де в короткий срок ее всю захватят, а крестьян превратят в батраков. В высшем и среднем образовании евреи захватят все основные позиции. Евреи споят русское население и тому подобное [10, с. 56-72].

В то же время, по мнению Н.К. Ренненкампфа, во многом было виновато царское правительство. На протяжении XIX в. серией мер оно способствовало замыканию евреев в касту. В итоге вражда возрастала. Надо отменить все законы, способствующие такой замкнутости, в том числе, упразднить особые еврейские общества, прекратить специальные сборы, включить все еврейские организации в местные структуры, упразднить все еврейские учебные заведения. В общем отменить особый сословный статус евреев [10, с. 3-13]. Подводя итог, Н.К. Ренненкампф считал, что отменять ограничения евреев необходимо постепенно по мере того, как они докажут свой патриотизм и сольются с коренным народом.

Еще до того, как Б.Н. Чичерин ответил на письмо киевского профессора, некие анонимные либералы, проживавшие в Европе, подготовили и в 1898 г. опубликовали памфлет с нападками на Н.К. Ренненкампфа. Среди агрессивной критики консерватора выделялись разумные возражения: превалирование личных замечаний над научными, игнорирование военного характера захвата Польши в XVIII в., отрицание русификации. Особенно разгромной критике Н.К. Ренненкампф подвергся за его беспомощные антисемитские идеи [7].

Б.Н. Чичерин, готовивший ответ оппоненту, не мог давать категоричные оценки его позиции. В 1899 г. этот ответ был опубликован в Берлине. Нам неизвестно, успел ли Н.К. Ренненкампф его прочитать, так как он скончался 10 мая 1899 года.

В ответе Борис Николаевич поднимал глубокие и сложные этические вопросы. Так, он различал нравственный и безнравственный патриотизм. К последнему ведет так называемая практическая политика, которой проникнуты «так называемые практические государственные люди», «масса пошлых людей», журналисты-пропагандисты. Нас должно вести нравственное чувство: «протяни руку павшему под нашими ударами брату». Далее Б.Н. Чичерин разбивал доводы Н.К. Ренненкампфа. Соседи поддерживали нестабильность Польского государства. Разделы Польши были безнравственным действием, в отличие от политики Алексея Михайловича и Петра I. Был нарушен Вечный мир. Екатерина II воспользовалась слабостью поляков. Польские восстания надо было подавлять, но после этого государство ликвидировало Царство Польское и принудительно включило его в состав Российской империи. Отрицание Н.К. Ренненкампфом русификации вызывало у Б.Н. Чичерина недоумение. Он приводил множество примеров этой самой русификации («располячивание» по Каткову). Язык вытеснялся, униатов принудительно загнали в православие. Б.Н. Чичерин подчеркивал, что, занимаясь панславянизмом, общество и правительство как бы исключили «плохих славян» - поляков из прекрасной славянской

семьи. «Освобождая одних братьев... держать других в цепях» [13, с. 30]. Занимаясь двуличием, мы привлечем к себе только таких же двуличных людей, утверждал ученый. Требование Н.К. Ренненкампа, чтобы католическая церковь не занималась миссионерством казалось Б.Н. Чичерину крайне странным – ведь это же предназначение религиозной организации! Нельзя принуждать человека относиться к определенной вере [13, с. 13]. Необходимо было, по мнению ученого, отменить все исключительные меры, уравнивать русских и поляков, польский язык восстановить во всей полноте, предоставить Польше местное самоуправление. В конечном счете надо дать Польше суверенитет. А как иначе? Либо исполнение нравственного долга, либо братоубийство. Унижая поляков, мы унижаем себя. Даже с практической стороны обладание Польшей невыгодно. Мы тратим на нее больше, чем получаем. Освобождение Польши привлекло бы к России симпатии всех славян и составило фатальную угрозу для Германии. Так считал Б.Н. Чичерин [13, с. 1-37].

По еврейскому вопросу все дело, по его мнению, заключалось в предрассудках. Далее он намекал, что именно Н.К. Ренненкампа наполнен сказками и мифами о евреях. Б.Н. Чичерин интеллектуально наказывает своего слабого оппонента. Так, он демонстрирует знание Талмуда и показывает, что религиозная традиция иудеев непрерывна и культура их по-прежнему весьма давняя. Почему же мы их притесняем, вопрошал ученый? Он указывал, что близких нам людей по религии или национальности мы притесняем особенно сильно. Если мы истинные христиане, то о каком вообще гонении мы можем говорить? Вообще, за что собственно евреи терпят ограничения? Страхи по поводу предприимчивости евреев могут вызвать удивление. Получается, государство, имеющее в своем составе евреев, обладает преимуществом? Ненависть к евреям сродни к ненависти к другим народам и носит зоологический характер. Непонятно также, почему осуждалось внутреннее единство еврейского мира. Что лучше разъединение, существующее внутри русского мира? Энергично Б.Н. Чичерин декларировал справедливость в равенстве всех поданных империи [13, с. 37-56]. Дискуссия между умеренным либералом и консерватором имела своеобразное продолжение в виде спора между старыми друзьями – Д.А. Милютиным и Б.Н. Чичериным.

Переписка Б.Н. Чичерина и Д.А. Милютина

Стоит отметить, что в тот период Борис Николаевич переживал душевный кризис, отражавшийся в его письмах к друзьям. Большой интерес представляет его переписка с Д.А. Милютиным как пример столкновения двух подходов в либеральном реформировании государства. Генерал-фельдмаршал в то время постоянно проживал в Симеизе в своем имении. Из него он вел активную переписку с близкими по духу интеллектуалами.

В том году (1899) либеральная общественность активно обсуждала публичную переписку Б.Н. Чичерина и Н.К. Ренненкампа. По этому вопросу между Б.Н. Чичериным и Д.А. Милютиным также завязалась важная для политической истории России переписка, но уже частного характера.

13 ноября Д.А. Милютин направил Б.Н. Чичерину письмо, в котором мягко, но с оговоркой соглашался с Б.Н. Чичериным (по вопросу о нарушении прав малых народов). Отставной высший офицер констатировал, что права человека, это хорошо, но «не только мы не доживем до желаемого перерождения нашей матушки России, но даже и внуки, и

правнуки наши едва ли будут участниками этой метаморфозы» [9, л. 31-32]. Далее Д.А. Милютин, давая оценку полемике двух профессоров, отмечал, что в польском и еврейском вопросе Б.Н. Чичерин полностью прав с этической точки зрения. Тем не менее, этика противостоит политике. Применение этики приведет к развалу государств и переделу границ [9, л. 33-34]!

Б.Н. Чичерин в ответном письме 22 ноября переживал, что Д.А. Милютин не принял его ответ к Н.К. Ренненкампу. Он соглашался, что политика и нравственность разделены! Но надо их соединить! – возглашал Б.Н. Чичерин. Рассуждения ученого рисуют нам образ либерального идеалиста. «Мы перед поляками в неоплатном долгу, отнявши у них то, что есть самого святого на земле». «Мы должны подняться на нравственную высоту!», – восклицал Б.Н. Чичерин. В отношении евреев он рассуждал о необходимости скорого уравнивания их прав с русскими [8, л. 11-14].

В ответ на эмоциональное письмо ученого Д.А. Милютин 3 декабря подготовил ответ, где корректно пытался остудить старого друга. Он подчеркивал, что между их этическими позициями нет противоречий. Но, политик не может «всегда идти по прямой линии, напролом, а должен применяться к обстоятельствам». Нельзя переделывать историю, нельзя применять научные принципы к давно минувшим событиям. «Польше нельзя давать независимость», – категорически утверждал Д.А. Милютин. Как к этому отнесутся Австро-Венгрия и Германия? Что скажет русский народ? «Ваша мечта полностью неосуществима», – констатировал Д.А. Милютин [9, л. 35-38].

Получив письмо, Б.Н. Чичерин 14 декабря подготовил новый ответ. «Я не могу встать на Вашу точку зрения», – писал ученый. «Мы должны снять с себя пятно братоубийства», применить гуманизм и справедливость к славянам. «Освобождение Польши я не только считаю безусловным нравственным требованием, но и единственным практическим исходом». Проявляя невиданный идеализм, Б.Н. Чичерин утверждал, что, освободив поляков мы сможем возродить славянское движение против немцев. Иначе говоря, ученый сразу же закладывал под освобождение Польши войну с немцами. И далее Б.Н. Чичерин пускался в рассуждения о «практической нравственности» [8, л. 15-18].

20 декабря 1899 г. Д.А. Милютин сделал запись в своем дневнике о прекращении полемики с Б.Н. Чичериным по польскому и еврейскому вопросу: «Полагаю бесполезным продолжать эту полемику: став твердо на теоретическую позицию, он упорно отказывается от всякой уступки практическим соображениям политики» [5, с. 535]. После этого переписка временно прекратилась. Отношения двух либералов охладели и дальше они не затрагивали политических тем в письменных диалогах.

Под влиянием переписки по национальному вопросу и по другим причинам Б.Н. Чичерин выпустил в 1900 г. в Берлине книгу «Россия накануне двадцатого столетия». В ней подводился неутешительный итог сорокалетнему периоду реформ и контрреформ. Автор констатировал «поворот не туда». Россия свернула с пути, предначертанного великим монархом. Было испорчено всё, что было сделано в 1860–1870-е годы. Б.Н. Чичерин предрекал войну, поражение России и переустройство на основе крови. Прочитав данную книгу, любой исследователь никак не сможет отнести Б.Н. Чичерина к консерваторам. Он никогда им и не был. В конце жизни он оставался консервативным

либералом, раздраженным от упущенных возможностей, переживающим от тяжелых испытаний, предстоящих России [14; 15].

Мнение крупного ученого, бывшего друга, задело Д.А. Милютина, и он думал о нем до самой смерти. Эти размышления, в конце концов, породили его исследовательскую статью «О разноплеменности в населении государств», выпущенную в 1911 году. В ней, рассуждая о национальных интересах государства с позиций централизации и консерватизма, Д.А. Милютин вспоминал свою переписку с Б.Н. Чичериным «к крайнему удивлению моему – заступника за поляков» [6, с. 52-67]. В отличие от легалистов, Д.А. Милютин решительно отвергал автономию национальных групп, не говоря уже о возможном отделении (что в отношении Польши предполагал Б.Н. Чичерин). В конечном счете, Д.А. Милютин оставался либеральным консерватором. Для него реализм в политике оказался сильнее либерализма и интересы государства оказались выше интересов прав поданных.

Внешние проявления в деятельности двух шестидесятников Б.Н. Чичерина и Д.А. Милютина позволяю предположить, что они пережили разную эволюцию: Б.Н. Чичерин от консерватизма к либерализму, а Д.А. Милютин, наоборот. Однако на самом деле это не так. Бывший министр всегда был реалистом, хоть и с либеральным уклоном. Б.Н. Чичерин же был консервативным либералом «в английском смысле», то есть поступательным реформатором из-за отсутствия движения в сторону демократизации, превращающегося в радикального деятеля. Такую эволюцию, только быстрее и радикальнее проделали многие российские либеральные интеллигенты, разочаровавшиеся в способности бюрократии провести необходимые реформы. Спор между тремя персонами помог их сторонникам определиться по какому пути они должны пойти: консервативному, либерально-консервативному или консервативно-либеральному. Для консервативных либералов либерализм был главной целью, а консервативные методы управления – инструментом для его достижения, для либеральных консерваторов, напротив, сохранение традиционных основ было идеалом, а либерализм был инструментом модернизации ради их сохранения.

Так, столкновение двух либеральных деятелей (Б.Н. Чичерина и Д.А. Милютина) стало симптомом будущего разделения соратников на лагеря либеральных консерваторов (октябристов) и консервативных либералов (мирнообновленцев), произошедшего через шесть лет, когда настало время сделать выбор: играть в либерализм или применять его как неоспоримую идею. Что же касается «идеализма» Б.Н. Чичерина, то его опасения целиком подтвердились и мрачные прогнозы сбылись.

Литература

1. Баранов Н.А. Либерально-консервативный синтез в России: история и перспективы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. Т. 3. № 5. С. 90-102.
2. Захарова Л.Г. Д.А. Милютин: военный министр и реформатор. «Все наше государственное устройство требует коренной реформы снизу доверху» // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века. М.: Институт Российской истории РАН, 2003. 363 с.

3. Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. 380 с.
4. Кузнецова Т.А. Политические идеалы Д.А. Милютин // Познание стран мира: история, культура, достижения. 2013. № 1. С. 33-37.
5. Милютин Д.А. Дневник. 1891–1899 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2013. 780 с.
6. Милютин Д.А. О разноплеменности в населении государств // Источник. 2003. № 1. С. 52-67.
7. Наука и подхалимство. Ответ профессору Ренненкампу по польскому и еврейскому вопросу в России. London: print by the “Russian free press fund”, 1898. 15 с.
8. Отдел Рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 169. Картон 77. Д. 54.
9. ОР РГБ. Ф. 334. Картон 5. Д. 1.
10. Ренненкампу Н.К. Польский и еврейские вопросы (открытые письма Б.Н. Чичерину). Киев: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерова и К°, 1898. 82 с.
11. Рыбин Д.В. Идеология движения либеральных легалистов и теория консервативного либерализма // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. № 2. С. 304-316.
12. Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: РОССПЭН, 2018. 351 с.
13. Чичерин Б. Польский и еврейский вопросы. Ответ на открытые письма Н.К. Ренненкампу. Берлин: Г. Штейниц, 1899. 56 с.
14. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин: Г. Штейниц, 1900. 180 с.
15. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин: Г. Штейниц, 1901. 160 с.
16. Hamburg G.M. Freedom and Unfreedom in the Russian Empire in the Debate between Chicherin and Rennenkampf at the End of the Nineteenth Century // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2024. Vol. 69. Issue 2. Pp. 291-306.

References

1. Baranov, N.A. (2010). Liberal-conservative synthesis in Russia: history and prospects // Problem analysis and public management design. Vol.3, no 5. P. 90-102. (in Russ.).
2. Zakharova, L.G. (2003). D.A. Milyutin: Minister of War and Reformer. “Our entire state structure requires radical reform from bottom to top”. *Russia: international situation and military potential in the middle of the 19th and early 20th centuries*. Moscow. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 363p. (in Russ.).
3. Kitaev, V.A. (2004). Liberal thought in Russia (1860–1880). Saratov. Publishing House of Saratov University. 380 p. (in Russ.).
4. Kuznetsova, T.A. (2013). Political ideals of D.A. Milyutina. *Knowledge of the countries of the world: history, culture, achievements*. № 1. P. 33-37. (in Russ.).
5. Milyutin, D.A. (2013). Diary. 1891–1899. Ed. L.G. Zakharova. Moscow. ROSSPEN. 780 p. (in Russ.).
6. Milyutin, D.A. (2003). On diversity in the population of states. *Source*. No 1. P. 52–67. (in Russ.).
7. Science and sycophancy. (1898). Reply to Professor Rennenkampf on the Polish and Jewish question in Russia. London: print by the “Russian free press fund”. 15 p. (in Russ.).
8. Manuscripts Department of the Russian State Library (OR RSL). F. 169. Cardboard 77. D. 54.
9. OR RSL. F. 334. Cardboard 5. D. 1.

10. Rennenkampf N.K. (1898). Polish and Jewish questions (open letters to B.N. Chicherin). Kyiv: typo-lit. t-va I.N. Kushnereva and Co. 82 p. (in Russ.).
11. Rybin, D.V. (2023). The ideology of the liberal legalist movement and the theory of conservative liberalism // Bulletin of St. Petersburg University. Story. Vol. 68. no 2. P. 304-316. (in Russ.).
12. Soloviev K.A. (2018). The political system of the Russian Empire in 1881–1905: the problem of lawmaking. Moscow.ROSSPEN. 351 p. (in Russ.).
13. Chicherin B. (1899). Polish and Jewish issues. Response to open letters from N.K. Rennenkampf. Berlin. G. Steinitz. (in Russ.).
14. Chicherin, B.N. (1900). Russia on the eve of the twentieth century. Berlin. G. Steinitz. 180 p. (in Russ.).
15. Chicherin, B.N. (1901). Russia on the eve of the twentieth century. Berlin. G. Steinitz. 160 p. (in Russ.).
16. Hamburg, G.M. (2024). Freedom and Unfreedom in the Russian Empire in the Debate between Chicherin and Rennenkampf at the End of the Nineteenth Century. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 69, issue 2, pp. 291-306.

дата поступления: 24.01.2025

дата принятия: 17.07.2025

© Рыбин Д.В., 2025

УДК 93/94

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/03>

Цысь В.В., Цысь О.П.

**ПАЛОМНИЧЕСТВО СИБИРЯКОВ В ПАЛЕСТИНУ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.:
ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

V.V. Tsys, O.P. Tsys

**THE PILGRIMAGE OF SIBERIANS TO PALESTINE IN THE LATE XIX – BEGINNING
OF XX CENTURIES: A STATISTICAL ANALYSIS EXPERIENCE**

Аннотация. В статье на основе впервые вовлекаемых в научный оборот архивных материалов – статистических отчетов Русских подворий в Иерусалиме, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи – охарактеризованы масштабы паломничества жителей Сибири в Святую Землю (Палестину) в конце XIX – начале XX вв. Авторами продолжены исследования, выполненные в конце XIX в. основателем Императорского Православного Палестинского общества Василием Николаевичем Хитрово. Используются преимущественно историко-статистические методы, а также анализ и синтез. Установлена численность паломников из различных административных единиц (губерний, областей) региона. Отмечена тенденция роста общего числа паломников из Сибири, которая, тем не менее, не была безусловной, так как имели место резкие колебания, вызванные в основном политическими причинами. Указано, что до четырех пятых всех паломников составляли жители Западной Сибири – Томской и Тобольской губерний, срок пребывания сибиряков на Русских подворьях в Иерусалиме составлял в среднем у мужчин от одного до полутора месяцев, у женщин – более двух месяцев. К специфике Сибири отнесена большая, чем по России в целом, доля мужчин среди богомольцев, отсутствие женских паломнических мемуаров, дневников и записок. Направления дальнейших исследований обусловлены необходимостью проведения аналогичных изысканий и подсчетов по другим регионам страны. В перспективе полученные результаты позволят оценить характер, региональные особенности данного уникального исторического явления, связанного с организацией самого масштабного организованного выезда россиян за пределы страны.

Ключевые слова: Сибирь; Святая Земля; Палестина; Императорское Православное Палестинское общество; паломничество; гендерные исследования; статистика.

Abstract. The article, based on archival materials brought into scientific circulation for the first time – statistical reports of Russian farmsteads in Jerusalem, stored in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire – characterizes the scale of pilgrimage of Siberian residents to the Holy Land (Palestine) in the late 19th – early 20th centuries. The authors continue the research conducted in the late 19th century by the founder of the Imperial Orthodox Palestine Society Vasily Nikolaevich Khitrovo. Mainly historical and statistical methods, as well as analysis and synthesis are used. The number of pilgrims from various administrative units (governments, regions) of the region is established. A trend of growth in the total number of pilgrims from Siberia is noted, which, however, was not absolute, since there were sharp fluctuations caused mainly by political reasons. It is indicated that up to four fifths of all pilgrims were residents of Western Siberia - Tomsk and Tobolsk provinces, the period of stay of Siberians at Russian farmsteads in Jerusalem averaged from one to one and a half months for men, and more than two months for women. The specifics of Siberia include a larger proportion of men among pilgrims than in Russia as a whole, the absence of women's pilgrimage memoirs, diaries and notes. The directions of further research are determined by the need to conduct similar studies and calculations in other regions of the country. In the future, the results obtained will allow us to assess the nature and regional features of this unique historical phenomenon associated with the organization of the largest organized trip of Russians outside the country.

Keywords: Siberia; Holy Land; Palestine; Imperial Orthodox Palestine Society; pilgrimage; gender studies; statistics.

Сведения об авторах. Цысь Валерий Валентинович, ORCID: 0000-0002-9695-3900, доктор ист. наук, профессор, Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, roshist@mail.ru; Цысь Ольга Петровна, ORCID: 0000-0002-6351-8259, канд. ист. наук, доцент, Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, tsyso@rambler.ru

About the authors. Valery V. Tsys, ORCID: 0000-0002-9695-3900, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, roshist@mail.ru; Olga P. Tsys, ORCID: 0000-0002-6351-8259, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, tsyso@rambler.ru

Цысь В.В., Цысь О.П. Паломничество сибиряков в Палестину в конце XIX – начале XX в.: опыт статистического анализа // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2025. №3(71). С. 34-42. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/03>

Tsys. V.V., & Tsys. O.P. (2025). The Pilgrimage of Siberians to Palestine in the Late XIX – Beginning of XX Centuries: A Statistical Analysis Experience. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (3(71)), 34-42. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/03>

Паломничества сибиряков в Святую Землю (Палестину) до конца XIX в. были достаточно редким явлением, едва ли не событием чрезвычайным. Долгое время они носили единичный характер, а побывавшие там лица, даже не обладавшие особыми талантами, пользовались уважением и определенным пиететом [См., напр.: 23].

Ситуация начинает меняться с развитием путей сообщения, снижением транспортных расходов, повышением уровня безопасности путешественников, а также благодаря содействию государства и здоровых социальных сил в лице Императорского Православного Палестинского общества. Последнее взяло на себя заботы по организации поездок и обеспечению пребывания русских паломников в местах земной жизни Иисуса Христа.

Возникает вопрос – в какой степени эти усилия приносили свои плоды в отношении отдаленных регионов страны, таких как Сибирь, каковы были масштабы паломничества сибиряков в Святую Землю? Исчерпывающие ответы на них получить затруднительно из-за скудости или недоступности источников. Ранее выходившие исследования или вообще не содержали никакой статистики, или же воспроизводили сведения, выявленные и обнародованные в конце XIX в. инициатором создания ИППО В.Н. Хитрово [См., напр.: 14, с. 136-138]. В серии статей тот опубликовал таблицы, отражающие количественные показатели паломничества: общее число по годам или отчетным годам (о. г. – начинались с 1 марта) – за 1865–1900 гг. [19, с. 271], по сословиям и полам – за 1883–1897 гг. в целом [17, с. 297-298]. По отдельным административным единицам и в гендерном разрезе сведения приводятся за период с 23 июля 1893 г. по 1 марта 1900 года [20, с. 305-307].

Работа В.Н. Хитрово после его кончины в мае 1903 г. никем не была продолжена, поэтому до настоящего времени информация о числе паломников в начале XX в. не публиковалась. Ее важно сопоставить с ранее известными данными, чтобы проследить динамику развития такого интересного явления как поездки жителей Сибири в отдаленные, ранее недоступные, но хорошо известные по текстам Священного Писания места Палестины.

Некоторые из сибиряков оставили воспоминания, дневниковые записки, публиковавшиеся на страницах епархиальных ведомостей или отдельными изданиями [13; 16; 21]. Но таковых было совсем немного. Известно несколько современных работ, где эти путевые впечатления анализируются [15].

В качестве источника исследователями используются также материалы по выдаче паломнических паспортов [22, с. 73-90; 24, с. 81-83]. Однако они сохранились лишь за отдельные годы. К тому же, не обязательно, что получивший такой документ отправлялся в Палестину. Соответственно, может быть количественный разрыв между владельцами паспорта и прибывшими в Иерусалим.

Еще один источник – сведения, размещавшиеся на страницах журнала «Сообщения Императорского Православного Палестинского общества». Но они касаются лишь небольшой части состоятельных богомольцев. Тем не менее, за отсутствием других данных, эта информация привлекается современными исследователями для статистических подсчетов, разумеется, далеко не полных [3, с. 143-145, 147-148].

Нами выявлены отчеты о числе и продолжительности пребывания на Русских подворьях в Иерусалиме жителей различных административно-территориальных единиц Российской империи в начале XX в., хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи и послужившие основой для данного исследования. Для получения ответов на поставленные вопросы нами использованы преимущественно историко-статистические методы, а также методы анализа и синтеза.

Сначала есть необходимость представить подсчеты, касающиеся Сибири (включая современный Дальний Восток, до революции относившийся к Сибири), произведенные на основе публикаций В.Н. Хитрово. Выборка составлена по двум критериям: территориальному и временному (по отчетным годам) (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

Паломники из Сибири, останавливавшиеся на Русских подворьях в Иерусалиме с 01.03.1895 г. по 01.03.1899 г. (по административным единицам) [Составлено по: 18, с. 155]

Губернии и области	Паломников				Прожито ими дней			
	Ж.	М.	Всего	Всего (%)	Ж.	М.	Всего	Всего (%)
Амурская	5	5	10	3,3	221	145	366	2,4
Енисейская	14	23	37	12,3	556	1 120	1 676	11,1
Забайкальская	-	2	2	0,7	-	33	33	0,2
Иркутская	9	5	14	4,6	1 072	182	1 254	8,3
Тобольская	53	27	80	26,5	3 456	790	4 246	28,2
Томская	74	84	158	52,3	4 868	2 524	7 392	49,1
Якутская	1	-	1	0,3	84	-	84	0,6
ИТОГО:	156	146	302	100	10 257	4 794	15 051	100

Таблица 2

Паломники из Сибири, останавливавшиеся на Русских подворьях в Иерусалиме с 01.03.1895 г. по 01.03.1899 г. (по отчетным годам) [Составлено по: 18, с. 155]

Отчетный год	Паломников			Прожито ими дней		
	Ж.	М.	Всего	Ж.	М.	Всего
1895–1896	48	38	86	3 838	1 762	5 600
1896–1897	37	39	76	2 320	979	3 299

1897–1898	21	14	35	918	291	1 209
1898–1899	50	55	105	3 181	1 762	4 943
ИТОГО:	156	146	302	10 257	4 794	15 051

Подсчеты показывают, что продолжительность пребывания составляла в среднем во второй половине 1890-х гг.: 49,8 дней (женщины – 65,8; мужчины – 32,8).

В дополнение можно привести еще одну таблицу за периоды, где не имеется сведений о числе прожитых дней и по гендерному делению (см. табл. 3).

Таблица 3

Число паломников из Сибири на Русских подворьях в Иерусалиме в 1890-е гг.

[Составлено по: 19, с. 279–281; 20, с. 305–307]

Губернии и области	23.07.1893 – 01.03.1894 г.,	1899–1900 о. г.		
		Муж.	Жен.	Всего
Амурская	2	7	4	11
Енисейская	2	7	3	10
Забайкальская	-	1	1	2
Иркутская	6	8	7	15
Тобольская	4	16	28	44
Томская	12	39	29	68
Якутская	-	-	-	-
ИТОГО:	26	78	72	150

В гендерном соотношении за 1895–1900 о. г. наблюдается примерный паритет (50,4 % – женщины, 49,6 % – мужчины). Около 80 % выезжали из губерний Западной Сибири (Тобольская и Томская). Причем в самой западной, Тобольской губернии доля женщин составляла 65,3 %, что было близко к средним общероссийским показателям.

Помещенные ниже таблицы составлены по отчетности Русских подворий. Они являются продолжением, ранее составленных В.Н. Хитрово (см. табл. 4, 5).

Таблица 4

Паломники из Сибири, останавливавшиеся на Русских подворьях в Иерусалиме в 1902–1910, 1912–1913 о. г. (по отчетным годам, в скобках – из них прибывшие в предыдущем отчетном году) [Составлено по: 1; 2]

Отчетный год	Паломников			Прожито ими дней		
	Ж.	М.	Всего	Ж.	М.	Всего
1902–1903	82 (23)	74 (15)	156 (38)	3 816	2 569	6 385
1903–1904	60 (21)	62 (14)	122 (35)	4 308	2 414	6 722
1904–1905	33 (19)	20 (8)	53 (27)	2 415	510	2 925
1905–1906	48 (1)	27 (2)	75 (3)	2 945	993	3 938
1906–1907	83 (23)	55 (10)	138 (33)	4 810	1 899	6 709
1907–1908	170 (41)	72 (9)	242 (50)	9 174	2 965	12 139
1908–1909	175 (44)	102 (22)	277 (66)	9 800	3 214	13 014
1909–1910	126 (67)	104 (26)	230 (93)	10 004	3 837	13 841
1912–1913	162 (71)	77 (26)	239 (97)	8 235	3 119	11 354
ИТОГО:	723	502	1 225	55 507	21 520	77 027

В нашем распоряжении нет данных за 1900–1901, 1901–1902, 1910–1911, 1911–1912 о. г., а одной из задач мы поставили максимально полно отразить статистику паломничества сибиряков в Палестину, поэтому сведения о прибывших в прошлом году

включены в общую статистику за 1902–1903, 1912–1913 о. г., по остальным годам – вычтены из общего числа паломников. Таким образом, в «Итого» приведено число паломников за вычетом прибывших в предыдущем году (кроме 1902–1903 и 1912–1913 о. г.).

Мы видим, что продолжительность пребывания в 1900-е – начале 1910-х гг. возросла в среднем до 62,9 дней (женщины – 76,8; мужчины – 42,9). Также увеличивается общая доля женщин до 59 %. По регионам же пропорции меняются незначительно: основная масса паломников, как и ранее, выезжала из Западной Сибири (79,2 %) (см. табл. 5).

Таблица 5

Паломники из Сибири, останавливавшиеся на Русских подворьях в Иерусалиме в 1902–1910, 1912–1913 о. г. (по административным единицам) [Составлено по: 1; 2]

Губернии и области	Паломников				Прожито ими дней			
	Ж.	М.	Всего	Всего (%)	Ж.	М.	Всего	Всего (%)
Амурская	11	17	28	2,3	1 128	1 293	2 421	3,1
Енисейская	62	67	129	10,5	5 738	2 550	8 288	10,8
Забайкальская	14	8	22	1,8	1 033	335	1 368	1,8
Иркутская	44	19	63	5,1	3 628	991	4 619	6,0
Тобольская	131	84	215	17,6	11 307	4 052	15 359	19,9
Томская	456	298	754	61,6	32 333	11 862	44 195	57,4
Якутская	5	9	14	1,1	340	437	777	1,0
ИТОГО:	723	502	1 225	100	55 507	21 520	77 027	100

Всего же за без малого 15 лет (14 лет 7 мес. и 9 дней) между 1893 г. и 1913 г. посетило Палестину 1702 жителя Сибири, в среднем около 116 чел. в год. В том числе, из Амурской обл. – 51, Енисейской губ. – 178, Забайкальской обл. – 26, Иркутской губ. – 98, Тобольской губ. – 343, Томской губ. – 992, Якутской обл. – 15. Отсутствуют в статистике Сахалин и Приморье, а, как видим, Якутия и территории современного Дальнего Востока дают мизерное количество выезжающих. При этом, конечно же, росло и население Сибири, составлявшее на 1885 г. – 4 313 680 чел., 1897 г. – 5 727 090 чел., 1914 г. – 10 млн. чел.

Е.А. Шушканова выявила сведения о 9 чел. (все крестьяне, 5 жен., 4 муж.), получивших паломнические паспорта в Енисейской губ. в 1910 году [24, с. 81–83]. Очевидно, что представленные ею данные далеко не полные. По нашим подсчетам, основанным на материалах Тобольской губ., подали прошения за разрешением на выезд в Палестину и получили паломнические паспорта в 1911 г. – 37 (11 жен., 26 муж.), в 1912 г. – 26 (13 жен., 13 муж.), в 1913 г. – 28 (10 жен., 18 муж.), в 1914 г. – 20 (7 жен., 13 муж.) чел. [Подсчитано по: 9; 10; 11; 12]. По отчетности ИППО в 1912–1913 о. г. прибыло в Иерусалим 28 жителей Тобольской губ. (21 жен. и 7 муж.). Таким образом, по общему количеству сведения в целом совпадают, но есть расхождения по гендерным показателям.

В дополнение отметим некоторые социальные характеристики паломников. Из 52 обнаруженных нами прошений жителей Томской губернии о выдаче проездных документов в Палестину за 1903–1908 гг., 39 принадлежат крестьянам, 4 мещанам, 1 ссыльному, 2 крестьянкам – послушницам монастыря, 1 – чернорабочей (вероятно – крестьянка), у остальных сословная принадлежность не указана [Подсчитано по: 4; 5; 6; 7; 8]. Из этого

числа: 28 неграмотных, 3 – грамотных (остальные не дали сведений об умении читать и писать). Возраст заявителей (если он упоминается) колеблется от 49 лет до 71 года.

Если говорить в целом о доле сибирских паломников от их общего числа, то она оставалась незначительной: 1893–1894 о. г. – 1,1%, 1895–1896 о. г. – 1,2%, 1896–1897 о. г. – 1,2%, 1897–1898 о. г. – 0,7%, 1898–1899 о. г. – 1,3%, 1899–1900 о. г. – 1,4% [Подсчитано по: 18, с. 148–155]. В дальнейшем ситуация менялась следующим образом: 1902–1903 о. г. – 2%, 1903–1904 о. г. – 1,5%, 1904–1905 о. г. – 0,8%, 1905–1906 о. г. – 1,4%, 1906–1907 о. г. – 1,9%, 1907–1908 о. г. – 2%, 1908–1909 о. г. – 2,4%, 1909–1910 о. г. – 2,6%, 1912–1913 о. г. – 3,8% [Подсчитано по: 1; 2].

Анализируя приведенные выше цифры, можно прийти к выводу, что на жителей региона гораздо в большей степени, чем на остальную страну, повлияли перипетии Русской-японской войны, вызвавшие резкое сокращение паломничества. Однако в течение последующих лет этот показатель не только восстанавливается, но и превосходит предшествующие. Вероятно, на сибиряков воздействовала не только доступность паломничества, но и рост благосостояния в целом, экономический подъем, дававший возможность тратить средства на столь далекие и недешевые поездки.

Спецификой Сибири следует признать большую долю мужчин среди паломников в сравнении с губерниями и областями Европейской России. Это, на наш взгляд, объясняется не особой религиозностью представителей сильного пола, а трудностями пути и материальными издержками. Чем далее от Иерусалима находилась отправная точка маршрута, тем сложнее и длительнее было путешествие, выше расходы на него. У мужчин объективно имелось больше возможностей, чтобы справиться с указанными проблемами. Примечательно, что свидетельства о пребывании в Святой Земле оставили только сибиряки – мужчины, что было отражением социальной принадлежности авторов мемуаров, записок и дневников в целом. В подавляющем большинстве составителями женских паломнических текстов являлись дворянки – жены и дочери помещиков и чиновников. В Сибири данная группа потенциальных авторов была представлена явно недостаточно.

Несомненна тенденция общего роста числа паломников из Сибири. Однако она была не безусловной. Имели место резкие спады, вызванные политическими катаклизмами, такими как Русско-японская война 1904–1905 гг., Первая русская революция, войны, которые вела Османская империя, а также карантинами из-за эпидемий. Тем не менее, из несбыточной мечты поездка в Палестину постепенно становится вполне достижимой целью даже для жителей такой удаленной окраины России как Сибирь.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
в рамках научного проекта № 25-28-01056*

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 745.
2. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 13. Д. 390.
3. Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX – начале XXI в.: Коллективная монография / М.С. Шаповалов и др. СПб.: Нестор-История, 2021. 776 с.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 2. Оп. 2. Д. 134.

5. ГАТО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 26.
6. ГАТО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 27.
7. ГАТО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 42.
8. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2216.
9. Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И-152. Оп. 25. Д. 94.
10. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 26. Д. 32.
11. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 27. Д. 117.
12. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 28. Д. 81.
13. Из дневника семинариста Никона Уставщикова (Экскурсия воспитанников Красноярской Духовной Семинарии во Св. Землю, летом 1908 г.) // Енисейские епархиальные ведомости. 1909. № 8. Отдел неофиц. С. 35-40.
14. Нечаева М.Ю., Микитюк В.П. Императорское Православное Палестинское Общество в культурной среде российской провинции. М.: «Индрик», 2014. 384 с.
15. Потехина Д.К. Образ Палестины в свидетельствах сибирских паломников и путешественников конца XIX – начала XX века // Православие. Наука. Образование. Сб. статей / Глав. ред. В.В. Цысь. Нижневартовск: изд-во НВГУ, 2021. Вып. 3(11). С. 78-83.
16. Селихов И. О паломническом странствовании моём на Ближний Восток в Турцию // Тобольские епархиальные ведомости. 1907. № 17. Отд. неофиц. С. 493–501.
17. Хитрово В.Н. Какими путями идут русские паломники в Святую Землю (Опыт статистического исследования) // Собрание сочинений и писем. М.: Императорское Правосл. Палестинское О-во; СПб., 2011. Т. 2: Статьи о Святой Земле. Из истории Русской духовной миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю. С. 285–300.
18. Хитрово В.Н. Откуда идут в Святую Землю русские паломники // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. СПб., 1900. Т. XI. Май–июнь. С. 152-155.
19. Хитрово В.Н. Откуда идут в Святую Землю русские паломники (Опыт статистического исследования) // Собрание сочинений и писем. М.: Императорское Правосл. Палестинское О-во; СПб., 2011. Т. 2: Статьи о Святой Земле. Из истории Русской духовной миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю. С. 269-284.
20. Хитрово В.Н. Русские паломники в Святую Землю в 1899–1900 г. // Собрание сочинений и писем. М.: Императорское Правосл. Палестинское О-во; СПб., 2011. Т. 2: Статьи о Святой Земле. Из истории Русской духовной миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю. С. 300-307.
21. Чукмалдин Н.М. Путевые очерки Палестины и Египта. Екатеринбург: типография ежедневной газеты «Урал», 1899. 80 с.
22. Цысь В.В., Цысь О.П. Паломничество жителей Западной Сибири в Палестину в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Серия «История Русской Православной церкви». № 6. С. 73-90.
23. Цысь В.В., Цысь О.П. Сибиряк в Палестине: трудный путь сургутянина Я.А. Кайдалова в Святую землю (из истории русской духовной миссии в Иерусалиме) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 5. С. 5-12.
24. Шушканова Е.А. Императорское Православное Палестинское Общество в Енисейской губернии. 1898–1917 гг. Красноярск: Сиб. гос. ун-т науки и технологии им. М.Ф. Решетнёва, 2018. 120 с.

References

1. Arxiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI). F. 337/2. Op. 1. D. 745. (in Russ.).
2. AVPRI. F. 337/2. Op. 13. D. 390. (in Russ.).
3. Voobrazhaya Palestinu: Svyataya zemlya i russkaya identichnost' v XIX – nachale XXI v.: Kollektivnaya monografiya / M.S. Shapovalov i dr. SPb.: Nestor-Istoriya, 2021. 776 s. (in Russ.).
4. Gosudarstvennyj arxiv Tomskoj oblasti (GATO). F. 2. Op. 2. D. 134. (in Russ.).
5. GATO. F. 2. Op. 6. D. 26. (in Russ.).
6. GATO. F. 2. Op. 6. D. 27. (in Russ.).
7. GATO. F. 2. Op. 6. D. 42. (in Russ.).
8. GATO. F. 3. Op. 4. D. 2216. (in Russ.).
9. Gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyj arxiv v g. Tobol'ske (GBUTO GA v g. Tobol'ske). F. I-152. Op. 25. D. 94. (in Russ.).
10. GBUTO GA v g. Tobol'ske. F. I-152. Op. 26. D. 32. (in Russ.).
11. GBUTO GA v g. Tobol'ske. F. I-152. Op. 27. D. 117. (in Russ.).
12. GBUTO GA v g. Tobol'ske. F. I-152. Op. 28. D. 81. (in Russ.).
13. Iz dnevnika seminarista Nikona Ustavshhikova (E`skursiya vospitannikov Krasnoyarskoj Duxovnoj Seminarii vo Sv. Zemlyu, letom 1908 g.) (1909). *Enisejskie eparxial'ny'e vedomosti*. № 8. Otdel neoficz. S. 35–40. (in Russ.).
14. Nechaeva, M.Yu., & Mikityuk, V.P. (2014). Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo v kul'turnoj srede rossijskoj provincii. M.: «Indrik», 384 s. (in Russ.).
15. Potexina, D.K. (2021). Obraz Palestiny v svidetel'stvax sibirskix palomnikov i puteshestvennikov konca XIX – nachala XX veka. *Pravoslavie. Nauka. Obrazovanie. Sb. statej*. Glav. red. V.V. Cys'. Nizhnevartovsk: izd-vo NVGU, Vy`p. 3(11). S. 78-83. (in Russ.).
16. Selixov, I. (1907). O palomnicheskom stranstvovanii moyom na Blizhnij Vostok v Turciyu. *Tobol'skie eparxial'ny'e vedomosti*. № 17. Otd. neoficz. S. 493–501.
17. Xitrovo, V.N. (1900). Otkuda idut v Svyatuyu Zemlyu russkie palomniki. *Soobshheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva*. SPb., T. XI. Maj–iyun`. S. 152-155. (in Russ.).
18. Xitrovo, V.N. (2011). Otkuda idut v Svyatuyu Zemlyu russkie palomniki (Opyt statisticheskogo issledovaniya). *Sobranie sochinenij i pisem*. M.: Imperatorskoe Pravosl. Palestinskoe O-vo; SPb., T. 2: Stat'i o Svyatoj Zemle. Iz istorii Russkoj duxovnoj missii v Ierusalime. Iz istorii russkogo palomnichestva v Svyatuyu Zemlyu. S. 269-284. (in Russ.).
19. Xitrovo, V.N. (2011). Kakimi putyami idut russkie palomniki v Svyatuyu Zemlyu (Opyt statisticheskogo issledovaniya). *Sobranie sochinenij i pisem*. M.: Imperatorskoe Pravosl. Palestinskoe O-vo; SPb., T. 2: Stat'i o Svyatoj Zemle. Iz istorii Russkoj duxovnoj missii v Ierusalime. Iz istorii russkogo palomnichestva v Svyatuyu Zemlyu. S. 285-300.
20. Xitrovo, V.N. (2011). Russkie palomniki v Svyatuyu Zemlyu v 1899–1900 g. *Sobranie sochinenij i pisem*. M.: Imperatorskoe Pravosl. Palestinskoe O-vo; SPb., T. 2: Stat'i o Svyatoj Zemle. Iz istorii Russkoj duxovnoj missii v Ierusalime. Iz istorii russkogo palomnichestva v Svyatuyu Zemlyu. S. 300-307. (in Russ.).
21. Chukmaldin, N.M. (1899). Putevy'e ocherki Palestiny i Egipta. Ekaterinburg: tipografiya ezhdnevnoj gazety «Ural», 80 s. (in Russ.).
22. Cys', V.V., & Cys', O.P. (2014). Palomnichestvo zhitelej Zapadnoj Sibiri v Palestinu v konce XIX – nachale XX vv. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Seriya «Istoriya Russkoj Pravoslavnoj cerkvi». № 6. S. 73-90. (in Russ.).

23. Цыс` V.V., Цыс` O.P. (2015). Sibiryak v Palestine: trudny`j put` surgutyana Ya.A. Kajdalova v Svyatuyu zemlyu (iz istorii russkoj duxovnoj missii v Ierusalime). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. № 5. S. 5-12. (in Russ.).

24. Shushkanova E.A. (2018). Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo v Enisejskoj gubernii. 1898–1917 gg. Krasnoyarsk: Sib. gos. un-t nauki i tekhnologii im. M.F. Reshetnyova, 120 s. (in Russ.).

дата поступления: 17.03.2025

дата принятия: 17.04.2025

© Цысь В.В., Цысь О.П., 2025

УДК 94

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/04>

Пьяных Н.И.

СОЦИОПОРТРЕТ АНАРХИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

N.I. P'yanykh

THE SOCIAL PORTRAIT OF THE ANARCHIST REGIONAL ELITE IN RUSSIA IN THE EARLY 20TH CENTURY

Аннотация. Цель исследования – выявление социометрических показателей анархической региональной элиты России в начале XX века. К задачам исследования относилась идентификация представителей анархической провинциальной политической элиты, определение факторов, повлиявших на коллективный социопортрет элитарных региональных анархистов, анализ социального состава членов провинциальной элиты российского анархизма, воссоздание ее облика на фоне коллективного портрета участников анархического движения в России в начале XX века в целом. К критериям элитарности отнесено вхождение в руководство анархистских групп, исполкомов региональных советов, комитетов в 1917 году. В качестве источника исследования использована электронная просопографическая база данных «Партийно-политическая элита провинциальной России (1890–1920-е гг.)», содержащая персональные данные на каждого представителя элиты: пол, возраст, социальное происхождение и т. д. Методологической основой исследования являлись принципы научности, историзма, и объективности. В результате исследования были определены различные факторы влияния на коллективный портрет элитарной группы (юношеский максимализм, национальные ограничения, социальные условия). Автор пришел к выводу, что представителями региональной элиты анархистского движения в России в начале XX века были в основном мужчины-евреи в возрасте 25–45 лет, вступившие в политику в возрасте 20 лет на рубеже XIX–XX веков, происходившие и принадлежавшие к низшим слоям российского общества, получившие невысокий уровень образования. Был сделан сравнительный анализ облика элитарной группы с имеющимся в историографии социальным составом анархистских организаций в целом. На фоне обобщенного портрета российского анархиста представители элиты выглядели более возрастными, образованными, имевшими больше

Abstract. The purpose of the study was to identify sociometric indicators of the anarchic regional elite of Russia at the beginning of the 20th century. The objectives of the research included identifying representatives of the anarchist provincial political elite, determining the factors that influenced the collective socioportrait of elite regional anarchists, analyzing the social composition of members of the provincial elite of Russian anarchism, and recreating the image of the anarchist regional political elite against the background of the collective portrait of participants in the anarchist movement in Russia at the beginning of the 20th century as a whole. Joining the leadership of anarchist groups, executive committees of regional councils, and committees in 1917 was accepted as criteria for elitism. The primary source of the study is the electronic prosopographic database “The Party and political elite of provincial Russia (1890–1920)”, which contains personal data for each representative of the elite: gender, age, social origin, etc. The methodological basis of the research was the principles of science, historicism, and objectivity. As a result of the study, various factors influencing the collective portrait of an elite group (youthful maximalism, national restrictions, social conditions) were identified. The author came to the conclusion that the representatives of the regional elite of the anarchist movement in Russia at the beginning of the 20th century were mostly Jewish men aged 25–45, who entered politics at the age of 20 at the turn of the 19th and 20th centuries, who came from and belonged to the lower strata of Russian society, and received a low level of education. A comparative analysis was made of the appearance of the elite group with the social composition of anarchist organizations in general, which is available in historiography. Against the background of the generalized portrait of the Russian anarchist, the representatives of the elite looked older, more

политического опыта. Новизна исследования заключается в том, что впервые в исторической науке на основе электронной базы данных на общероссийском уровне был создан социопортрет анархической провинциальной элиты в начале XX века.

Ключевые слова: политическая элита; анархисты; региональные политики; провинциальная Россия; начало XX века; социопортрет; демография.

Сведения об авторе: Пьяных Никита Иванович, ORCID: 0009-0003-7416-6919, канд. ист. наук, средняя общеобразовательная школа № 3, г. Рассказово, Россия, nikita-p-2016@mail.ru

educated, and had more political experience. The novelty of the research lies in the fact that for the first time in historical science, a socioportrait of the anarchist provincial elite was created on the basis of an electronic database at the beginning of the 20th century at the all-Russian level.

Keywords: political elite; anarchists; regional politicians; provincial Russia; early 20th century; socioportret; demography.

About the author: Nikita I. P'yanykh, ORCID: 0009-0003-7416-6919, Candidate of Historical Sciences, Secondary Comprehensive School No. 3, Rasskazovo, Russia, nikita-p-2016@mail.ru

Пьяных Н.И. Социопортрет анархической региональной элиты России в начале XX века // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2025. №3(71). С. 43-53. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/04>

P'yanykh, N.I. (2025). The Social Portrait of the Anarchist Regional Elite in Russia in the Early 20th Century. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (3(71)), 43-53. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/04>

Изучение истории политических партий и движений в России в конце XIX – начале XX вв. при наличии многочисленных исследований еще далеко до завершения, особенно на региональном уровне. История анархической провинциальной партийно-политической элиты России является актуальной темой, еще не разработанной исторической наукой. Продолжая серию публикаций, в которых реконструируется демографический состав региональной элиты разных политических партий [18, с. 66-75; 20, с. 67-72; 21, с. 19-29; 22, с. 117-122], эта статья посвящена социометрическим показателям анархической региональной элиты России в начале XX века.

Данное исследование основано на электронной базе данных «Партийно-политическая элита провинциальной России 1890–1920-е гг.», сформированной коллективом под руководством доктора исторических наук, профессора ТГУ им. Г.Р. Державина Л.Г. Протасова. В составлении банка данных и публикации некоторых результатов его анализа непосредственное участие принимал автор настоящей статьи.

В базе данных содержится информация о 21 выдающемся (элитарном) анархисте. Их количество является небольшим на фоне суммарной численности последователей М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина в России начала XX в., которая по оценкам историков не превышала 10 тыс. человек [10, с. 118, 253]. Принадлежность их к анархической региональной партийно-политической элите России несомненна, так как они, несмотря на силлогизм их доктрины о полном равенстве людей, были руководителями анархистских групп, ревкомов, входили в исполкомы региональных советов.

На каждого представителя анархической провинциальной элиты имеются персональные данные, такие как место и год рождения, возраст, пол, этническая принадлежность, социальное происхождение, образование, профессия, род занятий, революционный, тюремный и ссыльнокаторжный стаж. Эта информация позволяет в целом составить социопортрет анархической элиты провинциальной России в начале XX века.

Основными методами исследования были:

- просопографический (позволил создать электронную базу данных, собрать характеристики представителей анархической элиты: дату, место рождения, социальное происхождение и т. д.);
- анализ (с его помощью были выявлены и проанализированы причины политической социализации участников изучаемой группы);
- синтез (обобщена полученная историческая информация);
- ретроспективный (дал возможность понимать события, факторы, обусловившие коллективный социопортрет провинциальной элиты);
- сравнительно-исторический (коррелированы полученные в результате научного исследования данные с уже имеющимися в историографии сведениями).

По полу абсолютное большинство элитарных членов провинциальной политической элиты анархистского движения были мужчинами, что соответствовало патриархальному типу российского социума в начале XX века. Видной деятельницей группы анархистов-коммунистов в Северо-Западном крае, совершившей покушение на екатеринославского губернатора А.М. Клингенберга, была Ф.Е. Ставская. О.И. Таратута являлась одной из организаторов «Южной боевой группы анархистов-коммунистов» [19, с. 604]. В целом половое распределение выдающихся региональных деятелей анархического движения коррелировалось с традиционным обществом России рубежа XIX–XX веков.

Таблица 1

Распределение анархической региональной элиты по полу

[Составлено по: 2–5, 7–9, 11–17, 19, 23–34]

<i>Пол</i>	<i>Кол-во</i>	<i>%</i>
Мужской	19	90,48
Женский	2	9,52
Всего	21	100,00

Политическим деятелем человек становился в определенном возрасте. Самыми возрастными элитарными анархистами (оба 1868 года рождения) были примыкавший к Московской федерации анархических групп А.М. Атабекян [4, с. 5] и член Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов И.С. Блейхман [11, с. 474]. Первый из них стал социал-демократом еще на рубеже 1880–1890-х годов, время широкого распространения марксизма в России, второй – последователем П.А. Кропоткина в 1904 году.

Более трети элитарных анархистов относились к категории зрелых людей, появившихся на свет в 1870-е годы. Они включились в политическую деятельность в конце XIX в., когда произошел голод 1891–1892 гг., вызвавший общественный резонанс и подъем революционного движения. С 1895 г. антиправительственной деятельностью занимался редактор видной анархической газеты «Голос труда» А.Г. Таратута [24, с. 137].

Около половины провинциальных активистов находились в возрасте 25–35 лет. Уроженцы 1880-х гг., они стали анархистами в первое десятилетие XX века. Факторами их политической социализации были ужесточение правительственной политики в сфере высшего образования (1899 г.), рост рабочего движения, связанный с экономическим кризисом, воспринимавшаяся некоторыми подданными как «несправедливая» война с

Японией, кровавые события 1905–1907 гг. и революционная стихия в целом. С 1903 г. главой Кронштадтской группы анархистов-синдикалистов был участник Революции 1917 г. Е.З. Ярчук [25, с. 1085]. В 1882 г. родился один из организаторов Петроградского Союза анархо-синдикалистской пропаганды В.М. Волин, умерший в эмиграции [13, с. 604].

Наиболее молодыми участниками провинциальной анархистской элиты начала XX в. являлись видный активист анархо-коммунизма в Одессе, Кишиневе, Херсоне, руководивший Комитетом по сельскохозяйственным заготовкам при СНК СССР в середине 1930-х гг. И.М. Клейнер (1893 года рождения [33, с. 956]) и секретарь Штаба революционных организаций Иваново-Вознесенска писатель Д.А. Фурманов (1891 года рождения [28, с. 594]). Они вступили в антиправительственное движение в 1910-е гг., эпоху «империалистической» Первой мировой войны и Великой российской революции.

Региональные элитарные деятели анархического движения находились в возрасте 25–45 лет, приобщившись к политике в 20 лет. Юношеский максимализм, неустойчивость социальных ориентиров, не полностью сформировавшаяся личность способствовали выбору ими антиэтатистского мировоззрения и использованию экстремистских методов и способов решения общественных проблем в стране.

Таблица 2

Возрастная структура элитарных анархических деятелей

[Составлено по: 2, 4-5, 7-9, 11-17, 19, 23-34]

Возраст	Кол-во	%	Годы рождения	Кол-во	%	Годы вступления в политическую деятельность	Кол-во	%
46-55	2	9,52	1860-е	2	9,52	1890-е	8	38,10
36-45	8	38,10	1870-е	8	38,10			
25-35	10	47,62	1880-е	9	42,86	1900-е	11	52,38
До 25 лет	1	4,76	1890-е	2	9,52	1910-е	2	9,52
Всего	21	100,00	Всего	21	100,00	Всего	21	100,00

По этническому составу половина элитарных деятелей были евреями, родившимися в юго-западных и западных регионах страны, в «черте оседлости». Их представительство следует интерпретировать желанием ликвидировать национальные ограничения радикальнейшим методом. Отсутствие у евреев на протяжении двух тысячелетий государства и проживание общинами могло соответствовать пропагандировавшейся анархизмом идее самоуправляющихся коммун. К семитам относились руководитель группы анархистов-«чернознаменцев» в Киеве И.С. Гроссман, Ф.Е. Ставская.

Каждый третий активист являлся великороссом, что объясняется традициями векового российского бунтарства, близкого анархизму, и политической культуре «освободительного» движения XIX в., включавшего течение, приверженное учению политического безвластия.

Среди «инородцев» были единичные представители малороссов (руководитель Гуляй-Польского ревкома Н.И. Махно), армян (А.М. Атабекян), грузин (член группы иркутских анархистов и военной секции местного Совета рабочих и солдатских депутатов Н.А. Каландаришвили) и чехов (один из организаторов кружка анархистов-коммунистов в Киеве Н.И. Рогдаев-Музиль). Национальный облик провинциальной элиты анархического

движения в России в начале XX в. обуславливался пропагандированным принципом «анархического интернационала» и соответствовал этническому составу регионов страны, в которых существовали анархистские группы.

Таблица 3

Этнический облик провинциальной анархической элиты

[Составлено по: 1, 4, 6–7, 9, 12, 14, 16–17, 23–27, 29, 32]

<i>Народность</i>	<i>Кол-во</i>	<i>%</i>
Великороссы	7	33,33
Малороссы	1	4,76
Евреи	10	47,63
Армяне	1	4,76
Грузины	1	4,76
Чехи	1	4,76
Всего	21	100,00

По социальному происхождению более половины элитарных деятелей принадлежали к мещанскому сословию, являлись уроженцами местечек или городов, где и вели свою антигосударственную деятельность. Мещанами были один Последние осознавали важность и экономическую целесообразность владения полной из организаторов движения анархистов-коммунистов «хлебовольцев» на территории Северо-Западного края и Сибири И.М. Гейцман [27, с. 42], секретарь Московской федерации анархических групп П.А. Аршинов [2, с. 720].

Почти 1/5 часть элиты относилась к дворянству и крестьянству. Впрочем, анархисты не были подлинными представителями дворянского сословия, а только выходцами из него, не обладавшими помещичьей собственностью, другими привилегиями. Из дворян происходил Н.А. Каландаришвили [32, с. 41].

Записанные в крестьянство не являлись «свободными сельскими обывателями», не имея характерного для них образа жизни, рода занятий, места жительства. Мигрировавшие из-за демографического перенаселения из сел в города, они пополняли рабочий класс и интеллигенцию. Происходивший из крестьян Нерехтского уезда Костромской губернии Д.А. Фурманов, согласно его автобиографии, переехал в Иваново-Вознесенск и трудился преподавателем на рабочих курсах [8]. Исключение составлял подрабатывавший непродолжительное время батраком в помещичьем имении Н.И. Махно [12, с. 3].

Особо выделялся И.С. Гроссман, единственный, кто сословно принадлежал к купцам [26, с. 598]. Двое элитарных анархистов (А.М. Атабекян [17, с. 26] и организатор групп «Безначалие» в Тамбове, Киеве, Санкт-Петербурге Б.Ф. Сперанский [9, л. 515]) указаны в базе данных разночинцами. Они были представителями интеллигенции – социальной группы, официально не существовавшей в Российской империи, что отражало их неприятие ставшей в конце XIX – начала XX вв. анахронизмом сословной структуры российского общества.

Анархическая провинциальная элита происходила из низших слоев российского социума, что в тяжелых социальных условиях реальности (бедность, униженное существование) могло подвигнуть ее участников на вступление в общественное движение,

направленное на осуществление социальной революции, пропагандировавшей анархизмом.

Таблица 4

Социально-сословный состав анархической региональной элиты

[Составлено по: 2, 4–5, 7–9, 11–17, 19, 23–34]

<i>Социальное происхождение</i>	<i>Кол-во</i>	<i>%</i>
Дворянство	3	15,00
Купечество	1	5,00
Из мещан	11	55,00
Из крестьян	3	15,00
Из разночинцев	2	10,00
Всего	20	100,00

Образование является одной из важнейших социокультурных характеристик человека. Относительное большинство (см. Табл. 5) выдающихся анархистов училось в высших учебных заведениях, которые они не окончили из-за вступления в революционное движение или были исключены из них за антиправительственную деятельность. Л. Черный (П.Д. Турчанинов) со студенческой скамьи встал в ряды революционеров [34, с. VII].

Четверть активистов – крестьян и мещан по сословной принадлежности получили низшее образование. Н.И. Махно окончил церковноприходскую школу [14, с. 906]. Близкое к начальному уровню образования – домашнее воспитание получила террористка Ф.Е. Ставская [15, с. 532].

Одинакова доля людей со средним образованием и вообще без него. Для отрицания власти необходимости в грамотности совсем не было. Отсутствует информация о получении систематического образования Е.З. Ярчуком [23, с. 538-539]. Среднее образование требовалось учителю, техническому специалисту. О.И. Таратута окончила педагогические курсы [6, с. 257]. Н.И. Рогдаев-Музиль получил образование в Костромском механико-техническом училище [29, с. 413].

Большинство элитарных анархистов имели невысокий уровень образования, необходимый для восприятия и пропаганды анархических идей, в том числе в упрощенном виде. Малограмотность способствовала вовлечению людей в экстремистскую деятельность.

Таблица 5

Образовательный уровень анархических элитарных политиков

[Составлено по: 2, 4, 7–9, 11–17, 19, 23–34]

<i>Уровень образования</i>	<i>Кол-во</i>	<i>%</i>
Высшее	8	38,10
Среднее	3	14,28
Низшее	6	28,57
Домашнее	1	4,76
Без образования	3	14,29
Всего	21	100,00

Род занятий должен соответствовать полученному образованию. По данному критерию одной из наиболее многочисленных категорий были люди без определенных

занятий (см. Табл. 6). Социальная не востребо­ванность, сложная жиз­ненная ситуация, состояние психоэмоционального дискомфорта поро­ждали девиантное поведение, проявлением которого является приверженность к анархизму.

На высоком уровне в элитарной группе находилась доля ремесленников-евреев, занимавшихся кустарным производством в «черте оседлости», находившихся на низшей ступени в иерархической структуре российского общества. Столяром работал И.М. Гейцман [16, с. 135], бондарем – И.М. Клейнер [7, с. 221].

Ремесленникам близки рабочие, на которые как одну из групп «обездоленного населения» социально ориентировались и среди которых вели пропаганду анархисты-интеллигенты. Вовлечению пролетариев в революционное движение способствовали тяжелые условия труда. Слесарем трудился П.А. Аршинов [5, с. 48], рабочим сталеплавильного цеха был руководитель боевой дружины на Урале А.М. Лбов [30, с. 58].

Каждый пятый выдающийся региональный представитель анархистского движения в России в начале XX в. относился к студентам. Учащиеся высшей школы, в силу возраста максималистки настроенные, оттого критически оценивали образовательную систему Российской империи. Вошедший в южнорусскую группу анархистов-коммунистов М.Я. Броун-Ракитин, позднее примкнувший к эсерам, был студентом физико-математического факультета Новороссийского университета [31, с. 844].

Небольшим был удельный вес учителей, врачей, примыкавших к интеллигенции конторщиков, оппозиционно и революционно относившихся к политическому строю Российской империи, но понимавших необходимость власти и потому не имевших антиэтатистских устремлений. Учительницей была О.И. Таратута [3, с. 565].

Профессиональный состав анархистской региональной элиты включал разные слои «обездоленных» (термин анархистов), на которые и были социально ориентированы последователи М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина.

Таблица 6

Род занятий участников анархической провинциальной элиты
[Составлено по: 2–5, 7–9, 11–17, 19, 23–34]

<i>Профессия</i>	<i>Кол-во</i>	<i>%</i>
Конторщики	1	4,76
Педагоги	2	9,52
Врачи	1	4,76
Рабочие	3	14,29
Ремесленники	5	23,81
Учащиеся	4	19,05
Без определенных занятий	5	23,81
Всего	21	100,00

Представляют научный интерес их революционно-уголовные характеристики. По нашим подсчетам, революционный стаж участников изучаемой группы в 1917 г. составлял в среднем 15 лет. Практически все они в дореволюционный период подверглись разным мерам государственного принуждения за совершенные правонарушения.

Н.А. Каландаришвили арестовывался 8 раз, Н.И. Махно был приговорен к смертной казни, замененной каторгой, А.М. Лбов был повешен.

Провинциальная элита анархистского движения в России в начале XX в. состояла преимущественно из мужчин-евреев в возрасте 25–45 лет, вступивших в политику в 20 лет в 1890–1900-е годы. Ее участники происходили и принадлежали к низшим слоям российского общества, получили невысокий уровень образования, что оказало влияние на становление их мировоззрения и политическую социализацию.

На фоне обобщенного портрета российского анархиста [1, с. 574–576] представители элиты выглядели более возрастными, образованными, имевшими больше политического (революционного) опыта, что свидетельствует об их элитарности.

Анархистская региональная элита в России в начале XX в. являлась следствием транзитного состояния модернизации отечественного социума, перехода от традиционного типа общества к индустриальному, результатом социально-экономической и политической трансформации страны вместе с провинциальными факторами влияния.

Литература

1. Анархизм: pro et contra, антология / Сост., вступ. статья, коммент. П.И. Талерова. СПб.: РХГА, 2015. 1142 с.
2. Анархистские движения России и Русского Зарубежья: Документы и материалы. 1922–1941 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 806 с.
3. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 тт. / Т. 2. 1917–1935 гг. М.: РОССПЭН, 1999. 590 с.
4. Атабекян А.М. Против власти / сост., предисл. и коммент. А.В.Бирюкова. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 176 с.
5. Горелик А., Комов А., Волин. Гонения на анархизм в Советской России. Берлин: Изд. Группы русских анархистов в Германии, 1922. 63 с.
6. Ермаков В.Д. Анархисты на фронтах Гражданской войны 1917–1922 годов. М-во культуры РФ. С.-Петербург. гос. ип-т культуры. Санкт-Петербург: СПбГИК, 2018. 271 с.
7. Залесский К.А. Империя Сталина: Биограф. энцикл. словарь. М.: Вече, 2000. 605 с.
8. Известия ЦИК СССР. 1926. 16 марта.
9. Картотека участников революционного движения Тамбовской губернии. 1905–1906 гг. Сост. Пономарев П.Д. // Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 9019. Оп. 1. Д. 956.
10. Кривенький В.В. Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 429 с.
11. Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 2: июль–октябрь 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 540 с.
12. Махно Н. Воспоминания. М.: Республика, 1992. 333 с.
13. Незабываемые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. // Российская гос. б-ка. Отд. лит. рус. зарубежья; сост. В.Н. Чуваков. М.: Пашков дом, 1999. Т. 1: А–В. 659 с.
14. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2006. 997 с.
15. Политическая каторга и ссылка: биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М.: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. 686 с.

16. Политическая каторга и ссылка: биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М.: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 878 с.
17. Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. 432 с.
18. Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2013. 159 с.
19. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. 800 с.
20. Пьяных Н.И. Социально-демографический облик большевистской элиты европейской Великороссии в начале XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 2. С. 67-72.
21. Пьяных Н.И. Социографический портрет региональной элиты «Союза 17 октября» в России в начале XX века // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2024. № 4 (68). С. 19–29.
22. Пьяных Н.И. Социокультурный состав меньшевистской элиты провинциальной России в начале XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2024. № 3. С. 117-122.
23. Революция и Гражданская война в России: 1917–1923 гг.: Энциклопедия. В 4 томах. М.: Терра, 2008. Т. 4. 558 с.
24. Российская еврейская энциклопедия / Гл. ред. Г.Г. Брановер. Том 3. Биографии С–Я / М.: Рос. акад. естеств. наук: Рос.-израил. энцикл. центр, 1997. 525 с.
25. Россия в 1917 году: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2017. 1093 с.
26. Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2020. Т. 1. 846 с.
27. Рублев Д. Анархист, дипломат, директор архива: жизнь и общественно-политическая деятельность И.М. Гейцмана // РОССИЯ XXI. 2023. № 3. С. 40–75.
28. Русская литература. XX век. Прозаики. Поэты. Драматурги: биобибл. словарь: в 3 т. / под ред. Н.Н. Скотова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 3. П–Я. 829 с.
29. Савченко В.А. 100 знаменитых анархистов и революционеров. Харьков: Фолио, 2008. 710 с.
30. Семенов В.Л. Революция и мораль (Лбовщина на Урале). Пермь: изд. Богатырев П.Г., 2002. 222 с.
31. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сб. док. / [Сост. С.А. Красильников и др.]. М.: РОССПЭН, 2002. 1006 с.
32. Тепляков А.Г. К портрету Нестора Каландаришвили (1876–1922): уголовник-авантюрист, партизан и красный командир // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 40-53.
33. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 4. 1934–1936 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2002. 1053 с.
34. Черный Л. Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм. Нью-Йорк: Изд-во Рабочего Союза «Самообразование», 1923. 389 с.

References

1. Anarxizm: pro et contra, antologiya (2015). Sost., vstup. stat`ya, komment. P.I. Talerova. SPb.: RXGA, 1142 s. (in Russ.).

2. Anarxistskie dvizheniya Rossii i Russkogo Zarubezh'ya: Dokumenty` i materialy`. 1922–1941 gg. (2021). M.: Politicheskaya e`nciklopediya, 806 s. (in Russ.).
3. Anarxisty`. Dokumenty` i materialy`. 1883–1935 gg. T. 2. 1917–1935 gg. (1999). M.: ROSSPE`N, 590 s. (in Russ.).
4. Atabekyan, A.M. (2013). *Protiv vlasti / sost., predisl. i komment. A.V.Biryukova*. M.: Knizhny`j dom «Librokom», 176 s. (in Russ.).
5. Gorelik, A., Komov, A., & Volin (1922). *Goneniya na anarxizm v Sovetskoj Rossii*. Berlin: Izd. Gruppy` russkix anarxistov v Germanii, 63 s. (in Russ.).
6. Ermakov, V.D. (2018). *Anarxisty` pa frontax Grazhdanskoj vojny` 1917–1922 godov*. M-vo kul`tury` RF. S.-Peterb. gos. ip-t kul`tury`. Sankt-Peterburg: SPbGIK, 271 s. (in Russ.).
7. Zaleskij, K.A. (2000). *Imperiya Stalina: Biograf. e`ncikl. slovar`*. M.: Veche, 605 s. (in Russ.).
8. Izvestiya CIK SSSR. 1926. 16 marta. (in Russ.).
9. Kartoteka uchastnikov revolyucionnogo dvizheniya Tambovskoj gubernii. 1905–1906 gg. Sost. Ponomarev P.D. *Gosudarstvenny`j arxiv social`no-politicheskoy istorii Tambovskoj oblasti (GASPI TO)*. F. 9019. Op. 1. D. 956. (in Russ.).
10. Kriven`kij, V.V. (2018). *Anarxistskoe dvizhenie v Rossii v pervoj chetverti XX veka: teoriya, organizaciya, praktika*. M.: Politicheskaya e`nciklopediya, 429 s. (in Russ.).
11. Kronshtadtskij Sovet v 1917 godu. Protokoly` i postanovleniya. T. 2: iyul`-oktyabr` 1917 g. (2017). SPb: Dmitrij Bulanin, 540 s. (in Russ.).
12. Maxno, N. (1992). *Vospominaniya*. M.: Respublika, 333 s. (in Russ.).
13. Nezaby`ty`e mogily`: rossijskoe zarubezh'e: nekrologi 1917-1997: v 6 t. (1999). *Rossijskaya gos. b-ka. Otd. lit. rus. zarubezh'ya*. Sost. V.N. Chuvakov. M.: Pashkov dom, T. 1: A-V. 659 s. (in Russ.).
14. Nestor Maxno. *Krest`yanskoe dvizhenie na Ukraine. 1918–1921: Dokumenty` i materialy`* (2006). Pod red. V.Danilova i T.Shanina. M.: ROSSPE`N, 997 s. (in Russ.).
15. *Politicheskaya katorga i ssy`lka: biograficheskij spravocnik chlenov obshhestva politkatorzhan i ssy`l`nopoloselencev*. (1929). M.: Vsesoyuz. o-vo politkatorzhan i ssy`l`nopoloselencev, 686 s. (in Russ.).
16. *Politicheskaya katorga i ssy`lka: biograficheskij spravocnik chlenov obshhestva politkatorzhan i ssy`l`nopoloselencev*. (1934). M.: Vsesoyuz. o-vo politkatorzhan i ssy`l`nopoloselencev, 878 s. (in Russ.).
17. *Politicheskie deyateli Rossii. 1917. Biograficheskij slovar`*. (1993). Moskva: Bol`shaya rossijskaya e`nciklopediya, 432 s. (in Russ.).
18. *Politicheskie deyateli rossijskoj provincii ot e`poxi Nikolaya II do Stalina: monografiya* (2013). Tambov: Izd-vo TGU, 159 s. (in Russ.).
19. *Politicheskie partii Rossii. Konecz XIX-pervaya tret` XX veka. E`nciklopediya*. (1996). M.: ROSSPE`N, 800 s. (in Russ.).
20. P`yany`x N.I. (2023). *Social`no - demograficheskij oblik bol`shevistskoj e`lity` evropejskoj Velikorossii v nachale XX veka. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*. (2), 67-72. (in Russ.).
21. P`yany`x N.I. (2024). *Sociograficheskij portret regional`noj e`lity` «Soyuza 17 oktyabrya» v Rossii v nachale XX veka. Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. (4 (68)), 19-29. (in Russ.).
22. P`yany`x N.I. (2024). *Sociokul`turny`j sostav men`shevistskoj e`lity` provincial`noj Rossii v nachale XX veka. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*, (3), 117-122. (in Russ.).

23. Revolyuciya i Grazhdanskaya vojna v Rossii: 1917-1923 gg.: E`nciklopediya. (2008). M.: Terra, T. 4. 558 s. (in Russ.).
24. Rossijskaya evrejskaya e`nciklopediya (1997). Gl. red. G. G. Branover. T. 3. Biografii S-Ya. M.: Ros. akad. estestv. nauk: Ros.-izrail. e`ncikl. centr, 525 s. (in Russ.).
25. Rossiya v 1917 godu: e`nciklopediya (2017). M.: ROSSPE`N, 1093 s. (in Russ.).
26. Rossiya v Grazhdanskoj vojne. 1918–1922: E`nciklopediya. (2020). M.: ROSSPE`N, T. 1. 846 s. (in Russ.).
27. Rublev, D. (2023). Anarxist, diplomat, direktor arxiva: zhizn` i obshhestvenno-politicheskaya deyatel`nost` I.M.Gejczmana. *ROSSIYa XXI*. (3), 40-75. (in Russ.).
28. Russkaya literatura. XX vek. Prozaiki. Poe`ty`. Dramaturgi: biobibl. slovar`. (2005). M.: OLMA-PRESS Invest, T. 3. P-Ya. 829 s. (in Russ.).
29. Savchenko V.A. (2008). 100 znamenity`x anarxistov i revolyucionerov. Xar`kov: Folio, 710 s. (in Russ.).
30. Semenov, V.L. (2002). Revolyuciya i moral` (Lbovshhina na Urale). Perm`: izd. Bogaty`rev P.G., 222 s. (in Russ.).
31. Sudebny`j process nad socialistami-revolucionerami (iyun`-avgust 1922 g.): Podgotovka. Provedenie. Itogi. Sb. dok. (2002). M.: ROSSPE`N, 1006 s. (in Russ.).
32. Teplyakov, A.G. (2018) K portretu Nestora Kalandarishvili (1876–1922): ugolovnik-avantyurist, partizan i krasny`j komandir. *Istoricheskij kur`er*, (1.), 40-53. (in Russ.).
33. Tragediya sovetskoj derevni. (2002). Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty` i materialy`. T. 4. 1934–1936. Pod red. V.Danilova, R.Manning, L.Violy`. M.: ROSSPE`N, 1053 s. (in Russ.).
34. Cherny`j L. (1923). Novoe napravlenie v anarxizme: asociacionny`j anarxizm. N`yu-York: Izd-vo Rabocheho Soyuzu «Samoobrazovanie», 389 s. (in Russ.).

дата поступления: 18.05.2025

дата принятия: 15.07.2025

© Пьяных Н.И., 2025

УДК 94(571.17)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/05>*Морозов Н.М.***ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В КЕМЕРОВО В ГОДЫ II И III ПЯТИЛЕТОК (1933–1940 гг.)***N.M. Morozov***HOUSING AND COMMUNAL CONSTRUCTION IN KEMEROVO DURING THE II AND III FIVE-YEAR PLANS (1933–1940)**

Аннотация. В России жилищный вопрос, один из основных для удовлетворения важнейших потребностей человека, всегда был животрепещущей проблемой. В истории советского государства подход к жилищно-коммунальному строительству, как к вторичной в народном хозяйстве сфере, сформированный ещё в годы первых пятилеток, несмотря на его периодическую корректировку, явился трудно преодолимым наследием для будущих поколений. Целью статьи является рассмотрение пока слабо изученного комплекса проблем, связанных с возведением в Кемерово объектов жилищно-коммунального назначения, с которыми сталкивались и с переменным успехом решали власти города в период строительства на его территории крупнейшего в СССР угольно-химического комплекса. Выяснить мощности местной строительной базы, изменения в структуре жилого фонда, проблемы, связанные с возведением новых объектов, позволил историко-сравнительный метод и функциональный анализ материалов местной прессы и документов регионального архива, отразивших подходы властей к обеспечению населения жильём и коммунальными услугами. Сделан вывод о том, что во II-й и III-й пятилетках существенный рост жилого фонда не соответствовал масштабу промышленного развития Кемерово. В условиях дефицита финансирования строительства, роста численности городского населения и маломощности предприятий местной стройиндустрии, возведение коммунальных объектов хронически не «укладывалось» в запланированные сроки и приобретало «переходящий» из года в год характер. Обеспечение рабочего населения новыми квадратными метрами шло по пути возведения квартала полу-благоустроенных каменных многоэтажек и посёлков вблизи крупных предприятий с временными ведомственными деревянными бараками. При этом, три четверти городского жилого фонда составляли частные

Abstract. In Russia, the housing issue, one of the main ones for meeting the most important human needs, has always been a burning problem. In the history of the Soviet state, the approach to housing and communal construction, as a secondary sphere in the national economy, formed back in the years of the first five-year plans, despite its periodic adjustment, was a difficult legacy for future generations to overcome. The purpose of the article is to consider the so far poorly studied complex of problems associated with the construction of housing and communal facilities in Kemerovo, which the city authorities faced and solved with varying success during the construction of the largest coal and chemical complex in the USSR on its territory. The historical and comparative method and functional analysis of the materials of the local press and documents of the regional archive, reflecting the approaches of the authorities to providing the population with housing and utilities, made it possible to find out the capacity of the local construction base, changes in the structure of the housing stock, problems associated with the construction of new facilities. It was concluded that in the II and III five-year plans, a significant increase in the housing stock did not correspond to the scale of industrial development of Kemerovo. In the context of a shortage of financing for construction, rapid growth of the urban population and low-power enterprises of the local construction industry, the construction of communal facilities did not chronically "fit" in the planned time frame and acquired a "transitional" character from year to year. Providing the working population with new square meters went along the path of building a quarter of semi-landscaped stone high-rise buildings and villages near large enterprises with temporary departmental wooden barracks. At the same time, three quarters of the urban housing stock were private peasant-type wooden houses, huts and dugouts, located, among other things, in the areas

крестьянского типа деревянные дома, избышки и землянки, расположенные, в том числе, в районах многочисленных «нахаловок». Изучение опыта жилищно-коммунального строительства в Кемерово перспективно в связи с поиском эффективных решений для дальнейшего роста его современного промышленного и социокультурного потенциала.

Ключевые слова: Кузбасс; Кемерово; вторая и третья пятилетки; жилищное строительство; коммунальное строительство.

Сведения об авторе: Николай Михайлович Морозов, ORCID 0000-0002-4641-1353, канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Кемерово, Россия, oven.77777@mail.ru

of numerous «cheats». Further study of the experience of housing and communal construction in Kemerovo is promising in connection with the search for effective solutions for the further growth of its modern industrial and sociocultural potential.

Keywords: Kuzbass; Kemerovo; the second and third five-year plans; housing construction; communal construction.

About the author: Nikolay M. Morozov, ORCID 0000-0002-4641-1353, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of History of Southern Siberia, Coal and Coal Chemistry Federal Research Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russia, oven.77777@mail.ru

Морозов Н.М. Жилищно-коммунальное строительство в Кемерово в годы II и III пятилеток (1933–1940 гг.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2025. №3(71). С. 54-61. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/05>

Morozov, N.M. (2025). Housing and Communal Construction in Kemerovo During the II and III Five-Year Plans (1933–1940). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (3(71)), 54-61. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/05>

Первые краткие научные обзоры экономистов, в первую очередь, и историков, посвящённые жилищному строительству в СССР во второй и третьей пятилетках, появились в конце 1940-х и в 1950-е гг. [1; 8; 18; 21]. В них специалисты сосредоточились на рассмотрении достигнутых успехов в существенном увеличении в стране объёмов новой, более комфортной жилой площади для рабочих и расширении сети коммунальных услуг.

В дальнейшем авторы, наряду с выделением этапов жилищного строительства в СССР, проанализировали изменения в законодательстве советского градостроительства, указав на его чрезмерную политизацию. Был сделан вывод об ошибочности господствовавшей во властных структурах идеи финансовой «вторичности» возведения объектов гражданского назначения в условиях реализации масштабной промышленной программы [14; 19].

Изучая проблемы застройки и архитектурного облика городов в различных регионах Сибири, современные исследователи обратили внимание на острый жилищный кризис и его причины, который в 1930-е гг. городское население испытывало повсеместно [10, с. 51, 55]. Мощности предприятий местной промышленности стройматериалов не соответствовали поставленным перед ними задачам [19, с. 39]. Города не имели утверждённых генеральных схем развития своей территории. Тем не менее, в отношении Кемерова шла интенсивная работа над проектами его планировочной структуры [11; 12].

Однако, пока слабо изучен комплекс проблем, связанных с возведением объектов жилищно-коммунального назначения, с которыми сталкивались и с переменным успехом

решали власти города в период строительства на его территории крупнейшего в СССР угольно-химического комплекса.

В годы второй и третьей пятилеток из-за часто менявшихся планов размещения в Кемерово промышленных предприятий, город так и не получил утверждённую генеральную схему территории. Её селитебная часть осваивалась посредством точечной застройки жилыми и общественными зданиями в кварталах, ставших пионерскими участками в строительстве Большого Кемерово с предполагаемой численностью населения от 550 тыс. (проект 1933 г.) до 450 тыс. (проект 1935 г.) и 230 тыс. (проект 1941 г.) человек [10, с. 50, 59, 61]. В связи с нарастанием кризисных явлений в застройке новых промышленных центров, в резолюции XVII съезда ВКП(б) (1934 г.) «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933–1937)» было указано на необходимость ускоренного развития жилищного строительства и улучшения благоустройства городов, возведения домов для рабочих с коммунальными удобствами [20, с. 118].

В Кемерове промышленное и гражданское строительство, находившееся в ведении различных ведомств, с 1933 г. было передано недавно образованному Кемеровокомбинатострою (далее – ККС). В его структуре, кроме дирекции по строительству предприятий, были созданы два управления жилищно-коммунального строительства – левобережный и правобережный Жилкомстрой. На особом контроле стояла задача выполнения программы развития материально-технической базы строительства, включавшей шесть кирпичных заводов треста Кемстром (их общий план выпуска в 1933 г. – 18,3 млн штук), рудоправления (соответственно 4 млн шт.), Кирпичстроя (2 млн шт.), мехзавода (1,45 млн шт.), Горстройтреста (1,5 млн шт.) и Жилкооперации (1,8 млн шт.) [2, л. 26].

В 1930-е гг. структура городского жилого фонда отражала разнообразие бытовавших прежних и новых практик закрепления населения на территории, где возводилось сразу несколько промышленных гигантов союзного значения: 3 шахты, коксохимзавод, азотно-туковый завод, химзавод № 392, ГРЭС и десятки предприятий-смежников. В середине десятилетия, по сведениям историка градостроительства Ю. Зюзькова, в Кемерово насчитывалось 8055 жилых строений: из них каменных – 139, деревянных – 5984, землянок – 2022. Средняя обеспеченность одного жителя жилплощадью в сравнении с последним годом первой пятилетки (2,6 м²), снизилась в 1935 г. до 2,4 м² [12, с. 55].

В формирующейся центральной части города основным местом застройки стал Притомский участок, рассчитанный на 6,5 тыс. жителей: 16 каменных домов (в том числе построенный к 1934 г. жилкомбинат – 4 четырёхэтажных дома), деревянных двухэтажных – 21, остальные – одноэтажные деревянные. В районе ГРЭС проживало 3,8 тыс. человек, в соцгороде – 7,8 тыс. человек, на территории старого Щегловска (37% территории всего города) – 39,8 тыс. человек [11, с. 46]. Нижняя колония (около 15 тыс. жителей) располагалась около коксохимзавода, с деревянными и каменными домами, среди которых около половины – двухэтажные, и 4 земляных барака.

С началом строительства азотно-тукового завода (1933 г.) в непосредственной близости от него возник посёлок из 19 двухэтажных деревянных домов, рассчитанных на

проживание около 2000 человек. Рядом расположился посёлок строящейся шахты «Щегловская» на 4,1 тыс. жителей.

В городской черте также находилось 9 «нахаловок»: 6 в левобережной части, и 3 на правом берегу, в которых проживало 18 % населения. Одна из крупнейших (4,7 тыс. жителей) была за химическим заводом. Своё мнение о ней ещё в 1931 г. выразил побывавший в Щегловске московский журналист Н. Стрижков: «Низенькие, приплюснутые землянки, с плоскими, поросшими бурьяном крышами, на которых вместо труб уныло торчат свёрнутые листы ржавого железа. Ни заборов, ни надворных построек, ни огородов. Плоские, низкие халупы вкривь и вкось облепили неровные бугры. В «нахаловке» нет улиц, нет даже подобия планировки, нет ничего, что создаёт впечатление оседлости человеческого коллектива» [22, с. 50].

Особенно неблагополучной считалась «нахаловка» в Щетинкином логу около ГРЭС (на территории 7 га проживало 3,6 тыс. человек), где полезная жилая площадь на одного человека составляла всего 1,3 м². Президиум горсовета на заседании 4 июня 1933 г. поддержал инициативу Энергостроя начать засыпку Щетинкина лога золой и шлаком (топливными отходами ГРЭС). Однако и к концу 1930-х гг. процесс ликвидации оврага и его «нахаловки» ещё был далёк от завершения [5, л. 278].

В правобережной части города находился ряд посёлков, со временем слившихся и образовавших сплошную застройку: деревня Кемерово (1,7 тыс. жителей), район шахты «Центральная» (3,7 тыс. жителей), район «Красной горки» (2,1 тыс. жителей), район базара (2,8 тыс. жителей). По проекту Э. Мая в 1932–1934 гг. там строились: посёлок «Стандарт» – восточная часть правобережного соцгорода (59 деревянных двухэтажных домов на 5,3 тыс. жителей), и посёлок «Герарда» – западная часть правобережного соцгорода (каменные и деревянные дома на 1,7 тыс. жителей). Кроме того, на правом берегу находились «нахаловки» Кемеровского рудника (6,3 тыс. жителей), района больницы Кемеровского рудника (1 тыс. жителей), шахты «Северная» (2,1 тыс. жителей), Химстроя – 48 землянок (0,9 тыс. жителей), посёлки – шахты «Северная» (2,1 тыс. жителей) и Стальмоста (1 тыс. жителей) [12, с. 59–60]. В новом Кировском районе рядом с возводимым химическим комбинатом № 392 территорией капитальной жилой застройки стал посёлок «Строитель». В августе 1935 г. девяти его улицам и одной площади были присвоены имена.

В целом, жилой фонд города во II-й пятилетке не соответствовал санитарным нормам, а темпы жилищно-коммунального строительства значительно отставали от возросших потребностей трудящихся. В этой связи СНК РСФСР 19 апреля 1935 г. принял Постановление № 365 «О хозяйственном и культурном строительстве города Кемерово» [3, л. 53–55], в котором был предусмотрен большой перечень мероприятий по оздоровлению всех сфер городской жизни. На жилищно-коммунальное и социально-культурное строительство выделялось 13 млн рублей. На 1936 г. следовало предусмотреть строительство второго и третьего корпусов городской больницы, трамвайной линии, канализации для части жилого сектора, присоединение городской электросети к районной станции, развитие банно-прачечного хозяйства, строительство звукового кинотеатра, клуба, расширение сети магазинов, универмагов, швейных и обувных мастерских и других коммунальных объектов.

Развернувшееся с сентября 1935 г. по всей стране стахановское движение нашло своих последователей и в коллективах строительных организаций. В городе широко стали известны трудовые рекорды рабочих различных профессий, таких, как каменщиков – Таисии Упоровой, Долженкова, Заковряжина, Калимова; штукатуров – С.В. Пафнучева, Б.Б. Желудкова и других [15].

Если строительные тресты, подведомственные ККС, в определённой степени были защищены отпущенными на год лимитами по деньгам и материальным ресурсам, то Горстройтрест, подведомственный горсовету, таких возможностей не имел. В 1936 г. он оставался скромной по масштабам организацией, бюджет которой в течение года президиумом горсовета нередко пересматривался в сторону сокращения. По этой причине три года без сметы им строился второй корпус больницы, в подобных условиях началось строительство школ и других социальных объектов [6, л. 9].

В течение первых двух пятилеток (1928–1937 гг.) в жилищно-коммунальное строительство Кемерова было вложено до 112 млн рублей, сдано 290 тыс. м² жилой площади, 16 школ, 4 техникума, 8 бань, вымощено свыше 50 км улиц. К началу 1937 г. при численности населения города в 140 тыс. человек весь жилой фонд составлял 405 тыс. м², т. е. на одного человека приходилось 2,89 м², что пока было меньше показателя 1928/1929 гг. (3 м²) [17].

По планам III-й пятилетки в городе намечалось построить 805 тыс. м² жилой площади с общими затратами по общественному сектору в 280 млн рублей. Планировалось значительно расширить сеть водопровода и канализации, обеспечить электричеством все дома, построить капитальные мосты через реки Томь и Искитимку, 8 бань, 4 прачечных и 2 гостиницы, Дом Советов и Дом промышленности на левом берегу, городской стадион на 8000 мест, здания для педучилища, химического ВТУЗа, химического научно-исследовательского института, музея и центральной библиотеки, и ещё много других объектов гражданского строительства [16].

Однако отсутствие генерального плана города и несогласованность на местном уровне действий различных ведомств негативно отражалось на состоянии коммунального сектора городского хозяйства. К началу 1938 г., к примеру, он оказался опутан проволочной паутиной. На некоторых улицах в шесть рядов стояли столбы с переплетающимися телефонными, радио-, осветительными и высоковольтными проводами. В течение 10 лет (1928–1938 гг.) на разработку генплана Кемерова горсоветом было израсходовано около одного миллиона рублей, но до сих пор отсутствовали весомые результаты. Из-за этого и в 1938 г. город понёс дополнительные затраты, что отрицательно сказывалось на конечных результатах гражданского строительства [4, л. 168-168 об.]. По итогам 1939 г. план капитального строительства (68,5 млн рублей) был выполнен только на 76,1 %, в том числе промышленного – на 98 %, жилищно-коммунального и объектов культуры – на 76,2 %. Из предусмотренных к сдаче в эксплуатацию 47 тыс. м² жилплощади фактически было сдано 30 тыс. м². Не законченными остались: две бани (Горкомхоза и комбината № 392), пожарное депо, трамвайное хозяйство; не начаты – продолжение ветки городской канализации, прачечная и столовая комбината № 392. В таком же незаконченном состоянии находилась половина запланированных к сдаче школ, детсадов и клубов. К середине 1940 г.

обеспеченность жильём в среднем на одного человека в Кемерово с населением 144,4 тыс. человек несколько возросла – до 3,2 м², но по-прежнему оставалась на низком уровне [7, л. 43 об.].

Последний предвоенный проект генеральной схемы планировки Кемерово был одобрен Наркоматом коммунального хозяйства 8 мая 1940 года. Документом предусматривалась перспектива развития города на левом берегу реки Томи в восточном направлении до Суховской площади включительно. К марту 1941 г. был подготовлен проект Постановления СНК РСФСР «Об утверждении генеральной схемы планировки города Кемерово Новосибирской области» с расчётной численностью населения в 230 тыс. человек [5, л. 103-104]. Впрочем, война помешала реализации задуманного.

Как видим, в годы II и III пятилеток жилищно-коммунальное строительство в Кемерово, несмотря на его значимый статус как территории крупнейшего в СССР угольно-химического комплекса, испытывало трудности, характерные для всего советского градостроительства. В условиях отсутствия утверждённой схемы планировки города, дефицита финансирования, роста численности городского населения и маломощности предприятий местной стройиндустрии, строительство коммунальных объектов хронически не «укладывалось» в запланированные сроки и приобретало «переходящий» из года в год характер. Обеспечение рабочего населения новыми квадратными метрами шло по пути возведения полу-благоустроенных каменных многоэтажек с отдельными квартирами и посёлков вблизи крупных предприятий с временными ведомственными деревянными бараками. При этом, три четверти городского жилого фонда составляли частные крестьянского типа деревянные дома, избышки и землянки, расположенные, в том числе, в районах многочисленных «нахаловок». Существенный рост жилого фонда во II и III пятилетках, в целом, не соответствовал масштабу промышленного развития Кемерово.

Исследование осуществлено в рамках реализации научного проекта «Кузбасс в составе Российского государства: социально-экономическое и общественно-политическое развитие региона в XVII - XX вв.» (АААА-А21-121011590011-2).

Литература

1. Аркадьев М.А. О жилищном строительстве в СССР. М.: Образцовая тип. им. Жданова, 1949. 72 с.
2. ГАК (Государственный архив Кузбасса). ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 410.
3. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 542.
4. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 872
5. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 949.
6. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 1.
7. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 11.
8. Гюнтер А.Р. Жилищное строительство в СССР и мероприятия партии и правительства по его развитию. М.: МДНТП им. Ф. Э. Дзержинского, 1958. 22 с.
9. Духанов С.С. Проблемы «недостроенного города» в Западной Сибири 1930- гг. // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 38-54. <https://doi.org/10.17223/2312461X/16/4>

10. Ефимкин М.М. Жилищный фактор в процессе индустриальной адаптации Сибири в XX–XXI вв. // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. Новосибирск: Параллель, 2008. С. 3–45.
11. Захарова И.В. Кемерово: город-сад – соцгород – город-ансамбль. Градостроительство и архитектура 1910–1950-х годов. Кемерово: Кузбасс XXI век, 2020. 144 с.
12. Зюзьков Ю. Слово о городе-саде Щегловске // Красная горка. Краеведческое издание. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 2. С. 48–62.
13. Исаев В.И. Процессы модернизации в сфере быта рабочих Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 годы) // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 47–55.
14. Косенкова Ю.Л. Опыт формирования правовой основы советского градостроительства. 1920–1930-е гг. // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования. М.: Едиториал УРССМ:УРСС, 2010. Вып. 2. С. 335–351.
15. Кузбасс 1935. № 244. 17 дек.
16. Кузбасс. 1937. № 106. 11 июня.
17. Кузбасс. 1937. № 127. 11 июля.
18. Левский А.А. О путях решения жилищного вопроса в СССР // История СССР. 1962. № 4. С. 3–25.
19. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.
20. О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933–1937): Резолюция XVII съезда ВКП(б) 26 янв. – 10 фев. 1934 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1984. 446 с.
21. Светличный В.И. О жилищном строительстве в СССР. М.: Знание, 1960. 32 с.
22. Стрижков Н. Кемеровский кокс // Что вы знаете о Сибири? Очерки о Кузнецкстрое, Коксострое, Сибкомбайне, совхозах, колхозах. Новосибирск: Запсиботделение, 1931. С. 40–59.

References

1. Arkad'ev, M.A. (1949). O zhilishchnom stroitel'stve v SSSR. M: Obrazcovaya tip. im. ZHDanova, 72. (In Russ.).
2. GAK (Gosudarstvennyj arhiv Kuzbassa). F. R-18. Op. 1. D. 410. (In Russ.).
3. GAK. F. R-18. Op. 1. D. 542. (In Russ.).
4. GAK. F. R-18. Op. 1. D. 872. (In Russ.).
5. GAK. F. R-18. Op. 1. D. 949. (In Russ.).
6. GAK. F. R-18. Op. 5. D. 1. (In Russ.).
7. GAK. F. R-18. Op. 5. D. 11. (In Russ.).
8. Gyunter, A.R. (1958). ZHilishchnoe stroitel'stvo v SSSR i meropriyatiya partii i pravitel'stva po ego razvitiyu. M: MDNTP im. F. E. Dzerzhinskogo, 22. (In Russ.).
9. Duhanov, S.S. (2017). Problemy «nedostroennogo goroda» v Zapadnoj Sibiri 1930- gg. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. № 2. (222), 38–54. <https://doi.org/10.17223/2312461X/16/4> (In Russ.).
10. Efimkin, M.M. (2008). ZHilishchnyj faktor v processe industrial'noj adaptacii Sibiri v XX–XXI vv. *Opyt resheniya zhilishchnoj problemy v gorodah Sibiri v XX –nachale XXI vv.* Novosibirsk: Parallel, (216), 3–45. (In Russ.).
11. Zaharova, I.V. (2020). Kemerovo: gorod-sad – socgorod – gorod-ansambl'. *Gradostroitel'stvo i arhitektura 1910–1950-h godov*. Kemerovo: Kuzbass XXI vek, 144. (In Russ.).
12. Zyuz'kov, YU. (2001). Slovo o gorode-sade SHCHeglovske. *Krasnaya gorka. Kraevedcheskoe izdanie*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, Vyp. 2. (123), 48–62. (In Russ.).

13. Isaev, V.I. (2020). Processy modernizacii v sfere byta rabochih Sibiri v gody pervyh pyatiletok (1928–1937 gody). *Istoricheskij kur'er*. № 1 (9). (267), 47-55. (In Russ.).
14. Kosenkova, YU.L. (2010). Opyt formirovaniya pravovoj osnovy sovetskogo gradostroitel'stva. 1920–1930-e gg. *Gradostroitel'noe iskusstvo. Novye materialy i issledovaniya*. M.: Editorial URSSM:URSS, Vip. 2, (384), 335-351. (In Russ.).
15. Kuzbass 1935. № 244. 17 dek. (In Russ.).
16. Kuzbass. 1937. № 106. 11 iyunya. (In Russ.).
17. Kuzbass. 1937. № 127. 11 iyulya. (In Russ.).
18. Levskij, A.A. (1962). O putyah resheniya zhilishchnogo voprosa v SSSR. *Istoriya SSSR*. № 4. 3-25. (In Russ.).
19. Meerovich, M.G. (2008). Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi. 1917–1937. M.: ROSSPEN, 303. (In Russ.).
20. O vtorom pyatiletnem plane razvitiya narodnogo hozyajstva SSSR (1933–1937): Rezolyuciya XVII s"ezda VKP(b) 26 yanv. 10 fev. 1934 g. (1984). *KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK*. T. 6. M., 446. (In Russ.).
21. Svetlichnyj, V.I. (1960). O zhilishchnom stroitel'stve v SSSR. M: Znanie, 32. (In Russ.).
22. Strizhkov, N. (1931). Kemerovskij koks. *CHto vy znaete o Sibiri? Ocherki o Kuzneckstroee, Koksostroe, Sibkombajne, sovhozah, kolhozah*. Novosibirsk: Zapsibotdelenie, (140), 40-59. (In Russ.).

дата поступления: 04.06.2024

дата принятия: 04.06.2025

© Морозов Н.М., 2025

УДК 9(571.122)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/06>*Карпов В.П.***«МИНИМУМ БАЙБАКОВА» В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЮГРЫ***V.P. Karpov***“BAIBAKOV MINIMUM” IN THE THEORY AND PRACTICE OF INDUSTRIALIZATION OF
YUGRA**

Аннотация. Ханты-Мансийский автономный округ (Югра) не представлял большого интереса для советской экономики до открытия «большой нефти» в начале 1960-х годов. Освоение уникальных месторождений привело к стремительной и полномасштабной индустриализации Тюменского севера, придало мощный импульс развитию страны, помогло решить экономические, социальные, геополитические проблемы государства. Но распорядиться добытым богатством в полной мере не удалось по ряду причин. Одна из главных – расхождение в теории и практике освоения месторождений. Почему с первых лет нарушались планы добычи нефти, создания всей необходимой для этого производственной и социальной инфраструктуры? В статье показано, почему так происходило на примере одного из плановых документов. Это так называемый «Минимум Байбакова» – разговорное название «Обязательного минимума подготовительных работ, подлежащих выполнению до начала бурения на разведанной площади». Документ был подписан председателем Госплана СССР Н. К. Байбаковым. Он не разрешал строительство скважин на разведанных площадях без осуществления обязательного объема подготовительных работ. Но этот регламент нигде и никогда на Тюменском севере не выполнялся. В несоблюдении «Минимума» отразилась общая картина создания нефтегазового комплекса. Предпринята попытка раскрыть взаимовлияние и взаимозависимость процессов, происходивших в стране и регионе в 1960-е – 1980-е годы. Соотнесены планы и результаты реализации Югорского проекта.

Ключевые слова: Югра, нефть, индустриализация, план, теория, практика.

Сведения об авторе: Карпов Виктор Петрович, ORCID: 0000-0002-3527-9692, д-р истор. наук, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия, 7654321.58@mail.ru

Abstract. The Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (Yugra) had little interest for the Soviet economy until the discovery of "Big Oil" in the early 1960s. The development of unique deposits led to rapid and full-scale industrialization of the Tyumen North, giving a powerful impetus to the development of the country and helping solve economic, social and geopolitical problems. However, it was not possible to fully dispose of extracted wealth due to a number of factors. One of these is the discrepancy between theory and practice in field development. For example, plans for oil production were violated from the beginning, as were plans to create all necessary production and social infrastructure. This article examines why this happened through the example of a specific planning document, the so-called "Baibakov Minimum", which is a colloquial term for "Mandatory Minimum of Preparation Work to be Completed Before Drilling in a Surveyed Area". N.K. Baibakov, Chairman of the USSR State Planning Committee, signed the document. It prohibited the construction of wells in areas that had been explored without the completion of a mandatory amount of preparatory work. However, this regulation was not followed anywhere in the Tyumen region. The failure to comply with this "minimum" reflected the overall situation of the creation of the oil and gas industry. An attempt was made to identify the mutual influence and interdependence of processes that occurred in the country and region during the 1960s and 1980s, and the plans and results of implementing the Yugorsk project were compared.

Keywords: Yugra, oil, industrialization, plan, theory, practice.

About the author: Viktor P. Karpov, ORCID: 0000-0002-3527-9692, Doctor of Historical Sciences, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia, 7654321.58@mail.ru

Карпов В.П. «Минимум Байбакова» в теории и практике индустриализации Югры // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2025. №3(71). С. 62-70. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/06>

Karpov V.P. (2025). "Baibakov Minimum" in the Theory and Practice of Industrialization of Yugra. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (3(71)), 62-70. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/06>

Региональный вариант фронтальной модернизации

Основным инструментом в исследовании современной региональной истории стала теория модернизации, которую на протяжении уже нескольких десятилетий успешно развивает коллектив учёных Института истории и археологии УрО РАН в Екатеринбурге. Главное содержание социально-экономического развития Югры и Ямала¹ уральские историки определяют как региональный вариант фронтальной² модернизации³. Эта концепция наиболее полно представлена в трудах И.В. Побережникова [10, с. 72-140]. Действительно, Югра и Ямал обладали к началу 1960-х гг. всеми чертами фронтальной (пограничной) территории: уже четыре десятилетия продолжалось их вовлечение в советский проект; оставались неразвитыми производственная и социальная инфраструктура огромного края; очень низкой была плотность населения при отсутствии коммуникаций. Применительно к таким территориям общей руководящей идеей Центра всегда была установка на то, чтобы добиться от них максимальной отдачи при минимуме затрат.

Проблема интеграции в пространство страны довлела над развитием Тюменского севера всю первую половину XX столетия. В самом начале советского проекта обсуждались три возможных варианта интеграции: 1) «туземный», предусматривавший поддержку и максимально возможную степень автономного развития Севера; 2) «эксплуатационный», рассчитанный на скорейшее извлечение высоколиквидных ресурсов Севера для внешней торговли; 3) «ассимиляционный», предполагавший постепенное распространение на Север развитого хозяйства (в основном путем лесопромышленной колонизации). Из этих вариантов первый почти сразу отпал как утопический и рискованный с внешнеполитической точки зрения; второй – мог опираться только на продукцию отраслей промыслового хозяйства; третий – уже к концу 1920-х гг. исчерпал себя из-за перемещения основного района лесозаготовок в Восточную Сибирь, а вывозных лесоэкспортных портов – в устье Енисея [5, с. 60-63, 69]. В результате, был принят усредненный вариант, обернувшийся в дальнейшем медленным восстановлением и совершенствованием отраслей промыслового хозяйства при отсутствии интереса государства к региону как возможному перспективному очагу индустриализации.

¹ Термин «Югра» – условное название Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО), термин «Ямал» используется как синоним названия «Ямало-Ненецкий автономный округ» (ЯНАО). Оба округа были образованы как национальные в 1930 г. Ханты-Мансийский округ до 1940 г. носил название «Остяко-Вогульский». На Югру и Ямал, входивших с 1944 г. в состав Тюменской области, приходилось 87% её территории.

² Фронт – рубеж или граница, за которой начинается неосвоенная территория.

³ В данном контексте под модернизацией понимается глобальный переход от общества аграрного, традиционного, патриархального к обществу индустриальному, городскому, современному.

На этом фоне особенно контрастно выглядит произошедший на Тюменском севере индустриальный «взрыв», вызванный открытием нефтяных и газовых месторождений. Освоение уникальных месторождений нефти и газа ускорило процесс интеграции периферии в единый народнохозяйственный комплекс СССР, привело к созданию крупнейшего в стране Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК). Стремительное преобразование края продемонстрировало определяющее значение для развития Севера его ресурсного потенциала. В большом выигрыше, как казалось вначале, было и государство: Югра (и позже Ямал) стала весомым козырем СССР в ответе на новые вызовы времени. Для СССР это были годы относительно успешного экономического развития в 1950-е – 60-е годы и последующего кризиса, нараставшего со второй половины 1970-х и углублявшегося в 1980-е годы. Именно тогда освоение тюменских месторождений сначала придало новый, мощный импульс развитию страны, а затем «лёгкая» (фонтанная) нефть закончилась, и страна к этому оказалась не готовой, что привело к кризису как в нефтегазовом комплексе, так и в стране в целом.

Нефтяная Югра как зеркало советской экономики

К принудительной добыче, т. е. с помощью станков-качалок, страна оказалась не готовой потому, что широкое применение электронной техники началось в СССР с большим опозданием. На Тюменском севере использовались, главным образом, зарубежные образцы автоматических комплексов нефте- и газодобычи, в чём «виноватой» позднее назвали ту же «большую нефть», отсрочившую модернизацию и нефтегазового комплекса, и реформы в экономике в целом. Очевидно, что торможение темпов научно-технического прогресса стало следствием чрезмерного увлечения закупками импортной техники, оборудования, технологий. В 1970-е – 80-е гг. отставание СССР от мирового уровня в области приборостроения, автоматизации и компьютеризации производства стало видно невооружённым глазом. В этом контексте нефтяная Югра становится фактором не только отечественной, но и мировой истории – Тюменский нефтегазовый север наглядно продемонстрировал, что СССР выпал из мирового тренда научно-технической революции [6, с. 51-61]. Кроме того, Советское государство продемонстрировало свою неспособность использовать открывшиеся возможности на мировом нефтегазовом рынке для успешной реализации проектов модернизации отечественной экономики, ускорения научно-технического прогресса. Колоссальные средства от нефтяного экспорта СССР были потеряны для модернизации самого отечественного нефтегазового комплекса, о чём с горечью пишут ветераны: «Отрасль, на которой держалась вся жизнь страны, сама почти ничего не получила для своего обновления и развития...» [2, с. 216]. Бедой поздней советской экономики стал поиск «новых Самотлоров», а не новых технологий [8, с. 62-64]. Поэтому на практике был неизбежен отход от декларируемых целей и задач – взять богатства Севера не числом, а умением, т.е. с помощью новейшей техники.

«Минимум Байбакова»

Кто виноват в том, что нефтяная Югра «забуксовала»: учёные, плановики, органы власти, руководители нефтяников? Или никто не виноват, потому что в советской системе координат иначе получиться не могло?

Если почитать архивные документы 1970-х – 80-х гг., то складывается впечатление, что во всём виноваты сами нефтяники. Так следовало из резолюций и решений партийных пленумов, конференций, партийно-хозяйственных активов Тюменской и Томской областей. Вышестоящие партийные органы в своих постановлениях и распорядительных документах по ЗСНГК тоже вину возлагали, прежде всего, на Тюмень, на руководителей Главтюменнефтегаза. Но могли ли тюменские нефтяники работать по-другому, если с самого начала разработки месторождений региона руководствовались ошибочным принципом «минимум затрат – максимум добычи», навязанном сверху? Поэтому все объекты, непосредственно не связанные с добычей – дороги, перерабатывающие заводы, аэродромы, причалы, объекты соцкультбыта и т. д. – вводились в строй с опозданием на 5–10–15 лет.

Почему планы и результаты начали расходиться уже на старте проекта, а в дальнейшем диспропорции в развитии нового нефтяного района росли, как снежный ком? Чтобы прояснить вопрос, рассмотрим реальное значение лишь одного планового документа в стратегии и тактике освоения Тюменского севера – так называемого «Минимума Байбакова». Что это за документ? Так нефтяники называли «Обязательный минимум подготовительных работ, подлежащих выполнению до начала бурения на разведанной площади». Документ был подписан Н. К. Байбаковым⁴ и не разрешал строительство скважин на разведанных площадях без осуществления обязательного объема подготовительных работ.

Николай Константинович Байбаков (1911–2008 гг.) сам был профессиональным нефтяником, 40 лет проработал в правительстве. Он готов был помочь (и помогал!) тюменским нефтяникам, но объективно разорвать порочный круг – несоблюдение подписанного им же регламента не мог и он. Минимум подготовительных работ включал в себя материально-техническое обеспечение буровых работ, водо- и энергоснабжение, строительство внутрипромысловых дорог и линий связи, складских помещений и ремонтно-механической базы, жилья для нефтяников, необходимой культурно-бытовой инфраструктуры. Этот минимум на Тюменском севере, по свидетельству нефтяников, не соблюдался нигде и никогда. Не только в 1964-м – году пробной эксплуатации месторождений, но и в последующие годы.

Общеизвестно, что к началу нефтедобычи в Югре подготовились плохо. Однако результат 1964 года, в котором с югорских промыслов ушли первые 209 тыс. тонн нефти на Омский нефтеперерабатывающий завод, показал, что и без подготовленных должным образом условий можно добиться успеха, вдвое перекрыв плановые показатели. Такая организация дела противоречила «Минимуму Байбакова», но никто за это строго не спросил с тюменских нефтяников. Более того, план тюменцам на 1965 г. был поставлен такой, что они были вынуждены нарушать «Минимум», пренебрегая созданием необходимой инфраструктуры. На это просто не оставалось времени.

⁴ Председатель Государственного комитета химической и нефтяной промышленности при Госплане СССР – министр СССР (с марта 1963 г. по октябрь 1965 г.). С октября 1965 г. по октябрь 1985 г. – заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Госплана СССР.

Нарушение «Минимума Байбакова», как и последующее пренебрежение прописанным регламентом работ ради быстрого успеха, можно объяснить тем, что государство и нефтяники спешили. Во-первых, нефть нужно было добыть как можно скорее, потому что в условиях Холодной войны она стала одним из главных ресурсов СССР в противостоянии с США. Во-вторых, решили сэкономить на социальной и производственной инфраструктуре из-за ограниченных ресурсов и, опять же, в интересах ускорения процесса создания новой топливной базы СССР. Всё, что не касалось напрямую нефтедобычи, откладывалось на потом. На начальном этапе, до сер. 1970-х гг., за счёт этого получили выигрыш во времени и в ресурсах. Но такая «экономия» обернулась тяжёлым кризисом на следующем этапе – со второй половины 1970-х и, особенно, в 1980-е годы, когда кризис в нефтедобывающей промышленности региона и кризис советской экономики взаимообусловили и взаимодополнили друг друга.

Пока продолжалось время «золотых фонтанов», правительство не обращало особого внимания на отставание производственной и социальной инфраструктуры от основного процесса – нефтедобычи. Стремительный выход Тюмени в лидеры отечественной нефтяной промышленности (в 1974 г. Западная Сибирь обошла прежнего лидера – Татарию по суточной добыче нефти), рапорты о рекордах проходки скважин, о досрочном выполнении планов заслонили копившиеся в отрасли проблемы. И только когда нефтедобыча «повалилась», руководители страны и отрасли спохватились, но инерцию было трудно преодолеть. Из кризиса пытались выйти привычным способом – усилить административный нажим, увеличить поток необходимых ресурсов в нефтяной регион. А такие методы уже не годились – экстенсивный путь развития экономики исчерпал себя, ЗСНГК поглощал всё больше ресурсов страны, они заканчивались, поэтому система «СССР – ЗСНГК» без достаточных людских, финансовых и материальных вливаний извне стала давать сбои. В первой половине 1980-х гг. нефтедобыча всё больше отставала от плановых заданий, которые постоянно менялись в сторону увеличения, несмотря на накопившиеся проблемы. Более того, годовые планы уже не соответствовали пятилетним, а пятилетние – долгосрочным.

Постоянные корректировки заданий, работа «по временной схеме» приводили к большим потерям в экономике, к авариям с человеческими жертвами. Их было много на нефтегазовом Севере. «Подхлёстывание» нефтедобычи, нежелание Центра услышать предупреждения специалистов-нефтяников о грозящей катастрофе обернулись личной трагедией для руководителей тюменских нефтяников, которые понимали, что форсированная нефтедобыча без оглядки на «тылы» закончится бедой, но остановить гонку не могли: темпы диктовал Центр и Миннефтепром СССР. В.И. Муравленко (начальник Главтюменнефтегаза в 1965–1977 гг.) и другие руководители нефтяного главка переживали, получали инфаркты, уходили преждевременно из жизни, видя, как текущие интересы заслонили перспективу развития отрасли, как нарушаются схемы разработки месторождений, как гробится уникальный Самотлор.

Свой первый инфаркт руководитель тюменских нефтяников получил после взрыва на Центральном товарном парке (ЦТП) Самотлорского месторождения 13 августа 1973 г. В огне погибли 13 человек. Авария произошла из-за того, что ЦТП, спешно сооруженный и

сданный по временной схеме в 1969 г., не отвечал необходимым пожарным требованиям. Нефтяники вынуждены были работать в аварийной ситуации, «по временной схеме», что и привело к трагедии, о которой страна впервые узнала из газетных и книжных публикаций только через 30 лет после катастрофы. А в те чёрные, августовские дни даже на некрологи в городской газете Нижневартовска «Ленинское знамя» был наложен запрет. Как вспоминал позже ветеран предприятия М.И. Марков, на суде, который проходил в Тюмени, прокурор обвинил его, начальника южного узла ЦТП: «Вы подвергали людей опасности», на что Марков ответил: «Я никого не подвергал. Подвергали меня вместе с рабочими» – «Кто?» – «Все. Начиная от начальника главка и кончая министром» [9, с. 166].

Чем хуже складывалась ситуация в общесоюзной экономике, тем большая нагрузка ложилась на Тюмень, которая должна была компенсировать ростом нефтедобычи нарастающую неэффективность, неповоротливость административно-командной системы управления. «При таком нажиме сверху и огромной нагрузке я больше не могу работать», – вспоминает слова В.И. Муравленко перед его вылетом в последнюю, московскую командировку 15 июля 1977 г. соратник и друг главного тюменского нефтяника С.Д. Великопольский, в 1973–1978 гг. 1-й секретарь Нижневартовского горкома КПСС [3, с. 180]. В тот же день, после посещения министра нефтяной промышленности СССР Н.А. Мальцева Виктор Иванович умер. Его уход стал большой утратой не только для тюменцев, но и для страны.

Самоотверженный труд тюменских нефтяников не мог компенсировать просчёты, допущенные руководством страны. А начались они с несоблюдения «Минимума Байбакова», который был безупречен, как руководство к действию. Но на практике оказался бесполезен.

Результаты индустриализации

В результате индустриализации Югра из классического «фронтiera» с неясными перспективами превратилась в лидера отечественной нефтяной промышленности. Из таблицы 1 [1, с. 248] видно, как стремительно росла роль Югры в общесоюзной нефтедобыче.

Таблица 1

**Добыча нефти в СССР, Западной Сибири и Ханты-Мансийском автономном округе
в 1965–1990 гг., млн тонн**

Годы	СССР	Западная Сибирь	ХМАО- Югра	ХМАО в % к СССР	ХМАО в % к Западной Сибири
1965	242,8	0,9	0,9	0,37	100,0
1970	359,0	31,4	28,5	7,9	90,7
1975	490,0	148,0	143,2	29,2	96,7
1980	603,0	312,6	307,9	51,1	98,5
1985	595,0	368,0	361,0	60,7	98,1
1988	589,0	405,7	360,0	61,1	88,7
1990	570,5	380,1	311,3	54,6	81,9

В 1965 г. Югра произвела 0,37% нефти в СССР и 100% – в Западной Сибири, в 1975-м – соответственно 29,2 и 96,7, в 1985-м – 60,7 и 96,7, в 1988-м – 61,1 и 88,7, в 1990-м

– 54,6% и 81,9%. Благодаря бурному развитию нефтяной промышленности кардинально изменился экономический профиль не только Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, но и страны в целом. Индустриальный «взрыв» был бы невозможен без развития электроэнергетики, строительства, всех видов транспорта, появления новых городов и посёлков, превративших Югру в один из самых урбанизированных регионов страны. Правда, нельзя не сказать, что облик и инфраструктура новых нефтяных городов свидетельствовали скорее о процессе квазиурбанизации [12]. Тем не менее, округ за четверть века совершенно преобразился – это факт, который невозможно отрицать.

Вместе с тем, в развитии экономики округа виден большой перекос в сторону нефтедобычи. Как видно из таблицы 2 [13, с. 10], удельный вес нефтедобывающей отрасли в промышленности округа вырос с 4,3% в 1965 г. до 83% в 1979 г. В то же время удельный вес традиционных отраслей хозяйства, ключевых в экономике округа к началу создания нефтегазового комплекса, значительно упал: лесной и деревообрабатывающей промышленности – с 64 до 5%, рыбной – с 26 до 0,4%.

Таблица 2

**Изменение структуры промышленности Ханты-Мансийского автономного округа
в 1960-е – 70-е годы (уд. вес в %)**

	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1979 г.
Вся промышленность	100	100	100	100
В том числе:				
нефтедобывающая	4,3	57	80	83
газовая	–	2	1,8	0,2
строительная индустрия	1,4	10	5	1
лесная и деревообрабатывающая	64	24	10	
рыбная	26	4,2	2	5
				0,4

Заключение

Несмотря на все противоречия в развитии государства и Ханты-Мансийского округа в 1960-е – 80-е годы, несмотря на справедливые упреки в некомплексном, однобоком развитии Тюменского севера, ясно, что без открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции у ХМАО-Югры не было будущего. Новый нефтедобывающий район, в свою очередь, стал «спасением» для страны [3, с. 119-120], поэтому извлечение нефти из недр Югры стало общенациональной задачей и она была решена, благодаря мобилизации людских, научных, финансовых, материально-технических ресурсов, имевшихся тогда в СССР.

Соотношение позитивного и негативного эффектов «большой нефти» в развитии страны и региона измерить в цифрах и процентах невозможно. Кроме того, в дискурсе о «сырьевом проклятии» страны нефтяной фактор зачастую рассматривается вне связи с общим вектором развития государства, его институтов, их возможностей, вне контекста времени. Поэтому нередко встречаются не научные, а скорее публицистические оценки того, что было сделано на Тюменском севере в годы позднего социализма. Так, последний начальник Главтюменнефтегаза В.И. Грайфер пишет в предисловии к книге М.В. Славкиной: «...политическое руководство страны 1970-х гг. оказалось неспособным

грамотно воспользоваться результатами великой победы советского народа в Западной Сибири. Это грустно, но это правда» [4, с. 6-7]. А в чём правда? В том, что прорыв нефтяников в Западную Сибирь оказался триумфом, а итог освоения месторождений – «трагедией» [11, с. 7]? Но у советской модели экономики были свои преимущества и свои недостатки, которые нельзя рассматривать по отдельности, они реализовались как целое. А для историка важен феномен целостности. Поэтому нет смысла переживать о не сбывшихся ожиданиях, связанных с созданием ЗСНГК: индустриализация Югры состоялась со всеми вытекающими последствиями для региона и для страны, со всеми достижениями и просчётами. И иначе этот проект не мог быть реализован в тех исторических условиях, в рамках централизованной и директивной экономики, выстраивающей отношения с регионами по степени их полезности для страны, с установкой: минимум затрат – максимум отдачи.

Литература

1. Академическая история Югры / Под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Т. 7. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2024. 720 с.
2. Вахитов Г.Г. Нефтяная промышленность России: вчера, сегодня, завтра. Опыт разработки месторождений углеводородов в 1950–2012 гг. М.: ВНИИОЭНГ, 2012. 400 с.
3. Великопольский С.Д. О товарищах и друзьях с любовью. Ч. 3. Тюмень: Истина, 2024. 384 с.
4. Грайфер В.И. Предисловие // Славкина М.В. Великие победы и упущенные возможности. Влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991 гг. М.: Наука, 2007. С. 6-7.
5. Зубков К.И., Карпов В.П. Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири). М.: Политическая энциклопедия, 2019. 367 с.
6. Карпов В.П. Нефть, политика и научно-технический прогресс // ЭКО. 2013. № 9. С. 51-61.
7. Карпов В.П. «Это было спасением!» (К 50-летию Западно-Сибирского нефтегазового комплекса) // Нефтяное хозяйство. 2014. № 5. С. 119-120.
8. Крюков В.А. Вместо новых технологий – «новые Самотлоры» // ЭКО. 2013. № 9. С. 62-64.
9. Патранова В.В. Тревожные ночи Самотлора // Западная Сибирь: история поиска. 1940–1975 годы. М: Зимородок, 2007. С. 160-168.
10. Побережников И.В. Парадигма модернизации, исторические трансформации, региональное развитие // Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога. М., 2017. С. 72-140.
11. Славкина М.В. Триумф и трагедия. Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960-1980-е годы. М.: Наука, 2002. 220 с.
12. Стась И.Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е – начало 1990-х гг.). Сургут: Дефис, 2016. 258 с.
13. Экономика и культура Ханты-Мансийского автономного округа за 50 лет (в цифрах). Ханты-Мансийск, 1980. 12 с.

Reference

1. Vakhitov, G.G. (2012) *Neftyanaya promyshlennost' Rossii: vchera, segodnya, zavtra. Opyt razrabotki mestorozhdeniy uglevodorodov v 1950–2012 gg.* M., VNIIOENG. 400 s.
2. Velikopol'skiy, S.D. (2024) *O tovarishchakh i druž'yakh s lyubov'yu. V 3 chastyakh. Chast'.*
3. Tyumen', Istina. 384 s.
3. Grayfer, V.I. (2007) *Predisloviye* // Slavkina M.V. *Velikiye pobedy i upushchennyye vozmozhnosti. Vliyaniye neftegazovogo kompleksa na sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye SSSR v 1945-1991 gg.* M., Nauka. S. 6-7.
4. Zubkov, K.I., & Karpov, V.P. (2019). *Razvitiye rossiyskoy Arktiki: sovetskiy opyt v kontekste sovremennykh strategiy (na materialakh Kraynego Severa Urala i Zapadnoy Sibiri).* M., Politicheskaya entsiklopediya. 367 s.
5. Karpov, V.P. (2013). *Neft', politika i nauchno-tehnicheskij progress. In EKO.* No. 9, pp. 51–61.
6. Karpov, V.P. (2014). *"Eto bylo spaseniyem!" (K 50-letiyu Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa). In Neftyanoye khozyaystvo.* No. 5, pp. 119–120.
7. Kryukov, V.A. (2013). *Vmesto novykh tekhnologiy – «novyye Samotlory».* In EKO. No. 9, pp. 62–64.
8. Patranova, V.V. (2007). *Trevozhnyye nochi Samotlora. Zapadnaya Sibir': istoriya poiska. 1940–1975 gody.* M., ID «Zimorodok». S. 160-168.
9. Pikhoya, R.G. (Eds.). (2024). *Akademicheskaya istoriya Yugry: v 8 t. T. 7. Khanty-Mansiysk, Izd. Dom «Novosti Yugry».* 720 s.
10. Poberezhnikov, I.V. (2017). *Paradigma modernizatsii, istoricheskiye transformatsii, regional'noye razvitiye. Rekonstruktsii mirovoy i regional'noy istorii: ot universalizma k modelyam mezhkul'turnogo dialoga.* M. S. 72-140.
11. Slavkina, M.V. (2002). *Triumf i tragediya. Razvitiye neftegazovogo kompleksa SSSR v 1960-1980-ye gody.* M., Nauka. 220 s.
12. Stas', I.N. (2016). *Ot poselkov k gorodam i obratno: istoriya gradostroitel'noy politiki v Khanty-Mansiyskom okruge (1960-ye – nachalo 1990-kh gg.). Surgut, Defis.* 258 s.
13. *Ekonomika i kul'tura Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga za 50 let (v tsifrakh).* (1980). Khanty-Mansiysk. 12 s.

дата поступления: 04.06.2024

дата принятия: 04.06.2025

© Карпов В.П., 2025

УДК: 908

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/07>

Ковалева О.А.

БИБЛИОТЕКИ ТЮМЕНИ И ИХ РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДОСУГА ГОРОЖАН (1941–1945 гг.)

О.А. Kovaleva

THE LIBRARIES OF TYUMEN AND THEIR ROLE IN THE ORGANIZATION OF INTELLECTUAL LEISURE FOR CITIZENS (1941–1945)

Аннотация. В статье рассмотрена роль чтения и разных форм библиотечного обслуживания как составной части интеллектуального досуга взрослого и детского населения г. Тюмени в годы Великой Отечественной войны. Основными методами в исследовании стали библиографический и архивный поиск, традиционные методы анализа историографии и документов – историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и их интерпретация. В основу статьи, выполненной с опорой на труды предшественников, легли документальные источники. Наиболее востребованными стали документы, хранящиеся в архивах Тюмени и Омска, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, а также материалы местной периодической печати (газеты «Омская правда», «Тюменская правда», «Красное знамя»). Выявлена материально-техническая база библиотек, сложившаяся к 1941 г., изменения в организации их работы с началом войны, сложности, которые преодолевали работники городских и ведомственных библиотек, перемены в кадровом составе. Показано разнообразие форм деятельности библиотек тылового города в экстремальных условиях войны, раскрыты объективные и субъективные факторы, оказавшие на них влияние. Проанализировано влияние образования Тюменской области в 1944 г. на культурную жизнь города, в том числе на деятельность библиотек. Сформулирован вывод о значимости библиотек в организации интеллектуального досуга тюменцев, а также о включении части городского населения в литературное творчество. Полученные фактологические данные будут способствовать более полной реконструкции повседневной жизни населения г. Тюмени в военный период и лучшему пониманию факторов, помогавшим тюменцам преодолевать тяготы военного времени и приближать Победу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; досуг; Тюмень; библиотеки; городское население; чтение.

Abstract. The article examines the role of reading and various forms of library services as an integral part of the intellectual leisure of adults and children in Tyumen during the Great Patriotic War. The main methods of the study were bibliographic and archival search, traditional methods of historiography and document analysis – historical-genetic, historical-comparative, historical-typological – and their interpretation. The article, based on the works of its predecessors, is based on documentary sources. The most popular were documents stored in the archives of Tyumen and Omsk, many of which are being introduced into scientific circulation for the first time, as well as materials from the local periodical press (the newspapers *Omskaya Pravda*, *Tyumenskaya Pravda*, *Krasnoye Znamya*). The material and technical base of libraries that had developed by 1941, changes in the organization of their work with the beginning of the war, difficulties that employees of city and departmental libraries overcame, and changes in personnel were identified. The diversity of activities of libraries in a rear city under extreme war conditions is shown, and objective and subjective factors that influenced them are revealed. The influence of the formation of the Tyumen Region in 1944 on the cultural life of the city, including the activities of libraries, is analyzed. A conclusion is made about the importance of libraries in organizing the intellectual leisure of Tyumen residents, as well as about the inclusion of part of the city's population in literary creativity. The factual data obtained will contribute to a more complete reconstruction of the daily life of the population of Tyumen during the war and a better understanding of the factors that helped Tyumen residents overcome the hardships of wartime and bring the Victory closer.

Keywords: The Second Great World War; leisure; Tyumen; libraries; urban population; reading.

Сведения об авторе: Ковалева Ольга Александровна, директор музейно-выставочного комплекса Тюменского государственного медицинского университета, г. Тюмень, Россия, koa94-72@mail.ru

About the author: Olga A. Kovaleva, the Director of the Museum and Exhibition Complex of the Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia, koa94-72@mail.ru

Ковалева О.А. Библиотеки Тюмени и их роль в организации интеллектуального досуга горожан (1941–1945 гг.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2025. №3(71). С. 71-80. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/07>

Kovaleva, O.A. (2025). The Libraries of Tyumen and Their Role in the Organization of Intellectual Leisure for Citizens (1941–1945). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (3(71)), 71-80. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/07>

Досуговая сторона жизни в военный период относится к малоизученным аспектам повседневности. Под «досугом» понимается активная часть свободного времени горожан, направленная, прежде всего, на удовлетворение потребностей духовного, интеллектуального и личностного развития [34, с. 46]. Одна из форм досуга – интеллектуальная, т. е. часть социокультурной деятельности, целью которой является развитие интеллекта [1, с. 13-16].

Наиболее изученными сторонами повседневной жизни в годы Великой Отечественной войны остаются трудовая деятельность, преодоление многочисленных материальных, социально-бытовых проблем населения сибирского тыла [21; 22; 28, 36]. При этом изучение досуга, включая интеллектуальный, представляется важным для полноценной реконструкции повседневности тылового города. На современном этапе деятельность тюменских городских библиотек в военный период получила некоторое освещение в работах библиотечных работников, при этом роль ведомственных библиотек изучена в меньшей степени.

Основное внимание в статье уделено деятельности тюменских библиотек в военный период. Цель исследования – выявить роль чтения и разных форм библиотечного обслуживания в интеллектуальном досуге взрослого и детского населения г. Тюмени.

Исследовательские материалы по теме представлены статьями А.В. Попченковой [39, с. 4-11], Н.В. Горбуновой [20, с. 15-17], Е.А. Гаун [17, с. 200-202], Е.А. Ушаковой [45, с. 103-110], а также диссертациями Д.А. Вычерова [7] и А.В. Мордвинцевой [33].

Основные источники, привлеченные для раскрытия темы – документы, выявленные в Государственном историческом архиве Омской области (ГиАОО) и Государственном архиве Тюменской области (ГАТО). Кроме них, были использованы публикации периодики областного и городского уровней (газеты: «Омская правда», «Тюменская правда», «Красное знамя»).

Основными методами в исследовании стали методы библиографического и архивного поиска, традиционные методы анализа историографии и документов, их интерпретация.

Накануне войны Тюмень представляла собой типичный сибирский провинциальный город в составе Омской области. По материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г. в Тюмени проживало 79 205 чел., включая «спецконтингент» 1 452 чел. [5].

Интеллектуальный досуг горожан обеспечивали библиотеки городской библиотечной сети, включавшей три городских (Центральную, Затюменскую и Пушкинскую) и 14 при учреждениях и учебных заведениях [18, л. 307], а также краеведческий музей. В городе работали сады отдыха: им. Ленина и сад Деревообделочников («Дунькин»), где устраивались танцы и гуляния (в саду им. Ленина в летний период демонстрировались спектакли и концерты), а также летний цирк. Работала детская музыкальная школа. Таким образом, библиотеки являлись наиболее массовыми учреждениями культуры. До 1944 г. культучреждения находились в ведении городского отдела народного образования, а после создания Тюменской области 14 августа 1944 г. были переданы в подчинение отделу культурно-просветительской работы при исполкоме городского Совета депутатов трудящихся [14, л. 4]. В отчете отдела за 1946 г. отмечалось, что он состоит из молодых людей, со стажем руководящей работы до двух лет. Из 10 работников отдела трое были с незаконченным высшим образованием, трое – со средним, четверо – с семилетним [12, л. 132].

Почти все городские учреждения культуры были образованы в советский период, их материально-техническая база была весьма скудная, они размещались, преимущественно, в зданиях дореволюционной постройки (см. табл.).

Таблица

Материально-техническая база учреждений культуры

<i>Название учреждения</i>	<i>Год основания</i>	<i>Помещение</i>	<i>Адрес</i>
Центральная городская библиотека	1920	Здание Спасской церкви (1796 г. постройки)	ул. Ленина, 43
Затюменское отделение Центральной городской библиотеки	1930	Деревянное здание кон. XIX–нач. XX вв. постройки, бывший купеческий дом	ул. Луначарского, 5
Библиотека им. А.С. Пушкина (Заречная)	1899/1900	Деревянное здание кон. XIX–нач. XX вв. постройки, принадлежавшее кожевенной артели	ул. Мостовая, 6 (современный адрес: Щербакова, 11)
Краеведческий музей	1879	Здание Городской думы (1834 г. постройки)	ул. Ленина, 2

Условия работы тюменских библиотек в военное время были тяжелыми. Центральная городская библиотека обеспечивалась отоплением и электроэнергией по остаточному принципу, что приводило к нестабильной работе учреждения – с наступлением осени приходилось сокращать рабочий день до 17:00–18:00 часов (при официальном рабочем дне до 21:00), а зимой приостанавливать работу читального зала [31, с. 2]. Здание бывшей церкви, где находилось учреждение, нуждалось в капитальном ремонте. Методический кабинет и библиографический отдел размещались в одной тесной комнате, не хватало помещений под переплетную мастерскую, гардероб, книгохранилище [17, с. 201].

За годы войны из фондов библиотеки выбыло 46 тыс. книг. При этом по состоянию на 1939 г. в библиотеке хранилось 60 280 книг [16, л. 3 об.]. Особенно «пострадал» отдел художественной литературы [19, л. 5]. В 1943 г. исполнительный комитет Тюменского Горсовета депутатов трудящихся даже принял решение, дававшее библиотекам право

взыскивать с читателей «по залогам – от 25 руб. до 50 руб., за утерянную книгу – плату в десятикратном размере» [8, л. 224]. Однако, видимо во время эвакуационно-резвакуационных процессов наладить учет возврата книг было затруднительно. Вина за потерянные книги была возложена на директора библиотеки Р.В. Попову, которая в 1944 г. была привлечена к уголовной ответственности и приговорена к трем годам лишения свободы [10, л. 34]. В деле Р.В. Поповой также содержится акт по обследованию работы библиотеки, в котором, в частности, разбираются примеры, отражающие формальный подход работников к исполнению своих обязанностей и отсутствие инициативности в преодолении трудностей военного времени [10, л. 19]. Во многом эти недостатки были связаны с объективными трудностями, усугубившимися во время войны (например, перебои с топливом, что сказывалось на качестве работы библиотеки), но также свидетельствуют о недостаточно высоком профессионализме библиотечных работников.

На протяжении военных лет наблюдался неуклонный спад читателей с 10 530 чел. в 1941 г. до 1 980 чел. – в 1945 г. [15, л. 3]. Тем не менее, сотрудники библиотеки старались перестроить свою работу. Они проводили громкие читки, помогали предприятиям в оборудовании красных уголков, выдавали литературу для госпиталей, устраивали выставки художественной литературы [39, с. 7]. Также регулярно проходили открытые лекции – не только по истории литературы и в честь памятных дат (например, лекция о творчестве А.П. Чехова в честь 40-летия со дня смерти писателя) [38, с. 1], но и на темы, связанные с развитием огородничества, и занятия «родительского университета», на которых работники городского отдела народного образования выступали с лекциями о воспитании детей [2, с. 4; 6, с. 4; 24, с. 4; 25, с. 2].

Многие направления библиотечной работы зародились ещё в конце 1920-х гг., когда учреждение возглавил Петр Григорьевич Шестаков. Прирожденный организатор, человек, влюбленный в библиотечное дело, он впервые в Тюмени организовал открытые лектории, книгоношество, литературные кружки, способствовал повышению квалификации работников библиотеки. В 1942 г. П.Г. Шестаков был мобилизован для работы на тюменском заводе № 636 (где, помимо основной работы, успел организовать заводскую библиотеку) и вновь вернулся на должность директора библиотеки, ставшей к тому времени областной, лишь в 1946 г. [41, с. 11-14].

Более подходящие условия для работы были созданы в Зареченском отделении городской библиотеки. В предвоенное время здесь был проведен ремонт, открылся отдел по работе с детьми, сделаны ассигнования для пополнения книжных фондов. Правда, по причине острого дефицита свободных площадей в 1943 г. в здании библиотеки разместили также контору военной части и народный суд, что сказалось на работе культурно-просветительского учреждения. В докладе о состоянии и неотъемлемых задачах культурно-просветительских учреждений области за 1945 г. отмечалось, что «читатели библиотеки в летнее время читают газеты и журналы на завалинке под окном библиотеки и суда, не имея читального зала» [13, л. 15].

К 1941 г. книжный фонд библиотеки составлял 10700 экземпляров книг, за годы войны это количество не только не сократилось, но, напротив, увеличилось на 2474 единицы. Примечательно, что часто книги приносили сами читатели («Рука не поднимается

бросать [книгу] в печку, очень интересная») [20, с. 16]. По-видимому, работники учреждения (в 1943–1945 гг. работали заведующий методическим кабинетом Капустина Елизавета Ивановна и библиотекарь Прудникова Мария Степановна) нашли подход к своим читателям и обеспечивали те формы работы, которые находили у них отклик [20, с. 16].

Иначе сложилась судьба Затюменской библиотеки (в 1935 г. Затюменское отделение Центральной городской библиотеки стало самостоятельным учреждением) [40]. В годы войны она пережила несколько переездов. Сначала была переведена «из уютного светлого особнячка», где должны были расположить детский сад, в нижний этаж этого же помещения, непригодного для обслуживания читателей. В архивных документах отмечалось, что библиотека находится на правах квартиранта детского сада, занимая две сырые комнаты в полуподвальном помещении: «Эти комнаты совершенно не пригодны для библиотеки» [9, л. 25]. Затем книжный фонд и имущество были перевезены в школу № 26 и Заречную библиотеку, а само учреждение приостановило свою деятельность. В отчете о деятельности библиотек за 1945 г. констатировалось, что весь книжный фонд художественной литературы «исчез» [12, л. 42]. Восстановление материально-технической составляющей и библиотечных фондов относится к послевоенному периоду.

Учебные библиотеки работали при школах, учреждениях среднего и высшего образования; военное время отразилось и на их деятельности. Так, в связи с подготовкой к размещению эвакогоспиталя (будущий эвакогоспиталь № 1500), библиотеку педагогического института перевезли в другое помещение уже в 1940 г. Это был неотапливаемый, не приспособленный для хранения ценного имущества продуктовый склад, предоставленный Горкомхозом [45, с. 104]. За годы войны библиотека пединститута «пережила» ещё три переезда, причем они были плохо организованы. По воспоминаниям очевидца, «книги выбрасывали через окно с полок в машины. Выгружали книги из машины лопатами и сваливали в кучи. Вся дорога была усыпана книгами. Люди подбирали их и возвращали в библиотеку» [39, с. 5].

По той же причине – подготовка к размещению эвакогоспиталя – в начале войны были перевезены и книжные фонды Тюменского сельскохозяйственного техникума, включавшие ценнейшие издания бывшего Александровского реального училища и книги из личной библиотеки И.Я. Словцова. Подвал институтского общежития, где разместили библиотеку, был совершенно не приспособлен для этой цели. В результате затопления подвала значительная часть фонда пострадала. В послевоенное время удалось восстановить лишь небольшую часть (около 2 000 томов) [45, с. 105].

Свои библиотеки были при заводах и даже создавались самими жителями. Показательно описание быта в общежитиях для рабочих некоторых тюменских заводов (например, завода «Механик»), опубликованное на страницах областной газеты, включающее встречи кружка по изучению книги И.В. Сталина, игры в шахматы, танцы под радиолу и чтение книг из библиотеки, самостоятельно созданной молодыми рабочими [29, с. 2]. Создание условий для культурного отдыха рабочей молодежи, включая читки газет и журналов, являлось показателем качества общежития [2, с. 2; 44, с. 2]. Главная роль в организации этой работы отводилась комсомолу, при этом подчеркивалось, что представители актива ВЛКСМ не могут быть «невеждами в вопросах политики, истории

нашей страны и литературы» [19, с. 2]. По состоянию на конец 1945 г. свои библиотеки были при шести заводах, общая численность книжного фонда составляла 23 975 ед. хр., журнального – 696 ед. хр. [14, л. 31-37 об]. Правда, не все заводские библиотеки работали без перебоев. На страницах местной прессы неоднократно критиковалась их деятельность, включая отдаленность от рабочей молодежи, отсутствие передвижек по заводским цехам и общежитиям, в результате чего молодые рабочие читали «всякую чепуху, попадающуюся под руку» [43, с. 2].

Во многих семьях имелись небольшие домашние библиотеки, которые по возможности пополнялись новыми книгами [7]. Массовое «возвращение» читателей в тюменские библиотеки отмечается только в послевоенное время. Запросы читателей в этот период зависели от их возраста и интересов. Дети любили читать журналы «Мурзилка», «Читайте и живите» («Чиж»), газету «Пионерская правда», приключенческую литературу («Капитан Немо» Жюль Верна, «Буратино» А.Н. Толстого, произведения Л.А. Кассиля) [4]. Подростки больше интересовались приключенческой литературой и путешествиями, книгами про шпионаж и контрразведку, взрослые – русской и иностранной художественной литературой, а также производственно-техническими и общественно-политическими изданиями [15, л. 9].

Жители Тюмени были не только активными читателями, но и сами включались в литературное творчество. В августе 1943 г. при редакции газеты «Красное знамя» была образована литературная группа, объединявшая жителей города, занятых литературным творчеством [42, с. 2]. Их произведения печатались на страницах городской периодики, силами группы устраивались творческие вечера, в т. ч. для раненых бойцов эвакогоспиталей [35, с. 2]. Весной 1944 г. среди молодежи города горкомом комсомола и отделом народного образования был проведен конкурс на лучший очерк, стихотворение и рисунок, посвященные Великой Отечественной войне и помощи тыла фронту [30, с. 2]. Наиболее удачные произведения были напечатаны на страницах городской периодики [46, с. 2].

На завершающем этапе войны, когда Тюмень стала центром новой области, требования к культурному досугу жителей стали более высокими. Одним из способов влияния на культурно-просветительские учреждения, включая библиотеки, была периодическая печать. Так, в рубрике «Письмо в редакцию» в одном из выпусков областной газеты «Тюменская правда» помещено обращение военного, которого отказались обслужить в библиотеке им. Пушкина из-за отсутствия у него паспорта [32, с. 2]. Более требовательным стало и отношение к летнему отдыху тюменцев, включая отдых в садах (парках): «Городские сады должны стать местом культурного и содержательного отдыха для трудящихся города» [37, с. 1]. «Содержательный», «полезный» отдых городские власти напрямую связывали с организацией в садах читальных залов под открытым небом и газетных витрин [37, с. 1]. Больше требований стало предъявляться работе с отдельными категориями населения. Так, критикуя состояние культурно-массовой работы среди татарского населения, автор публикации в областной периодике ссылался на острый дефицит книг на национальном языке: «Литературу на татарском языке нигде не достанешь, последние известия с фронтов на татарском языке по радио не транслируются» [23, с. 2].

Количество книг на татарском языке, хранящихся в областной библиотеке, действительно было небольшим – 9 % от общего числа книжного фонда. При этом детской литературы (на русском языке) было ещё меньше – 6,3% [15, л. 4].

Тюменские библиотеки в годы войны переживали материально-бытовые, кадровые и организационные трудности. Не всем учреждениям удалось справиться с ними и продолжить свою деятельность. Многие зависели от объективных (решение городских властей о занятии помещения) и субъективных (человеческие и профессиональные качества сотрудников) факторов.

Великая Отечественная война наложила отпечаток на досуговую сторону повседневной жизни тюменцев. Существенно сократилось время для проведения горожанами интеллектуального досуга. Тем не менее, он имел место, в частности, в форме домашнего чтения и посещений городских библиотек. Низовая инициатива, включая создание заводских библиотек и литературное творчество, свидетельствует о важности интеллектуального отдыха для тюменцев.

Тюменские библиотеки в основном работали в устаревших и не предназначенных для этой цели зданиях. В военное время сократилось финансирование библиотек. Обеспечение топливом и электроэнергией велось по остаточному принципу. Из-за необходимости размещения эвакуированных учреждений некоторые библиотеки часто переезжали, что отрицательно сказывалось на организации их работы и состоянии книжных фондов. Тем не менее, помимо традиционной для библиотек работы – обслуживании читателей на абонементе и в читальном зале – библиотечные работники организовывали лектории на актуальные темы, а также устраивали выставки литературы, проводили читки в эвакогоспиталях. Во многом организация работы в столь сложное для страны время зависела от личных качеств библиотечных работников и их профессионального уровня.

Литература

1. Андреева А.В. Интеллектуальный досуг как сфера полисубъектного взаимодействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 13-16.
2. Больше внимания бытовым нуждам молодежи // Красное знамя. 1944. 29 янв. С. 2.
3. Воспоминания В.В. Родионовой. Цит. по: Попченкова А.В. Библиотечное дело Тюменской области в годы Великой Отечественной войны // Ненаписанные страницы истории библиотек. Тюмень, 2005. Вып. 4. С. 4-11.
4. Воспоминания Г.А. Полозковой // Из личного архива Д.А. Вычерова.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 г. // URL: <https://clck.ru/3P6Gpf> (дата обращения: 29.05.2025).
6. Выполнить решения XIII Пленума ЦК ВЛКСМ – боевая задача // Тюменская правда. 4 марта 1945 г. С. 2.
7. Вычеров Д.А. Повседневная жизнь советских школьников тылового города в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Тюмени): дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. Санкт-Петербургский государственный университет, СПб., 2022. 230 с.
8. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. Р5. Оп. 1. Д. 461.
9. ГАТО. Ф. Р5. Оп. 1. Д. 620.

10. ГАТО. Ф. 84. Оп. 2. Д. 1562.
11. ГАТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1.
12. ГАТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 2.
13. ГАТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3.
14. ГАТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 4.
15. ГАТО. Ф. 1885. Оп. 1. Д. 4.
16. ГАТО. Ф. 1889. Оп. 1. Д. 1.
17. Гаун Е.А. Книга в Тюменской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) // Шестые Макушинские чтения: тезисы докладов научной конференции. Новосибирск, 2003. С. 200–202.
18. Государственный исторический архив Омской области (ГиАОО). Ф. 437. Оп. 9. Д. 74.
19. ГиАОО. Ф. 437. Оп. 9. Д. 1073.
20. Горбунова Н.В. Листая страницы прошлого: Пушкинская библиотека в годы Великой Отечественной войны // Ненаписанные страницы истории библиотек. Тюмень, 2005. Вып. 4. С. 15–17.
21. Докучаев Г.А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск: Наука, 1968. 322 с.
22. Ермаков И.И. Тюмень тыловая. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1995. 128 с.
23. Ибниаминов З. Забыли о татарской молодежи // Тюменская правда. 3 марта 1945 г. С. 2.
24. Извещение // Красное знамя. 1941. 2 нояб. С. 4.
25. Извещение // Красное знамя. 1941. 14 дек. С. 4.
26. Извещение // Красное знамя. 1942. 15 февр. С. 4.
27. Извещение // Красное знамя. 1942. 18 февр. С. 2.
28. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Том 5 / Гл. ред. А.П. Окладников. Л.: Наука, 1969. 469 с.
29. Карабанова Л. В молодежном общежитии // Омская правда. 1943. 12 дек. С. 2.
30. Конкурс на лучший очерк, стихотворение, рисунок // Красное знамя. 1944. 27 февр. С. 2.
31. Коростышевский А. В выходной день // Красное знамя. 1944. 24 окт. С. 2.
32. Мельников В. Газеты за семью замками // Тюменская правда. 1944. 3 нояб. С. 2.
33. Мордвинцева А.В. Послевоенная городская повседневность: Тюмень и тюменцы в 1945–1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 286 с.
34. Орлов Г.П. Свободное время и личность. Свердловск, 1983. 176 с.
35. Осипов Д. Литературный вечер в госпитале // Красное знамя. 1944. 4 марта. С. 2.
36. Очерки истории Тюменской области / Ред. В.М. Кружинов, В.А. Данилов, И.Ф. Кнапик. Тюмень, 1994. 270 с.
37. По-большевистски организовать агитационную и политмассовую работу // Красное знамя. 1944. 11 июня. С. 1.
38. Подготовка к чеховским дням // Красное знамя. 1944. 7 июля. С. 1.
39. Попченкова А.В. Библиотечное дело Тюменской области в годы Великой Отечественной войны // Ненаписанные страницы истории библиотек. Тюмень, 2005. Вып. 4. С. 4–11.
40. Попченкова А.В. Затюменская библиотека (1930–1962 гг.). URL: <https://clck.ru/3P6Gss> (дата обращения: 15.04.2025).
41. Попченкова А.В. Из жизни первого директора // Библиотека. 2004. № 8. С. 11–14.
42. Редакция. Организованное собрание литгруппы // Красное знамя. 1943. 15 авг. С. 2.

43. Таратунина Н. Наболевшие вопросы // Тюменская правда. 1944. 21 окт. С. 2.
44. Таратунина Н. Нет заботы о молодых рабочих // Тюменская правда. 1944. 16 дек. С. 2.
45. Ушакова Е.А. История формирования фонда ИБЦ ТЮмГУ: потери и приобретения // Социокультурная деятельность университетской библиотеки в контексте инновационного образования: материалы научно-практической конференции (г. Тюмень, 10–11 апреля 2008 г.). Тюмень: Сити-Пресс, 2008. С. 103-110.
46. Филиппов П. Портрет // Красное знамя. 1944. 23 апр. С. 2.

References

1. Andreeva, A.V. (2014). Intellektual'nyj dosug kak sfera polisub`ektnogo vzaimodejstviya. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, (12 (50)), 13-16.* (in Russ.).
2. Bol'she vnimaniya by`tovy`m nuzhdam molodezhi. (1944). *Krasnoe znamya, (42 (6982)), 2.* (in Russ.).
3. Vospominaniya, V.V. Rodionovoj. Cit. po: Popchenkova A.V. (2005). Bibliotechnoe delo Tyumenskoj oblasti v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`. *Nenapisanny`e stranicy istorii bibliotek, (4), 4-11.* (in Russ.).
4. Vospominaniya, G.A. Polozkovo. *Iz lichnogo arxiva D.A. Vy`cherova.*
5. Vsesoyuznaya perepis` naseleniya 1939 g. URL: <https://clck.ru/3P6Gpf> (data obrashheniya 29.05.2025).
6. Vy`polnit` resheniya XIII Plenuma CzK VLKSM – boevaya zadacha. (1945). *Tyumenskaya pravda, (45 (108)), 2.* (in Russ.).
7. Vy`cherov D.A. (2022). Povsednevnyaya zhizn` sovetskix shkol`nikov ty`lovogo goroda v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` (na materialax g. Tyumeni): *dis. ... kand. ist. nauk: 5.6.1. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, S-Pb., 230.* (in Russ.).
8. Gosudarstvennyj arxiv Tyumenskoj oblasti (GATO). F. R5. Op. 1. D. 461. (in Russ.).
9. GATO. F. R5. Op. 1. D. 620.
10. GATO. F. 84. Op. 2. D. 1562.
11. GATO. F. 1322. Op. 1. D. 1.
12. GATO. F. 1322. Op. 1. D. 2.
13. GATO. F. 1322. Op. 1. D. 3.
14. GATO. F. 1322. Op. 1. D. 4.
15. GATO. F. 1885. Op. 1. D. 4.
16. GATO. F. 1889. Op. 1. D. 1.
17. Gaun, E.A. (2003). Kniga v Tyumenskoj oblasti v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` (1941-1945 gody`). *Shesty`e Makushinskie chteniya: tezisy` dokladov nauchnoj konferencii. Novosibirsk: [b.i], 200-202.* (in Russ.).
18. Gosudarstvennyj istoricheskij arxiv Omskoj oblasti (GiAOO). F. 437. Op. 9 D. 74.
19. GiAOO. F. 437. Op. 9. D. 1073.
20. Gorbunova, N.V. (2005). Listaya stranicy proshlogo: Pushkinskaya biblioteka v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`. *Nenapisanny`e stranicy istorii bibliotek. Tyumen`: [b.i], (4), 15-17.* (in Russ.).
21. Dokuchaev, G.A. (1968). Sibirskij ty`l v Velikoj Otechestvennoj vojne. Novosibirsk: Nauka, 322. (in Russ.).
22. Ermakov, I.I. (1995). Tyumen` ty`lovaya. Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo, 128. (in Russ.).
23. Ibniaminov, Z. (1945). Zaby`li o tatarskoj molodezhi. *Tyumenskaya Pravda, (44 (107)), 2.* (in Russ.).

24. Izveshhenie. (1941). *Krasnoe znamya*, (260 (6327)), 4. (in Russ.).
25. Izveshhenie. (1941). *Krasnoe znamya*, (296 (6363)), 4. (in Russ.).
26. Izveshhenie. (1942). *Krasnoe znamya*, (39 (6417)), 4. (in Russ.).
27. Izveshhenie. (1942). *Krasnoe znamya*, (41 (6419)), 2. (in Russ.).
28. Istoriya Sibiri s drevnejshix vremen do nashix dnei (1969), (5). *Gl. red. A.P. Okladnikov. L: Nauka*, 469. (in Russ.).
29. Karabanova, L. (1943). V molodezhnom obshchegitii. *Omskaya Pravda*, (251 (2689)), 2. (in Russ.).
30. Konkurs na luchshij ocherk, stixotvorenie, risunok. (1944). *Krasnoe znamya*, (41 (6981)), 2. (in Russ.).
31. Korosty'shevskij, A. (1944). V vy'ходной den'. *Krasnoe znamya*, (17), 2. (in Russ.).
32. Mel'nikov, V. (1944). Gazety' za sem'yu zamkami. *Tyumenskaya pravda*, (24), 2. (in Russ.).
33. Mordvinceva, A.V. (2010). Poslevoennaya gorodskaya povsednevnost': Tyumen' i tyumency v 1945–1953 gg.: *dis. ... kand. ist. nauk. Tyumen'*, 286. (in Russ.).
34. Orlov, G.P. (1983). Svobodnoe vremya i lichnost'. *Sverdlovsk*, (176). (in Russ.).
35. Osipov, D. (1944). Literaturny'j vecher v gospitale. *Krasnoe znamya*, (45 (6985)), 2. (in Russ.).
36. Ocherki istorii Tyumenskoj oblasti. (1994). Red. V.M. Kruzhinov, V.A. Danilov, I.F. Knapik. *Tyumen': Izdatel'stvo IPP «Tyumen'»*, 270. (in Russ.).
37. Po-bol'shevistski organizovat' agitacionnuyu i politmassovuyu rabotu. (1944). *Krasnoe znamya*, (116 (6756)), 1. (in Russ.).
38. Podgotovka k chexovskim dnyam. (1944). *Krasnoe znamya*, (135 (6775)), 1. (in Russ.).
39. Popchenkova, A.V. (2005). Bibliotechnoe delo Tyumenskoj oblasti v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny'. *Nenapisanny'e stranicy istorii bibliotek. Tyumen'*, (4), 4–11. (in Russ.).
40. Popchenkova, A.V. Zatyumenskaya biblioteka (1930–1962 gg.). URL: <https://clck.ru/3P6Gss> (data obrashheniya: 15.04.2025). (in Russ.).
41. Popchenkova, A.V. (2004). Iz zhizni pervogo direktora. *Biblioteka*, (8), 11–14. (in Russ.).
42. Redakciya. (1943). Organizovannoe sobranie litgruppy'. *Krasnoe znamya*, (164 (6845)), 2. (in Russ.).
43. Taratunina, N. (1944). Nabolevshie voprosy'. *Tyumenskaya pravda*, (15), 2. (in Russ.).
44. Taratunina, N. (1944). Net zaboty' o molody'x rabochix. *Tyumenskaya pravda*, (53), 2. (in Russ.).
45. Ushakova, E.A. (2008). Istoriya formirovaniya fonda IBCz TyumGU: poteri i priobreteniya. *Sociokul'turnaya deyatel'nost' universitetskoj biblioteki v kontekste innovacionnogo obrazovaniya: materialy' nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Tyumen', 10–11 aprelya 2008 g.)*. Tyumen': Siti-Press, 103–110. (in Russ.).
46. Filippov, P. (1944). Portret. *Krasnoe znamya*, (81 (6721)), 2. (in Russ.).

дата поступления: 04.06.2024

дата принятия: 04.06.2025

© Ковалева О.А., 2025

УСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ИЗУЧЕНИИ СУБЪЕКТИВНОСТИ ГОРОЖАН ТЮМЕНИ (1964–1985 гг.): МЕТОДЫ И СПОСОБЫ АНАЛИЗА

D.A. Fedorova

ORAL SOURCES IN THE STUDY OF THE SUBJECTIVITY OF TYUMEN CITIZENS (1964–1985): METHODS AND TECHNIQUES OF ANALYSIS

Аннотация. Цель исследования – обзор потенциальных возможностей устных источников и применение на практике методов устной истории, а также способов анализа и интерпретации материалов интервью, способствующих изучению субъективности. В нашем исследовании субъективность – совокупность убеждений, опыта, чувств, восприятий и предпочтений, присущих конкретному индивиду и составляющих как мнение о самом себе, так и об окружающем мире. Субъективность проявляется в отношении к городу, обществу, где человек проживал и вел деятельность, а также пережитым событиям. Нами использовались устные свидетельства, в которых рассказчик транслирует свое видение событий, что создает перспективы для изучения субъективности методами устной истории, предметом которой является восприятие прошлых явлений и процессов личностью с ее взглядами и мировоззрением. Полученные в ходе интервьюирования материалы впервые вводятся в научный оборот. В рамках метода устной истории нами применялось глубинное целевое интервью, позволяющее получить подробные сведения на предмет восприятия и чувств респондента, его видения эпохи, когда он реконструирует свое прошлое на основе жизненного опыта, тем самым проявляя субъективность. Для анализа устных источников нами применялся нарративный метод, который основан на лингвистической интерпретации текста, осуществляемой с помощью анализа лексики, манеры произношения и конструирования фраз, выделения смысловых доминантов, что позволяет выявить эмоциональную оценку транслируемых рассказчиком событий, а также чувства, настроения и переживания, с ними связанные. Реконструктивный перекрестный способ анализа заключается в том, что с помощью устных свидетельств, сочетающихся с другими видами источников, происходит выявление новых фактов, их подтверждение и детализация, тем самым реконструируется восприятие событий или явлений. Наконец, цитатный метод основан на

Abstract. The study has two purposes. The first one is an overview of potential oral sources. The second is a practical application of the oral history methods and ways of analysis and interpretation of interview data facilitating subjectivity study. In the research, subjectivity is a set of beliefs, experiences, feelings, perceptions and preferences which are belong to the certain individual and form an opinion about of oneself and the environment. Subjectivity show itself as an attitude towards the city, society where a person lived and performed activities, as well as the events experienced. We used oral witness where the narrator told events from his point of view. This creates potential for study subjectivity via oral history methods which subject is perception of past phenomena and processes by an individual with his views and worldview. The materials obtained during the interview are first introduced into research. As the oral history method, we used depth targeted interview allowing to obtain detailed information on the respondent's perceptions and feelings, his vision of the historical period when he makes his past based on life experience thereby demonstrating subjectivity. For the analysis of the oral sources, we used a narrative method. It based on the linguistic interpretation of a text which is embodied with highlighting semantic dominants, analysis of vocabulary, a way of pronunciation and construction of phrases. It allows you to identify the emotional assessment of the events broadcast by the narrator, as well as the feelings, moods and experiences associated with them. In the reconstructive cross-sectional analysis, we reveal new facts, their confirmation and detailing using oral evidence, combined with other types of sources. Thereby reconstructing the perception of events or phenomena. Finally, the citation method is based on the analysis of a set of statements devoted to a particular issue, which

анализе совокупности высказываний, посвященных тому или иному вопросу, что способствует освещению восприятия изучаемого явления с новых сторон. В результате, исходя из потенциала рассмотренных методов, направленных на выявление и реконструкцию субъективности, применение устных источников для ее изучения представляется весьма перспективным.

Ключевые слова: устная история; устные источники; субъективность; нарративный метод; цитатный метод; реконструктивный перекрестный анализ; глубинное целевое интервью.

Сведения об авторе: Дарья Алексеевна Федорова, ORCID: 0009-0000-8787-1113, канд. ист. наук, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия, shineamber@mail.ru

helps to elucidate the perception of the studied phenomenon from new angles.

As a result, based on the potential of the considered methods which purpose are identifying and reconstruction subjectivity, the use of the oral sources for its study seems quite perspective.

Keywords: oral history; oral sources; subjectivity; narrative method; citation method; reconstructive cross-sectional analysis; targeted depth interview.

About the author: Darya A. Fedorova, ORCID: 0009-0000-8787-1113, Candidate of Historical Sciences, The Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia, shineamber@mail.ru

Федорова Д.А. Устные источники в изучении субъективности горожан Тюмени (1964–1985 гг.): методы и способы анализа // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2025. №3(71). С. 81-92. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/08>

Fedorova, D.A. (2025). Oral Sources in the Study of the Subjectivity of Tyumen Citizens (1964–1985): Methods and Techniques of Analysis. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (3(71)), 81-92. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/08>

Антропологизация исторической науки, как одна из ведущих тенденций ее развития на современном этапе, определяет человека в качестве главного объекта исследования [7, с. 537]. Его деятельность, мировоззрение, взаимоотношения с окружающими людьми рассматриваются как движущие силы исторического процесса, а многие события объясняются с точки зрения поведения личности, ее мотивации и личных побуждений [9, с. 25, 31; 4, с. 197].

В результате история рассматривается в «человеческом измерении», когда происходит обращение к внутреннему миру индивида, его жизненным установкам, представлениям и оценке событий [1, с. 128; 2, с. 265]. Данные явления объединяются в понятие субъективность, употребляющееся в гуманитарных науках в нескольких значениях. Выделим некоторые из них. Первое – это концептуализация человека как единой сущности, обладающей разумом. В основе субъективности лежит поведение, основанное на сознании [18, р. 4511]. Второе определение обращается к множественным субъективностям, существовавшим в истории человечества, и к тому, как эти субъективности формируются и фрагментируются в диалоге с политическими, социальными и культурными институтами и явлениями. Человек в этом контексте рассматривается как конструкция дискурса или персонаж [19, р. 81]. Третье значение рассматривает субъективность с точки зрения самосознания и жизненного опыта человека, взаимодействия окружающим миром и его осмысления [16, р. 566].

В нашем исследовании субъективность – совокупность убеждений, опыта, чувств, восприятий и предпочтений, присущих конкретному индивиду и составляющих как мнение о самом себе, так и об окружающем мире. Субъективность проявляется в отношении к

городу, обществу, где человек проживал и вел деятельность, пережитым событиям, а также самоощущении «внутри» обстоятельств и условий, в которых он находился.

Для изучения процессов и явлений историк обращается к разного рода источникам, каждый из которых обладает определенным потенциалом. Со второй половины XX в. в исследовательской практике активно используются устные источники, получающие все более широкое применение как для извлечения новой информации [8, с. 88], так и для реализации новых подходов, в том числе связанных с изучением «человека в истории» [3, с. 185].

Специфика устных источников состоит в том, что в их основе всегда находится человек с его восприятием действительности и оценками субъективного характера прямо от него исходящими [13, с. 99; 6, с. 115]. В устном свидетельстве рассказчик представляет свое видение событий, не только фактологическую, но и оценочную информацию [14, с. 15-17], что составляет преимущество такого вида источника и создает перспективы для изучения субъективности методами устной истории, предметом которой является восприятие прошлых явлений и процессов личностью с ее взглядами и мировоззрением.

В контексте нашего исследования устная история рассматривается как совокупность методов и приемов, направленных на изучение субъективности путем проведения интервью. Нами предпринята попытка обзора потенциальных возможностей устных источников и применения на практике методов устной истории, а также способов анализа и интерпретации материалов интервью, способствующих изучению субъективности.

Работа с устными источниками представляет собой последовательность процедур по организации интервью, документированию полученной информации, а также введению новых источников в научный оборот.

Как правило, устный источник не просто добывается историком, он создается, причем его создание – двухсторонний процесс, в котором участвует как информант, у которого берется интервью, так и исследователь, проводящий беседу, а впоследствии обработку устного материала, осуществляя перевод речи с аудионосителя в текст [17, pp. 38-40]. В конечном счете, это обуславливает субъективность источника, где представлены как видение событий информантом, так их последующее изложение исследователем. В этом контексте главная задача ученого – свести к минимуму наличие собственной позиции относительно транслируемой информации, и как можно подробнее, детальнее представить ее и затем анализировать с целью выявления оценки исторического процесса непосредственными его участниками.

Для осуществления исследования проводится интервью – целенаправленно проведенная беседа о жизненном пути человека в контексте исторических событий и явлений. Интервью имеет как прикладное значение в отношении сбора информации, так и является основным методом устной истории.

В нашем случае проводится глубинное целевое интервью как наиболее целесообразный прием изучения субъективности. Такой тип интервью предполагает проведение подробной доверительной беседы, цель которой – получение развернутых ответов на предмет чувств и эмоций респондента, его видения эпохи, когда он реконструирует собственную историческую реальность на основе жизненного опыта,

проявляя тем самым субъективность. Посредством интервью формируется нарратив – повествование индивида о пережитых им событиях и явлениях, в котором выражены их восприятие и оценка.

На начальном этапе изысканий осуществляется поиск респондента. Критерии поиска во многом обуславливаются тематикой и периодизацией исследования. Нас интересовали тюменцы, проживавшие в городе в 1964–1985 гг. Для более обширной выборки необходим разнообразный круг опрашиваемых. Их принадлежность в изучаемый период к различным возрастным, социальным группам, различия по полу и роду деятельности, уровню образования позволит с разных сторон рассматривать интересующее явление, получая взгляд «изнутри».

Успех исследования зависит не только от наличия широкого круга информантов, но и то того, насколько опрашиваемый желает и может предоставить информацию о себе, своих взглядах, позициях, действиях в определенной исторической ситуации. После налаживания контакта и договоренности о встрече происходит само интервью, проводимое в форме беседы. Обязательно обговаривается возможность фиксации нарратива на аудионоситель информации. Это очень важно, так как при изучении субъективности именно аудиозапись позволит в полной мере зафиксировать оценки и отношение рассказчика, которые выражены не только в смысле слов, но и в конструировании фраз, в интонациях, паузах, междометиях, проявлениях эмоций и т. д.

Вопросы задаются по заранее составленной анкете, сформулированной по проблемному принципу. Тип вопросов – открытые, предполагающие развернутый ответ. Как правило, анкета разрабатывается в процессе изучения проблемы, в отношении которой проводится интервьюирование. Затем, при необходимости она может дорабатываться и уточняться.

В начале встречи проводится вступительная беседа, знакомство с биографией респондента. На данном этапе уже можно получить ценную информацию: описание жизненного пути нередко само по себе содержит оценку событий, личное мнение, ментальные компоненты. Бывает, опрашиваемые, если встреча происходит в домашней обстановке, демонстрируют фотоальбомы, погружаясь в воспоминания. Это помогает общению, так и может натолкнуть на рассказ об интересных деталях и подробностях. В ходе беседы могут формулироваться новые вопросы уточняющего характера, проясняющие тему. В частности, в рамках изучения субъективности задаются вопросы, направленные на поиск смысла и внутренний мир респондента: «Почему так произошло, что для вас это значило?»; «Как вы себя при этом чувствовали?»; «Каково ваше мнение о данном событии/явлении?».

Затем может состояться еще одна встреча для уточнения информации. Обычно такая необходимость возникает при транскрибировании – записи текста, в ходе которой создается транскрипт – письменная версия устного исторического источника. Транскрибирование производится вручную, с учетом всех пауз, междометий, повторов, когда полностью воспроизводится речь респондента, в том числе с употреблением просторечных слов и жаргонизмов. Все перечисленные элементы передают отношение опрашиваемого к проблеме, в том числе, скрытое, не высказанное напрямую.

Таким образом, изучение субъективности методом интервью осуществляется в несколько этапов. Это составление опросника, налаживание контакта с респондентом и проведение беседы, затем – транскрибирование полученного нарратива. Интервьюирование определяет информативный потенциал устных источников, заключающийся в наличии сведений, касающихся жизненного опыта, чувств и восприятий рассказчика.

В первую очередь, интервью содержит эмпирический материал, необходимый для воссоздания той или иной эпохи. Это могут быть сведения о событиях как локального, так и общегосударственного масштаба. Но не менее интересным и важным предстает их видение, когда опрашиваемый человек предстает как актер, который на основе мировоззрения и опыта не просто рассказывает о пережитом, а демонстрирует представление о нем, тем самым реконструирует свою историческую реальность, основанную на картине мира.

Так, значимым событием в жизни Тюмени стало обрушение моста через реку Тура в 1982 г.: «Когда в Тюмени мост рухнул, у нас об этом не передавали, фотографировать нельзя было. Я помню, у нас сосед женился. Мы поехали к Вечному огню. И мы видим – мост упал. Мы давай фотографировать – а там милиция запрещает»¹. На первый взгляд в приведенном отрывке перед нами предстает прежде всего, фактический материал. Но если углубиться, вчитаться в текст, можно проследить и оценку описываемого случая: «не передавали», «фотографировать нельзя было». Тем самым в сознании респондента описанный эпизод предстает как инцидент, который замалчивался.

Следующие сведения касаются события общегосударственного значения. Причем его восприятие первой частью опрашиваемых выражено как факт, а второй – как трагедия, влекущая за собой большие перемены. По нашим наблюдениям, различие в оценке пережитого в некоторой степени определялось гендерной принадлежностью интервьюируемого. Так, представители мужского пола несколько сдержанно формулировали ответ на вопрос по поводу мыслей и эмоций, связанных с кончиной Л.И. Брежнева: «Умер и умер человек»²; «Элементарно, он же не мог уже»³.

Женщины передают свои впечатления несколько по-иному: «Брежнев умер, было переживательно... Как-то замедлилось... Такое чувство, что эпоха ушла»⁴; «Огорчались все, боялись же, что Брежнев столько лет был, все огорчились, паника была явная»⁵. «Это было не чувство потрясения, а предчувствие, когда его хоронили. Он умер 7 или 8 ноября. И транслировали по телевизору его похороны. И когда его туда опускали в могилу, то ли веревки у них там не выдержали, то ли что. Он с таким грохотом туда полетел, и все. И народ сразу заволновался, что это примета-то плохая. И предчувствие было такое, что ничего хорошего нас не ждет»⁶.

¹ Интервью с Владимиром Васильевичем, 1953 г.р., Тюмень. Записано в 2012 г.

² Интервью с Михаилом Петровичем, 1950 г.р., Тюмень. Записано в 2024 г.

³ Интервью с Леонидом Андреевичем, 1938 г.р., Тюмень. Записано в 2025 г.

⁴ Интервью с Татьяной Ивановной, 1956 г.р., Тюмень. Записано в 2011 г.

⁵ Интервью с Мариной Михайловной, 1964 г.р., Тюмень. Записано в 2024 г.

⁶ Интервью с Татьяной Александровной, 1952 г.р., Тюмень. Записано в 2024 г.

В приведенных нарративах передаются как личные, так и общественные настроения: чувство тревоги и перемен, опасения за завтрашний день. Прежде всего, это выражено в лексике, употребляемой рассказчицами для описания чувств и эмоций: «переживательно», «огорчились», «паника», «примета это плохая».

Вышеописанный способ представляет собой нарративный или семантический метод – совокупность приемов анализа лингвистических форм, позволяющий выявить отношение рассказчика к событиям, получить их оценку. Метод основан на положении, что посредством языка конструируется субъективная идентичность человека, проявляющаяся через значение слов, стиль, терминологию, фразеологию и другие лингвистические формы [12, с. 80]. Получение данных субъективного характера во многом связано со спецификой нарративов, полученных в ходе общения с опрашиваемыми. По наблюдениям ученых, устное повествование полно избыточных выражений и неоправданных отклонений; в нем много субъективного, эмоционального и гипотетического, часто используются одни и те же слова и образные выражения [20, р. 134].

В рамках нарративного метода также предполагается выявление скрытых значений, обнаруживающихся в самой речи. В этой связи идет обращение к интонации, междометиям, паузам, вздохам и другим эмоциональным признакам. К примеру, так опрашиваемая отвечает на вопрос о своих впечатлениях после знакомства с окружающей обстановкой в Тюмени: «(глубокий вздох) Ой, я же приехала с Украины. Там цветущие райские места. У нас всегда было чисто, никакой вот такой грязи, как здесь, вообще не было»⁷. Во фразах проявляется сравнение, противопоставление нового места жительства и края, где обитала рассказчица.

Частота употребления слов в нарративе имеет немалое значение. Например, так тюменка высказывается о своем знакомстве с сибирским краем: «Когда приехала сюда, я вообще в ужасе была. Во-первых, я ехала на поезде, и мы как Уральские горы переехали, тут эти леса, где ели растут такие могучие, они такие мрачные, дома вот эти деревянные, мрачные. На меня прямо тоска напала. А в Тюмень я приехала – я вообще затосковала. Так уж мне очень не понравилось здесь»⁸. Таким образом, слова, повторяющиеся в данном фрагменте, и передают настроения рассказчика: это «тоска» и «мрачность», становясь смысловыми доминантами высказывания.

Построение предложения также проявляет восприятие событий: «Мой отец, ему было 15 лет, его мать, отец, имели несколько детей. У них были там лошадь, корова, ну все хозяйство. И все. Ну какие вот они кулаки!»⁹. Последняя фраза, посредством своей структуры и восклицания показывает отношение рассказчицы, поведавшей историю раскулачивая своей семьи, оказавшейся в итоге на поселении.

Конструирование фраз передает наплыв эмоций, возникших при воспоминании о том или ином эпизоде. К примеру, одна из респонденток так отзывалась о своем первом замужестве: «Это чистая, так сказать... такая... потому что он... В четыре года, Лена у меня, мы разошлись... Поэтому, я сразу поняла, что бесполезно, никаких исправлений быть

⁷ Интервью с Татьяной Александровной, 1952 г.р., Тюмень. Записано в 2024 г.

⁸ Там же.

⁹ Интервью с Алевтиной Григорьевной, 1942 г.р., Тюмень. Записано в 2024 г.

не может... Зачем мне это все...»¹⁰. Приведенное изложение: отрывочное, с многочисленными паузами свидетельствует, что, даже спустя годы, респонденту тяжело погружаться в свои воспоминания, вызывающие эмоциональный отклик. Следовательно, они имеют большое значение для рассказчика, воспринимаются им драматично.

Таким образом, при нарративном методе лингвистическая интерпретация используется в качестве инструмента анализа, когда текстовая форма рассматривается как отражение представлений актора, транслирующего свою жизненную историю, а субъективность проявляется через лексику, манеру произношения и конструирования текста, а также смысловые доминанты – в нашем случае повторы, посредством которых респондент делает акцент на важном для него явлении или его характеристике. Особенностью данного метода является то, что анализ текстовых форм позволяет выявить контекст, скрытое значение высказывания, тем самым обратиться к эмоциям и чувствам, оценкам и мнениям нарратора, в том числе не транслируемым напрямую.

Большой потенциал для интерпретации и введения устных источников в научный оборот представляет реконструктивный или реконструктивный перекрестный способ анализа, заключающийся в том, что с помощью устных свидетельств, сочетающихся с другими видами источников, происходит выявление новых фактов, их подтверждение и детализация [5, с. 640], тем самым реконструируется восприятие событий или явлений.

Так, устные источники во многом помогают реконструировать картину восприятия горожанами Тюмени в 1964–1985 гг., в чем и проявляется их городская субъективность. С одной стороны, в сознании тюменцев город предстает как «грязный, заброшенный»¹¹ в силу недостаточного уровня благоустройства и развития комфортной городской среды, при описании которой почти каждый респондент употребил слово «грязь». Дело в том, что внутригородское пространство Тюмени в означенный период эволюционировало фрагментарно, замедленными темпами, что выражалось в недостаточном развитии социально-бытовой инфраструктуры, культурно-досуговой сферы и общественного транспорта [10, с. 56, 65], когда «автобусное сообщение было отвратительное, просто отвратительное»¹². С другой стороны, Тюмень воспринималась как динамичная и развивающаяся «нефтяная» столица: «Она начала строиться, возводиться. Как нефть открыли – деньги «поплыли». Уже, естественно, совсем по-другому было. Уже на город походил. Как Свердловск каменный, так и Тюмень начала...»¹³.

Кроме того, в сознании жителей город предстает перспективным в отношении трудоустройства и достойного заработка. Свидетельства респондентов подтверждают данные статистики и социологических исследований [10, с. 71, 72], демонстрирующие, что столица региона в 1964–1985 гг. привлекала жителей в силу появления новых организаций и предприятий, являясь центром Западно-Сибирского нефтегазового комплекса: «В Тюмень люди приезжали, чтобы заработать. Все, кто мало получал в средней полосе

¹⁰ Интервью с Тamarой Анатольевной, 1940 г.р., Тюмень. Записано в 2024 г.

¹¹ Интервью с Михаилом Петровичем, 1950 г.р., Тюмень. Записано в 2024 г.

¹² Интервью с Татьяной Александровной, 1952 г.р., Тюмень. Записано в 2024 г.

¹³ Интервью с Леонидом Андреевичем, 1938 г.р., Тюмень. Записано в 2025 г.

маленькие зарплаты, приезжали в Тюмень. Хорошие зарплаты были, хорошие специалисты, они оплачивались, и все было замечательно»¹⁴.

Продовольственный вопрос также мог стать фактором, побуждавшим сделать выбор места жительства в пользу «нефтяной столицы»: «Мы переехали в (19)69 наверное. То есть, когда у нас стало в Свердловске плохо с едой, я его уговорила, давай поедem в Тюмень. А в Свердловске мяса невозможно было купить, фруктов не было. А у нас в Тюмени апельсинов, мандаринов завались... Я уговорила Леню, мужа своего, переехать в Тюмень. Давай, поедem, там все-таки продукты в магазинах есть хорошие»¹⁵.

В ходе исследования нами были выявлены и внутренние факторы формирования городской субъективности, связанные с характеристиками личности и жизненным опытом. Данные материалы были получены как со страниц периодических изданий, так и при общении с респондентами. Так, восприятие городской среды определяли культурные запросы, сравнительные ассоциации, а также повышение уровня образования и материального благосостояния граждан [11, с. 181].

В отношении внутренних факторов весьма примечательны следующие воспоминания: «Вот был серый город в это время.... Вот тогда, наверное, не представляла другой. Странно, знаешь, почему – вот родилась в этом сером цвете, и он нормой стал. Я может, не осознавала, что надо чего-то менять. Я создала себе мир, в этом мире мне было комфортно, у меня интересные люди заменяли вот эту серость жизни. Для кого-то, для другого человека – он гуляет по городу и его это просто переворачивает, от того, что город серый, мрачный, никакой. Это правильно, это индивидуальность человека. Человек есть общественник, есть индивидуал. Вот для индивидуалов – они уже обращали: “Вот какая ерундень”. А для таких, как я, это заменялось тем, что вокруг меня были интересные люди. Из-за этого мне было абсолютно все равно – в сером я здании нахожусь или не в сером»¹⁶.

Приведенный нарратив иллюстрирует, как восприятие материальной действительности обуславливается внутренними установками и запросами, а также степенью их удовлетворения. Интересные занятия и круг общения определяли жизненное устройство рассказчицы, поэтому городская обстановка мало занимала сознание и не была ведущим фактором, формирующим картину мира.

В целом, городская субъективность тюменцев во многом проявлялась в противоречивом отношении к Тюмени. С одной стороны – это неблагоустроенный серый город, с другой – динамичный, развивающийся, ставший местом жизненных перспектив, где созданы условия для трудоустройства и материального благосостояния.

В результате, при использовании реконструктивного перекрестного анализа устные источники способствуют комплексному пониманию субъективности, вплетаясь в общую канву описания исторической действительности, дополняя и проясняя факты, тем самым открывая новые аспекты освещения проблемы.

Получению новых данных, уточнению информации способствует также цитатный метод, основанный на анализе совокупности высказываний. Так, материалы опросов

¹⁴ Интервью с Михаилом Петровичем, 1950 г.р., Тюмень. Записано в 2024 г.

¹⁵ Интервью с Алевтиной Григорьевной, 1942 г.р., Тюмень. Записано в 2024 г.

¹⁶ Интервью с Татьяной Ивановной, 1956 г.р., Тюмень. Записано в 2011 г.

помогают выявить «внутреннее наполнение» такого явления советской действительности, как демонстрация, традиционно проводившаяся в честь праздников 1 мая – День международной солидарности трудящихся и 7 ноября – День Великой Октябрьской революции.

Проводились демонстрации следующим образом: граждане, выстроившись в колонны на главной улице города, под музыку духового оркестра проносили транспаранты с лозунгами, флаги, воздушные шары, фотографии руководителей КПСС, героев Советского Союза и других видных деятелей. Колонны формировались по принципу принадлежности к тому или иному предприятию или организации, члены которой в обязательном порядке должны были участвовать в шествии, за редким исключением, например, по причине болезни. Причем мероприятие рассматривалось его участниками не просто как сугубо идеологическое или «обязаловка», когда «идти иной раз не хотелось, но надо было»¹⁷.

Устные источники предоставляют нам гамму чувств и восприятий, связанных с участием в демонстрациях, воспринимавшихся и как «святое дело»¹⁸, и как возможность провести время: «Ну интересно было, чего там, толпа собиралась побездельничать. Весело было»¹⁹. Это действо, закрепленное в сознании как традиция советской повседневности, сопровождалось ощущениями равенства и сплочения, подъема и радости, создавало возможности для общения и отдыха: «Все равно это внутри: труд, май, единение какое-то»²⁰; «Общее ликование. Все одинаково. Знали, что отдохнем, знали, что все пообщаемся, свободно, так сказать»²¹.

Таким образом, применение цитатного метода заключается в том, что полученные в ходе устных опросов нарративы способствуют воссозданию исторической реальности, освещению тех или иных сторон интересующего явления за счет как фактического, так и оценочного материала.

Полученные в ходе интервьюирования нарративы отражают восприятие широкого спектра исторических событий: от сугубо личных до общегосударственных, что определяет информативный потенциал устных источников, связанный с появлением новых сюжетов и проблемно-тематических полей. Оценочный, а также фактический материал, раскрывающий разнообразные аспекты интересующей темы, способствует ее более глубокому пониманию. В свою очередь, устные воспоминания содействуют изучению субъективности путем применения различных методов и способов анализа, что определяет их методологический потенциал.

Так, в рамках метода устной истории нами применялось глубинное целевое интервью, позволяющее получить подробные сведения на предмет восприятия и чувств респондента, его видения эпохи, когда он реконструирует свое прошлое на основе жизненного опыта, тем самым проявляя субъективность.

¹⁷ Интервью с Тamarой Александровной, 1946 г.р., Тюмень. Записано в 2025 г.

¹⁸ Интервью с Татьяной Александровной, 1952 г.р., Тюмень. Записано в 2024 г.

¹⁹ Интервью с Михаилом Петровичем, 1950 г.р., Тюмень. Записано в 2024 г.

²⁰ Интервью с Тamarой Александровной, 1946 г.р., Тюмень. Записано в 2025 г.

²¹ Интервью с Леонидом Андреевичем, 1938 г.р., Тюмень. Записано в 2025 г.

Методы и способ анализа устных источников, направленные на изучение оценки и восприятия событий или явлений, а также мироощущения и эмоций, с ним связанных, основаны на применении различного инструментария.

Нарративный метод основан на лингвистической интерпретации текста, осуществляемой с помощью анализа лексики, манеры произношения и конструирования фраз, выделении смысловых доминантов, что позволяет выявить эмоциональную оценку событий, а также настроения и переживания. Особенностью данного метода является то, что анализ текстовых форм помогает проследить контекст, скрытое значение высказывания, тем самым обратиться к чувствам, восприятиям и мнениям, в том числе не транслируемым респондентом напрямую.

Реконструктивный перекрестный способ анализа заключается в том, что с помощью устных свидетельств, сочетающихся с другими видами источников, происходит выявление новых фактов, их подтверждение и детализация, тем самым реконструируется восприятие событий или явлений, что предрасполагает к комплексному пониманию субъективности, в том числе позволяет обратиться к факторам, оказывающим влияние на ее формирование.

Наконец, цитатный метод основан на анализе совокупности высказываний, посвященных тому или иному вопросу, что способствует получению новой информации и ее уточнению, благодаря чему восприятие изучаемого явления освещается с новых сторон.

В итоге, исходя из потенциала реализации методов, направленных на анализ и введение нарративов в научный оборот, применение устных источников для изучения субъективности представляется весьма перспективным.

Литература

1. Артёменко Н.А. Устная история и проблема доступа к травматическому опыту // *Studia Culturae*. 2019. Вып. 2 (40). С. 128-138.
2. Бердинских В.А. Русское крестьянство и устная история // *Вопросы истории*. 2022. № 4 (1). С. 264-268.
3. Зарецкий Ю.П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. 2021. Т. 137. № 3. С. 184-199.
4. Корусенко С.Н., Щеглова Т.К. Историческая память в антропологии и устной истории // *Вестник Омского университета*. Серия «Исторические науки». 2023. № 4 (40). С. 196-200.
5. Попова О.Д. История повседневности через призму устной истории: возможности и проблемы // *Вестник Удмуртского университета*. Серия «История и филология». 2023. № 3. С. 639-645.
6. Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. Социально-культурное и семейно-бытовое пространство // *Вестник ВолГУ*. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30. № 1. С. 114-126.
7. Ростовцев Е.А. Российская наука об устной истории // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 522-545. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.213>
8. Рафикова С.А. Повседневные практики солидарности в нарративах сибирских горожан в послесталинский период // *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*. 2019. № 4 (41). С. 87-92.

9. Рафикова С.А. Живая история повседневности: сибирские горожане в 1960-е годы. Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2019. 484 с.
10. Федорова Д.А. Досуг жителей Тюмени: 1964–1985 годы: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2016. 250 с.
11. Федорова Д.А. Формирование городской субъективности тюменцев в 1964–1985 гг. (на примере досуговых практик) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 3 (90). С. 177-183. <https://doi.org/10.69571/SSPU.2024.90.3.024>.
12. Чернявская В.Е. Прошлое как текстовая реальность: методологические возможности лингвистического анализа исторического нарратива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3 (41). С. 76-87. <https://doi.org/10.17223/19986645/41/7>.
13. Щеглова Т.К. Материалы устной истории как исторический источник и поиски им места в научных классификациях российского источниковедения в XX–XXI столетиях // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2019. № 4 (41). С. 93-101.
14. Щеглова Т.К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 8-22.
15. Artemenko N.A. Oral History, Remembering Practices and the Problem of «Access» to the Traumatic Experience // Corpus Mundi. 2020. No. 4. pp. 14-33. <https://doi:10.46539/cmj.v1i4.30>.
16. Brown S.R. Subjectivity in the human sciences // The Psychological Record. 69. 2019. Pp. 565-579. <https://doi.org/10.1007/s40732-019-00354-5>.
17. J. Grele R. Movement without aim: methodological and theoretical problems in oral history // The oral history reader. Edited by R. Perks, A. Thomson. London, New York: Taylor & Francis e-Library, 2003. Pp. 38-49.
18. Lundberg A., Frascini N., Aliani R. What is subjectivity? Scholarly perspectives on the elephant in the room // Quality & Quantity. 57. 2023. Pp. 4509-4530. <https://doi.org/10.1007/s11135-022-01565-9>.
19. Pinsky A. Subjectivity after Stalin // Russian Studies in History. Vol. 58, nos. 2-3. 2019. Pp. 79-88. <https://doi.org/10.1080/10611983.2019.1727714>.
20. Thompson P. The voice of the past: oral history. Oxford: Oxford University Press, 1978. 257 p.

References

1. Artyomenko, N.A. (2019). Ustnaya istoriya i problema dostupa k travmaticheskomu opy`tu. *Studia Culturae*. Vy`p. 2 (40). S. 128-138. (In Russ).
2. Berdinskix, V.A. (2022). Russkoe krest`yanstvo i ustnaya istoriya. *Voprosy` istorii*. № 4 (1). S. 264-268. (In Russ).
3. Zareczkij, Yu.P. (2021). E`go-dokumenty` sovetskogo vremeni: terminy`, istoriografiya, metodologiya. *Neprikosnovenny`j zapas*. Debaty` o politike i kul`ture. T. 137. № 3. S. 184-199. (In Russ).
4. Korusenko, S.N., & Shheglova, T.K. (2023). Istoricheskaya pamyat` v antropologii i ustnoj istorii. *Vestnik Omskogo universiteta*. Seriya «Istoricheskie nauki». №4 (40). S. 196=200. (In Russ).
5. Popova, O.D. (2023). Istoriya povsednevnosti cherez prizmu ustnoj istorii: vozmozhnosti i problemy`. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. Seriya «Istoriya i filologiya». №3. S. 639=645. (In Russ).
6. Pushkareva, N.L., & Zhidchenko, A.V. (2025). Social`no-kul`turnoe i semejno-by`tovoe prostranstvo. *Vestnik VolGU*. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodny`e otnosheniya. T. 30. № 1. S. 114=126. (In Russ).

7. Rostovtsev, E.A. (2018). Rossijskaya nauka ob ustnoj istorii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. VOL. 63. No. 2. pp. 522-545. (In Russ). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.213>
8. Rafikova, S.A. (2019). Povsednevny`e praktiki solidarnosti v narrativax sibirskix gorozhan v poslestalinskij period. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. № 4(41). S. 87-92. (In Russ).
9. Rafikova, S.A. (2019). Zhivaya istoriya povsednevnosti: sibirskie gorozhane v 1960-e gody`. Krasnoyarsk: SibGU im. M.F. Reshetneva. 484 s. (In Russ).
10. Fedorova, D.A. (2016). Dosug zhitel'ej Tyumeni: 1964–1985 gody`: dis. ... kand. ist. nauk. Tyumen`, 250 p. (In Russ).
11. Fedorova, D.A. (2024). Formirovanie gorodskoj sub`ektivnosti tyumencev v 1964–1985 gg. (na primere dosugovy`x praktik). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 3(90). pp. 177-183. (In Russ). <https://doi.org/10.69571/SSPU.2024.90.3.024>
12. Chernyavskaya, V.E. (2016). Proshloe kak tekstovaya real`nost`: metodologicheskie vozmozhnosti lingvisticheskogo analiza istoricheskogo narrativa. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 3 (41). pp. 76-87. (In Russ). <https://doi.org/10.17223/19986645/41/7>.
13. Shcheglova, T.K. (2019). Materialy` ustnoj istorii kak istoricheskij istochnik i poiski im mesta v nauchny`x klassifikacijax rossijskogo istochnikovedeniya v XX–XXI stoletiyax. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 4 (41). pp. 93-101. (In Russ).
14. Shcheglova, T.K. (2020). Ustnaya istoriya v rossijskom istoriograficheskom prostranstve 1990–2010-x godov: vy`zovy`, dostizheniya i riski. *Istoricheskij kur`er*. № 5 (13). S. 8-22. (In Russ).
15. Artemenko, N.A. (2020). Oral History, Remembering Practices and the Problem of «Access» to the Traumatic Experience. *Corpus Mundi*. No. 4. pp. 14-33. <https://doi.org/10.46539/cmj.v1i4.30>.
16. Brown, S.R. (2019). Subjectivity in the human sciences. *The Psychological Record*. 69, pp. 565-579. <https://doi.org/10.1007/s40732-019-00354-5> (accessed 12.01.2025).
17. Grele, J.R. (2003). Movement without aim: methodological and theoretical problems in oral history. *The oral history reader*. Edited by R. Perks, A. Thomson. London, New York: Taylor & Francis e-Library. pp. 38-49.
18. Lundberg, A., Frascini, N., & Aliani, R. (2023). What is subjectivity? Scholarly perspectives on the elephant in the room. *Quality & Quantity*. 57. pp. 4509-4529. <https://doi.org/10.1007/s11135-022-01565-9> (accessed 12.01.2025).
19. Pinsky, A. (2019). Subjectivity after Stalin. *Russian Studies in History*. Vol. 58, nos. 2–3. pp. 79–88. <https://doi.org/10.1080/10611983.2019.1727714> (accessed 22.12.2024).
20. Thompson, P. (1978). The voice of the past: oral history. Oxford, Oxford University Press, 257 p.

дата поступления: 20.05.2025

дата принятия: 15.07.2025

© Федорова Д.А., 2025

**ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 2002–2014 гг. НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И
РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ (НА ПРИМЕРЕ ХМАО-ЮГРЫ)**

I.V. Frolov

**STATE LEGAL REGULATION OF THE ORGANIZATION OF ARCHAEOLOGICAL
RESEARCH IN 2002-2014. AT THE FEDERAL AND REGIONAL LEVELS (ON THE
EXAMPLE OF KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG-YUGRA)**

Аннотация. Автор ставит целью проследить как изменения государственно-правового регулирования археологических исследований 2002–2014 гг. повлияли на региональную систему охраны культурного наследия Югры. Исследование основано на текстах федеральных и региональных законов и подзаконных актов, которые регламентируют государственный учёт, охрану, изучение и популяризацию культурного наследия в целом и археологии в частности. В источниках исследования отражены основные положения культурной политики государства на федеральном и региональном уровнях в период с 2002 г. по 2014 г. Практика применения нормативных актов на территории округа приводится по научным публикациям. Ведущий метод исследования – сравнительно-исторический и контекстный анализ текстов нормативных источников и научных публикаций по теме исследования. В результате исследования автор делает вывод о негативном влиянии отмены в 2007 г. процедуры историко-культурной экспертизы на землях округа вследствие вступления в силу норм нового федерального законодательства. Это поставило под угрозу региональную систему государственной охраны культурного наследия. С одной стороны, региональный орган государственной охраны культурного наследия лишился одного из главных рычагов давления на предприятия, хозяйственная деятельность которых сопряжена с рисками повреждения (уничтожения) памятников истории и культуры. С другой стороны, профильные археологические организации, аккумулирующие региональные кадры и региональную материально-техническую базу полевых исследований, могли лишиться основных источников финансирования и прекратить существование в условиях рыночной экономики. Преодолеть этот кризис удалось благодаря сложившимся связям между региональным госорганом охраны культурного наследия, его авторитету, региональным археологическим

Abstract. The author aims to trace how the changes in the state legal regulation of archaeological research in 2002–2014 affected the regional system of cultural heritage protection in Yugra. The research is based on the texts of federal and regional laws and regulations that regulate state accounting, protection, study and popularization of cultural heritage in general and archeology in particular. The sources of the study reflect the main provisions of the cultural policy of the state at the federal and regional levels in the period from 2002 to 2014. The practice of applying regulations in the territory of the district is based on scientific publications. The leading research method is a comparative historical and contextual analysis of texts of normative sources and scientific publications on the research topic. As a result of the research, the author concludes that the cancellation of the procedure of historical and cultural expertise on the district's lands in 2007 was negatively influenced by the entry into force of the new federal legislation. This has jeopardized the regional system of State protection of cultural heritage. On the one hand, the regional body for the state protection of cultural heritage was deprived of one of the main levers of pressure on enterprises whose business activities involved risks of damage (destruction) of historical and cultural monuments. On the other hand, specialized archaeological organizations accumulating regional personnel and the regional logistical base of field research could lose their main sources of funding and cease to exist in a market economy. It was possible to overcome this crisis thanks to the established ties between the regional state agency for the protection of cultural heritage, its authority, regional archaeological enterprises and large oil-producing enterprises in the region. The

предприятиям и крупными нефтедобывающими предприятиями региона. Последние осознавали важность и экономическую целесообразность владения полной информацией о землях, в которые они инвестировали значительные средства. Автор считает введение в 2013–2014 гг. на федеральном уровне обязательной процедуры историко-культурной экспертизы земель, подлежащих хозяйственному освоению, прямым заимствованием федеральными законодателями. За основу корректировки федерального законодательства взят положительный опыт Ханты-Мансийского автономного округа в период 1995–2007 гг. Автор находит сходство регионального и федерального законодательства не только в заимствовании терминологии, но и копировании процедуры историко-культурной экспертизы.

Ключевые слова: историко-культурная экспертиза; Федеральный закон; Ханты-Мансийский автономный округ; Югра; археологические исследования.

Сведения об авторе: Фролов Иван Викторович, ORCID: 0000-0002-4220-0743, SPIN: 9809-7327, ООО «НПО «Северная археология-1», г. Нефтеюганск, Россия, arqueolog@mail.ru

latter realized the importance and economic feasibility of owning complete information about the lands in which they had invested heavily. The author considers the introduction of the mandatory procedure of historical and cultural expertise of lands subject to economic development by direct borrowing by federal legislators at the federal level in 2013–2014. The adjustment of federal legislation is based on the positive experience of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the period 1995–2007. The author finds similarities between regional and federal legislation not only in borrowing terminology, but also in copying the procedure of historical and cultural expertise.

Keywords: historical and cultural expertise; Federal Law; Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug; Yugra; archaeological research.

Сведения об авторе: Ivan V. Frolov, ORCID: 0000-0002-4220-0743, SPIN: 9809-7327, NPO Severnaya Archeologiya-1 LLC, Nefteyugansk, Russia, arqueolog@mail.ru

Фролов И.В. Государственно-правовое регулирование организации археологических исследований в 2002–2014 гг. на федеральном и региональном уровнях (на примере ХМАО-ЮГРЫ) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2025. №3(71). С. 93-104. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/09>

Frolov, I.V. (2025). State Legal Regulation of the Organization of Archaeological Research in 2002–2014. at the Federal and Regional Levels (on the Example of Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (3(71)), 93-104. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/09>

Со времени распада СССР прошло достаточно много времени, чтобы изменения в социально-экономической и государственно-правовых сферах современной России стали объектом исторического осмысления.

В 2025 г. исполняется 30 лет историко-культурной экспертизе на землях Ханты-Мансийского округа. На сегодня государственная историко-культурная экспертиза земель, отводимых под хозяйственное освоение, обязательная процедура на территории всех субъектов Российской Федерации. Тогда, 30 лет назад, сам термин «историко-культурная экспертиза» впервые появляется в законодательных актах округа и лишь в 2013 г. он заимствуется федеральным законодательством.

В этой связи актуальным становится вопрос о региональных особенностях Югры в деле регулирования организации сохранения историко-культурного наследия, включая объекты археологического наследия.

Рассматривая историю организации археологических исследований на территории округа, авторы чаще всего обращаются к результатам самих этих исследований. Вопросы взаимодействия общества и государства в части охраны культурного наследия, роль

профессионального гуманитарного сообщества остаются, как правило, за рамками публикаций [2; 7; 24; 25].

Вопросы становления, развития и трансформации институтов регулирования взаимоотношений государственных органов власти, учреждений, предприятий и общества в целом, попадают в фокус внимания исследователей значительно реже [1; 2; 18; 23; 24].

Цель исследования – проследить, как изменения государственно-правового регулирования археологических исследований 2002–2014 гг. повлияли на региональную систему охраны культурного наследия Югры.

Основу исследования составляют федеральные и региональные законы, подзаконные акты, которые регламентируют государственный учёт, охрану, изучение и популяризацию культурного наследия в целом и археологии, в частности. Нормативно-правовые документы закрепляют основные положения культурной политики государства в части сохранения объектов культурного наследия и отражают основные тенденции изменения культурной политики на федеральном и региональном уровнях [См.: 5; 6; 7; 12; 13; 14; 15; 17; 20; 21].

В исследовании используются проекты, программы, концепции по сохранению и использованию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [9; 16; 19].

Практика применения нормативных актов на территории округа прослеживалась по научным публикациям. Ведущий метод исследования – сравнительно-исторический и контекстный анализ текстов нормативных источников и научных публикаций по теме исследования.

Значительная часть объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) представляют собой недвижимое имущество: здания (памятники архитектуры) и земельные участки (памятники археологии, парки и т. д.), на которые распространяются отношения собственности. В советском законодательстве существовал приоритет государственной и коллективной собственности на памятники истории и культуры. Например, действовала норма, когда при продаже памятников истории и культуры государство имело преимущественное право его приобретения. При продаже памятников истории и культуры, находящихся в частной собственности, требовалось уведомить государственные органы охраны культурного наследия и предоставить государству первоочередное право выкупа [6].

В период Перестройки и экономических реформ 1990-х гг. общественная собственность уступила лидерство частной собственности, рыночные отношения вытеснили плановое регулирование экономики страны. Произошедшие социально-экономические сдвиги серьёзным образом затронули имущественные отношения, связанные с объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры). В 2002 г. вместо устаревшего закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», действовавшего с 1978 г., вступил в силу новый федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации». Он в большей степени отвечал новым общественно-экономическим отношениям, сложившимся в стране к началу 2000-х гг.

В законе 2002 г. указано, что «имущественные отношения, возникающие при сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, регулируются гражданским законодательством Российской Федерации». Несмотря на то, что закон сохраняет существенные ограничения на использование памятников истории и культуры, государственный приоритет имущественного права на объекты культурного наследия «уходит в прошлое». Пробелы в вопросах разграничения полномочий федеральных, региональных и местных органов власти в вопросах выявления, охраны и использования памятников истории и культуры потребовали внести ряд изменений и дополнений в первоначальную редакцию. Уже в 2003 г. была внесена поправка, согласно которой в перечень региональных объектов культурного наследия запрещалось вносить объекты культурного наследия, которые используются для федеральных нужд. Исключения составили объекты, предназначенные для предоставления общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования, дополнительного образования, а также предназначенных для организации досуга и обеспечения жителей услугами организаций культуры и подлежащих передаче в муниципальную собственность [20].

Прежний закон, 1978 г., оперировал понятием «памятники истории и культуры», для которых предусматривалось три статуса: всесоюзный (утратил значение в 1991 г.), всероссийский (республиканский) и местный. Закон 2002 г. вводит понятие «объекты культурного наследия», для которых создаётся более сложная правовая иерархия. Вводится статус «выявленный объект культурного наследия», на который временно распространяются все ограничительные меры, предусмотренные для памятников истории и культуры. Временный характер «выявленный объект культурного наследия» сохраняет до установления предмета охраны, границ территории и т. д., определения дальнейшего постоянного охранного статуса.

После определения предмета охраны, границ территории и др., выявленный объект культурного наследия приобретает один из трёх установленных законом статусов: памятник, ансамбль или достопримечательное место. Для каждого вида объекта культурного наследия законодательство устанавливает статус федерального, регионального или местного значения. Для многих памятников истории и культуры, известных к 2002 г., не только предмет охраны, но и границы территории не были утверждены. Юридическим казусом является отсутствие в профильном федеральном законе об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) упоминания объектов культурного наследия, включённых в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В более уязвимом положении оказались памятники археологии. В отличие от памятников архитектуры, объекты археологии скрыты под землёй, не всегда выражены в рельефе, в меньшей степени обладают атрактивностью. У памятников археологии, в отличие от памятников архитектуры сложнее определить границы территории, предмет охраны и, как следствие, сложнее обеспечить своевременное выявление, учёт и охрану. Обязанность вносить сведения о памятниках археологии в кадастр возникла значительно позже, чем для памятников архитектуры. Отсутствие в кадастровом учёте сведений об

обременениях, связанных с охраной культурного наследия, также усложняет сохранение объектов культурного наследия.

В первоначальной редакции федерального закона 2002 г. объектам археологического наследия уделялось мало внимания, что сохраняло правовой вакуум в вопросах регулирования их выявления, государственного учёта и охраны, использования. Объекты археологии – это земельные участки. Именно вопросы земельных отношений потребовали постоянное совершенствование законодательства в сфере охраны археологического наследия.

Коротким по времени, но значимым шагом в развитии системы государственного регулирования организации археологических исследований стал период существования Росохранкультуры с 2008 г. по 2011 год.

Росохранкультура – сокращённое наименование Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия. Помимо функций федерального надзорного органа, Росохранкультура была наделена полномочиями принимать нормативно-правовые подзаконные акты федерального уровня. Например, она получила права утверждать границы зон охраны объектов культурного наследия федерального значения, положение о едином государственном реестре объектов культурного наследия, требования к содержанию и формам отчетности по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия федерального значения региональными органами власти. Росохранкультура уравнила объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО с объектами культурного наследия федерального значения по линии государственного надзора за соблюдением обеспечения их сохранности [13].

С 1 января 2009 г. Росохранкультура была наделена правом устанавливать порядок выдачи разрешений (открытых листов) на право проведения работ на объектах археологического наследия. До этого времени выдачу открытых листов осуществлял исключительно Институт археологии РАН (далее – ИА РАН) [22].

ИА РАН не является государственным органом исполнительной власти, наделённым полномочиями надзора, фактически выполнял эти функции и в ограниченной форме продолжает выполнять до сих пор. ИА РАН продолжил разработку Положений о порядке проведения полевых археологических работ и составления отчётной документации, приём и рецензирование отчётов по результатам полевых археологических работ, проведённых на основании открытых листов, выданных Росохранкультурой. Для получения открытого листа заявитель обязан предоставить справку о принятии ИА РАН отчёта о ранее проведённых заявителем работ. Если ИА РАН отклоняет отчёт, археолог фактически лишается возможности получить новое разрешение (открытый лист) на полевые археологические работы [14].

Передача полномочий выдачи разрешений (открытых листов) на право проведения полевых археологических работ от академического института в ведение федеральной службы стало логичным и закономерным этапом строительства вертикали управления охраной культурного наследия.

В 2011 г. Российская Федерация ратифицировала Европейскую конвенцию «Об археологическом наследии». Новые международные правовые обязательства потребовали привести нормы федерального законодательства в соответствие с принятыми на себя международными обязательствами [5]. С этой целью в 2013 г. внесены изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии [21].

В 2011 г. ликвидирована Росохранкультура и полномочия по выдаче разрешений (открытых листов) на проведение полевых археологических работ переходят к Министерству культуры РФ. Одновременно сохраняется влияние ИА РАН не только на процедуру получения открытых листов, но и на порядок проведения полевых археологических работ, их методическую составляющую. Археологическое наследие по-прежнему занимает обособленное положение в вопросах методического регулирования содержания работ по обеспечению сохранности объектов культурного (археологического) наследия. Казус усиливается тем обстоятельством, что ИА РАН – это подведомственное учреждение Министерства науки и образования (совр. Министерство науки и высшего образования). То есть разрешение (открытый лист) выдаётся Министерством культуры РФ, а надзор за соблюдением методики сохранения объектов культурного (археологического) наследия осуществляется подведомственным Министерству науки и образования государственным учреждением.

В 2014 г. постановлением Правительства окончательно закрепляется монополия федеральных властей на выдачу разрешений (открытых листов) на проведение полевых археологических работ. Одновременно юридически закрепляется роль ИА РАН:

- ИА РАН направляет в Министерство культуры заключение с оценкой профессиональных знаний и навыков заявителя;
- сообщает сведения о принятии научного отчета о проведении заявителем археологических полевых работ на основании ранее выданных открытых листов;
- в случае получения заявителем открытого листа впервые прикладывается справка ИА РАН, подтверждающая непосредственное участие заявителя в проведении археологических полевых работ в составе археологической экспедиции, а также в подготовке научного отчета.

Министерство культуры Российской Федерации приобщает заключение ИА РАН к комплекту документов для принятия решения о выдаче либо об отказе в выдаче заявителю открытого листа [12].

Двойное межведомственное государственно-правовое регулирование организации археологических исследований на федеральном уровне с 2002 г. по 2014 г. из традиции, возникшей ещё в советское время, получило нормативно-правовое закрепление, трансформировалось особым институциональным образом. Эта модель межведомственного взаимодействия на федеральном уровне стала отличительной чертой российской государственной политики сохранения археологического наследия на постсоветском пространстве.

К 2002 г. региональный опыт Югры в вопросах охраны объектов археологического наследия во многом опередил федеральное законодательство. С 1995 г. на территории

Ханты-Мансийского округа действовало «Временное положение о проведении историко-культурной экспертизы». Историко-культурная экспертиза трактовалась как совокупность мероприятий с целью установления факта наличия, либо обоснования отсутствия объектов культурного наследия (недвижимых) на землях округа. Также историко-культурная экспертиза включала в себя разработку рекомендаций для обеспечения сохранности объектов культурного наследия в случае их выявления в ходе экспертизы [4].

Согласно нормам этого документа, историко-культурную экспертизу на территории округа имеют право проводить отдел по сохранению и использованию историко-культурного наследия округа. Также этот отдел получил право выдавать организациям, учреждениям, предприятиям и физическим лицам разрешения и лицензии на право проведения историко-культурной экспертизы на землях округа. На момент принятия Временного положения на территории Ханты-Мансийского автономного округа историко-культурная экспертиза существовала в границах отдельных районов: Советский, Нефтеюганском и Ханты-Мансийском и регламентировалась местными нормативно-правовыми актами. На территории этих районов историко-культурную экспертизу осуществляли специалисты таких организаций как свердловское предприятие АВ КОМ, Комитет историко-культурного наследия при Администрации Нефтеюганского районе и Отдел по сохранению и использованию историко-культурного наследия Управления культуры ХМАО [3; 4; 23; 24].

Новшеством 1995 г. стала централизация организации историко-культурной экспертизы земельных участков через выдачу разрешений и лицензирование со стороны окружного отдела по сохранению и использованию историко-культурного наследия и распространение процедуры историко-культурной экспертизы на всю территорию округа, а не отдельных его районов. Эта норма регионального законодательства привела к дублированию разрешений на проведение полевых археологических работ федерального уровня (открытые листы ИА РАН) региональным разрешением на проведение историко-культурной экспертизы земельных участков в форме археологической разведки.

С принятием нового федерального закона 2002 г. выдача разрешений региональным органом охраны культурного наследия утрачивает легитимность. В 2007 г. распоряжением Правительства Югры обязательная историко-культурная экспертиза на землях округа отменена [17].

С одной стороны, отмена обязательного археологического обследования земель, отводимых под хозяйственное освоение в Югре, поставила под вопрос существование региональной системы выявления, охраны и изучения памятников археологии. С другой стороны, создавала риски для хозяйствующих субъектов, так как они утрачивали инструмент получения достоверной информации о наличии, либо отсутствии объектов культурного наследия. Всё вместе это создавало угрозу возникновения конфликтной ситуации вследствие непреднамеренного повреждения (уничтожения) объектов культурного наследия (памятников истории и культуры).

По этой причине с 2007 г. был достигнут консенсус между крупными нефтедобывающими компаниями (Юганскнефтегаз, Сургутнефтегаз, Лукойл и др.) и профильными археологическими организациями о продолжении системных

археологических исследований на территории лицензионных участков. Это взаимодействие осуществлялось в рамках Гражданского кодекса РФ путём заключения двусторонних соглашений [10; 11].

В 2013 г. внесены изменения в федеральный закон 2002 года. В ходе поправок в закон введено понятие «историко-культурная экспертиза земельных участков, отводимых под хозяйственное освоение». Эта норма становится обязательной с 2014 г. на всей территории Российской Федерации и в основных своих положениях повторяет нормы, действовавшие на территории округа с 1995 г. по 2007 год.

Изменения государственно-правового регулирования археологических исследований на федеральном уровне 2002–2014 гг. серьёзным образом повлияли на региональную систему охраны культурного наследия Югры.

Негативным по своим последствиям стала отмена в 2007 г. процедуры историко-культурной экспертизы на землях округа. Это поставило под угрозу всю систему государственной охраны культурного наследия на региональном уровне. С одной стороны, региональный орган государственной охраны культурного наследия лишался одного из главных рычагов давления на предприятия, хозяйственная деятельность которых сопряжена с рисками повреждения (уничтожения) памятников истории и культуры. С другой стороны, профильные археологические организации, аккумулирующие региональные кадры и региональную материально-техническую базу полевых исследований, могли лишиться основных источников финансирования и прекратить существование в условиях рыночной экономики.

Преодолеть этот кризис удалось благодаря сложившимся связям между региональным госорганом охраны культурного наследия, региональным археологическим предприятием и крупными нефтедобывающими предприятиями региона. Последние осознавали важность и экономическую целесообразность владения полной информацией о землях, в которые они инвестировали значительные средства.

Между профильными региональными археологическими организациями и крупными нефтедобывающими компаниями заключались договора, в рамках которых принимались долгосрочные программы. В основу содержания этих программ легли положения отменённой историко-культурной экспертизы. Это позволило сохранить институт историко-культурной экспертизы на землях округа до введения этой нормы на федеральном уровне в 2014 году.

При внесении изменений в 2013 г. в федеральный закон 2002 г. законодатели учли положительный опыт Ханты-Мансийского автономного округа и заимствовали не только терминологию, но и процедуру историко-культурной экспертизы земель, подлежащих хозяйственному освоению. Помимо разрешения (открытого листа) на право проведения полевых археологических работ, процедура, закреплённая федеральным законом, предусматривает государственную аттестацию эксперта. Это напоминает выдачу разрешения на проведение историко-культурной экспертизы на землях округа региональным органом власти до её отмены в 2007 г.

Литература

1. Барсова гора: 110 лет археологических исследований / Под ред. А.Я. Труфанова, Ю.П. Чемякина. Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова гора», 2002. 224 с.
2. Барсова гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург: Уральское изд-во, 2008. 300 с.
3. Визгалов Г.П., Фролов И.В. Организация археологических исследований в Нефтеюганском районе ХМАО-Югры в условиях трансформации государственно-правового регулирования в 1992–2002 гг. // Вестник СурГПУ. 2022. № 5 (80). С. 187-195.
4. Временное положение о проведении историко-культурной экспертизы (на землях Ханты-Мансийского автономного округа) (Утверждено Распоряжением Администрации Ханты-Мансийского автономного округа от 30.03.1995 № 250-р). URL: <https://clck.ru/3P8mM7> (дата обращения 30.04.2025).
5. Европейская конвенция «Об археологическом наследии» (Ратифицирована Федеральным законом от 27.06.2011 № 163-ФЗ). URL: <https://clck.ru/3P8mKp> (дата обращения 30.04.2025).
6. Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 15.12.1978. URL: <https://clck.ru/3P8mJa> (дата обращения 30.04.2025).
7. Закон Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 29.06.2006 № 64-оз «О регулировании отдельных отношений в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия». URL: <https://clck.ru/3P8mFB> (дата обращения 30.04.2025).
8. Зайцева Е.А. Археологическая карта Сургутского Приобья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 199 с.
9. Информация по предотвращению силами органов местного самоуправления, правоохранительных органов и граждан несанкционированных археологических раскопок и разведок, торговли археологическими предметами на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: Четвёртая редакция / Сост. Я.А. Яковлев. Ханты-Мансийск: Служба государственной охраны ОКН ХМАО-Югры, 2014. 48 с.
10. Кондрашев А.Н., Яковлев Я.А., Дозморов А.С. О долгосрочных программах сохранения объектов археологического наследия, расположенных в зоне хозяйственной деятельности, как одной из форм культуросберегающей деятельности в ХМАО-Югре // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Томск; Ханты-Мансийск, 2010. Вып. 8. С. 4-20.
11. Кондрашев А.Н. Долгосрочные программы по сохранению объектов археологического наследия, реализуемые на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Том II. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 294.
12. Постановление Правительства РФ от 20.02.2014 г. № 127 «Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия». URL: <https://clck.ru/3P8mcE> (дата обращения 30.04.2025).
13. Постановление Правительства РФ от 29.05.2008 № 407 «О Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия». URL: <https://clck.ru/3P8mcp> (дата обращения 30.04.2025).
14. Положение о порядке выдачи разрешений (открытых листов) на право проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия (Утверждено Приказом Федеральной Службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны

культурного наследия от 03.02.2009 № 15). URL: <https://clck.ru/3P8mh6> (дата обращения 30.04.2025).

15. Положение о Службе государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа-Югры (Утверждено Постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 30.08.2012 № 309-п). URL: <https://clck.ru/3P8mtw> (дата обращения 30.04.2025).

16. Проект Концепции сохранения и использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Ханты-Мансийского автономного округа. URL: <https://cl203611.tmweb.ru/upload/deyatelnost/kontseptsii/kontseptsiya-sohraneniya-i-ispolzovaniya-okn.pdf> (дата обращения 30.04.2025).

17. Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского АО - Югры от 27 июля 2007 г. N 320-рп «О признании утратившим силу распоряжения Администрации Ханты-Мансийского автономного округа от 30.03.95 N 250-р». URL: https://base.garant.ru/18925991/#block_1 (дата обращения 30.04.2025).

18. Союрова А.В. Деятельность по сохранению археологического наследия Сургутского района ХМАО-Югры в последней трети XX века // Вестник СурГПУ. 2013. № 6 (27). С. 180-186.

19. Федеральная целевая программа «Культура России (2001-2005 годы)» (Утверждена Постановлением Правительства РФ от 14.12.2000 № 95). URL: <https://clck.ru/3P8mxV> (дата обращения 30.04.2025).

20. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации». URL: <https://clck.ru/3P8mzg> (дата обращения 30.04.2025).

21. Федеральный закон от 23.07.2013 N 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии». URL: <https://clck.ru/3P8n2j> (дата обращения 30.04.2025).

22. Фролов И.В. Сведения о выдаче открытых листов как источник изучения истории археологических исследований на территории ХМАО-Югра в новейшее время // Вестник СурГПУ. 2023. № 3 (84). С. 47-52.

23. Фролов И.В. Становление региональных институтов реализации государственной политики охраны культурного наследия в начале 1990-х гг. (на примере Ханты-Мансийского автономного округа) // Северный регион: наука, образование, культура. 2025. Т. 26, № 1. С. 40-49.

24. Фролов И.В. Формирование организационных структур и кадровое обеспечение археологических исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа в начале 1990-х гг. // История и современное мировоззрение. 2025. Т. 7. № 1. С. 185-192.

25. Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. Сургут, Омск: Омский дом печати, 2004. 208 с.

26. Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут, Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.

References

1. Barsova gora: 110 let arheologicheskikh issledovaniy (2002). Pod red. A.Ya. Trufanova, Yu.P. Chemyaki-na. Surgut: MU IKNCP «Barsova gora», 224 s. (in Russ.).

2. Barsova gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya. Ekaterinburg: Ural'skoe izd-vo, 2008. 300 s. (in Russian).

3. Vizgalov, G.P., & Frolov, I.V. (2022). Organizatsiya arheologicheskikh issledovaniy v Nefteyuganskom raj-one HMAO-Yugry v usloviyakh transformatsii gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya v 1992-2002 gg. *Vestnik SurGPU*. № 5 (80), S. 187-195 (in Russ.).

4. Vremennoe polozhenie o provedenii istoriko-kul'turnoj ekspertizy (na zemlyah Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga) (Utverzhdeno Rasporyazheniem Administratsii Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga ot 30.03.1995 № 250-r). URL: <https://clck.ru/3P8mM7> (in Russ., date of request 30.04.2025).

5. Evropejskaya konvenciya «Ob arheologicheskom nasledii» (Ratificirovana Federal'nym zakonom ot 27.06.2011 № 163-FZ). URL: <https://clck.ru/3P8mKp> (in Russ., date of request 30.04.2025).

6. Zakon RSFSR «Ob ohrane i ispol'zovanii pamyatnikov istorii i kul'tury» ot 15.12.1978. URL: <https://clck.ru/3P8mJa> (in Russ., date of request 30.04.2025).

7. Zakon Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga-Yugry ot 29.06.2006 № 64-oz «O regulirovanii otchel'nyh otnoshenij v oblasti sohraneniya, ispol'zovaniya, populyarizatsii i gosudarstvennoj ohrany ob'ektov kul'turnogo naslediya». URL: <https://clck.ru/3P8mFB> (in Russ., date of request 30.04.2025).

8. Zajceva, E.A. (2013). Arheologicheskaya karta Surgut'skogo Priob'ya. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 199 s. (in Russ.).

9. Informatsiya po predotvrashcheniyu silami organov mestnogo samoupravleniya, pravoohranitel'nyh organov i grazhdan nesankcionirovannyh arheologicheskikh raskopok i razvedok, trgovli arheologicheskimi predmetami na territorii Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry: Chetvyortaya redaktsiya. (2014). Sost. Ya.A. Yakovlev. Hanty-Mansijsk: Sluzhba gosudarstvennoj ohrany OKN HMAO-Yugry, 48 s. (in Russ.).

10. Kondrashev, A.N., Yakovlev, Ya.A., Dozmorov, A.S. (2010). O dolgosrochnykh programmah sohraneniya ob'ek-tov arheologicheskogo naslediya, raspolozhennyh v zone hozyajstvennoj deyatel'nosti, kak odnoj iz form kul'turosberegayushchej deyatel'nosti v HMAO-Yugre. *Hanty-Mansijskij avtonomnyj ok-rug v zerkale proshlogo: Sb. statej*. Tomsk; Hanty-Mansijsk, 2010. Vyp. 8. S. 4-20 (in Russ.).

11. Kondrashev, A.N. (2011). Dolgosrochnye programmy po sohraneniyu ob'ektov arheologicheskogo nasle-diya, realizuemye na territorii Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry. *Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda*. Tom II. SPb.; M.; Velikij Novgorod: IIMK RAN, S. 294 (in Russ.).

12. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20.02.2014 g. № 127 «Ob utverzhdenii Pravil vydachi, priostanovleniya i prekrashcheniya dejstviya razreshenij (otkrytyh listov) na provedenie rabot po vyyavleniyu i izucheniyu ob"ektov arheologicheskogo naslediya». URL: <https://clck.ru/3P8mcE> (in Russ., date of request 30.04.2025).

13. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29.05.2008 № 407 «O Federal'noj sluzhbe po nadzoru za soblyudeniem zakonodatel'stva v oblasti ohrany kul'turnogo naslediya». URL: <https://clck.ru/3P8mcn> (in Russ., date of request 30.04.2025).

14. Polozhenie o poryadke vydachi razreshenij (otkrytyh listov) na pravo provedeniya rabot po vyyavleniyu i izucheniyu ob"ektov arheologicheskogo naslediya (Utverzhdeno Prikazom Federal'-noj Sluzhby po nadzoru za soblyudeniem zakonodatel'stva v oblasti ohrany kul'turnogo nasle-diya ot 03.02.2009 № 15). URL: <https://clck.ru/3P8mh6> (in Russ., date of request 30.04.2025).

15. Polozhenie o Sluzhbe gosudarstvennoj ohrany ob"ektov kul'turnogo naslediya Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga-Yugry (Utverzhdeno Postanovleniem Pravitel'stva Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga-Yugry ot 30.08.2012 № 309-p). URL: <https://clck.ru/3P8mtw> (in Russ., date of request 30.04.2025).

16. Proekt Konceptcii sohraneniya i ispol'zovaniya ob"ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga. URL:

<https://cl203611.tmweb.ru/upload/deyatelnost/kontseptsii/kontsepsiya-sohraneniya-i-ispolzovaniya-okn.pdf> (in Russ., date of request 30.04.2025).

17. Rasporyazhenie Pravitel'stva Hanty-Mansijskogo AO - Yugry ot 27 iyulya 2007 g. N 320-rp «O priznanii utrativshim silu rasporyazheniya Administracii Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga ot 30.03.95 N 250-r». URL: <https://clck.ru/3P8mmt> (in Russ., date of request 30.04.2025).

18. Soyurova, A.V. (2013). Deyatel'nost' po sohraneniyu arheologicheskogo naslediya Surgutskogo rajona HMAO-Yugry v poslednej treti XX veka. *Vestnik SurGPU*. № 6 (27), S. 180-186. (in Russ.)

19. Federal'naya celevaya programma «Kul'tura Rossii (2001-2005 gody)» (Utverzhdena Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 14.12.2000 № 95). URL: <https://clck.ru/3P8mxV> (in Russ., date of request 30.04.2025).

20. Federal'nyj zakon ot 25.06.2002 № 73-FZ «Ob ob"ektah kul'turnogo naslediya (pamyatniki istorii i kul'tury) narodov Rossijskoj Federacii». URL: <https://clck.ru/3P8mzg> (in Russ., date of request 30.04.2025).

21. Federal'nyj zakon ot 23.07.2013 N 245-FZ «O vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti presecheniya nezakonnoj deyatel'nosti v oblasti ar-heologii». URL: <https://clck.ru/3P8n2j> (in Russ., date of request 30.04.2025).

22. Frolov, I.V. (2023). Svedeniya o vydache otkrytyh listov kak istochnik izucheniya istorii arheologicheskikh issledovanij na territorii HMAO-Yugra v novejshee vremya. *Vestnik SurGPU*. № 3 (84), S. 47-52 (in Russ.).

23. Frolov, I.V. (2025). Stanovlenie regional'nyh institutov realizacii gosudarstvennoj politiki ohrany kul'turnogo naslediya v nachale 1990-h gg. (na primere Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga). *Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. T. 26, № 1. S. 40-49 (in Russ.).

24. Frolov, I.V. (2025). Formirovanie organizacionnyh struktur i kadrovoe obespechenie arheologicheskikh issledovanij na territorii Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga v nachale 1990-h gg. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie*. T. 7. № 1. S. 185-192 (in Russ.).

25. Chemyakin, Yu.P., & Zykov, A.P. (2004). Barsova Gora: arheologicheskaya karta. Surgut, Omsk: Omskij dom pečati, 208 s. (in Russ.).

26. Chemyakin, Yu.P. (2008). Barsova Gora: Oчерki arheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost'. Surgut, Omsk: Omskij dom pečati, 224 s. (in Russ.).

дата поступления: 04.05.2025

дата принятия: 17.07.2025

© Фролов И.В., 2025

УДК 947.157

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/10>

Чуркин М.К., Чуркина Н.И.

СООБЩЕСТВО ПИОНЕРСКИХ ВОЖАТЫХ В РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (1922–1970 гг.)

М.К. Churkin, N.I. Churkina

THE COMMUNITY OF PIONEER COUNSELORS IN THE REPRESENTATIONS OF NORMATIVE DOCUMENTS AND PERIODICALS (1922–1970)

Аннотация. Создание в современной России массовой детской организации (Движение первых) актуализирует научный интерес исследователей к деятельности пионерской организации, в том числе, его вожатского корпуса. Признавая, что результаты воспитательной деятельности вожатых во-многом, определяли продуктивность пионерского воспитания, цель статьи состоит в выявлении особенностей институционализации сообщества пионерских вожатых в репрезентациях нормативных документов и периодической печати (1922–1970 гг.). Задачи определены в логике методологической программы исследования, которую составили идеи социального конструктивизма (Т. Бергер, П. Лукман), в рамках которой происходило: 1. рассмотрение процесса становления вожатского сообщества под воздействием социокультурных факторов; 2. описание его специфики и характерных черт (как объективной реальности); 3. выявление методов, способов и результатов влияния вожатского сообщества на личность, группу, общество. В качестве основных источников исследования выступали нормативные документы (постановления форумов комсомола) и материалы периодической печати. Сравнительный анализ этих материалов позволил выделить временные границы этапов и особенности институционализации профессионального сообщества пионерских вожатых: на первом этапе (1922–1935 г.) происходило оформление профессионального сообщества, состав вожатых был нестабильным, плохо подготовленным, слабо представляющим задачи, методы и средства воспитательной деятельности. На втором этапе (1936–1950 гг.) происходит быстрый количественный рост сообщества, складываются постоянные формы профессиональной подготовки. На третьем этапе (1950–1970 гг.) произошло признание значимости пионерских вожатых в воспитании детей и молодежи, они сложились как особая профессиональная группа (педагогическая и идеологическая), со своими площадками

Abstract. The creation of a mass children's organization in modern Russia, the Movement of the First, actualizes the scientific interest of researchers in the activities of pioneer organizations, including their leadership corps. Recognizing that the results of educational activities largely determined the effectiveness of pioneer education, this article aims to identify the features of institutionalization of communities of counselors within pioneer organizations as represented in normative documents and publications (1922–1970). These tasks are defined within the logic of a methodological research program based on the ideas of social constructivism (T. Berger and P. Luhmann), which includes: consideration of the formation process of leadership communities under the influence of socio-cultural factors; description of their specific features and characteristics as an objective reality; analysis of how these communities' function within the overall context of the organization. Identification of methods, methods and results of the influence of leadership community on individual, group and society. The main sources for research were regulatory documents (resolutions of Komsomol forums) and materials from periodical press. Comparative analysis of these materials allowed to identify time limits and features of stages of institutionalization of professional community of pioneering counselors. At first stage (1922–1935) professional community was formed with unstable, poorly-prepared, poorly aware of tasks, methods, and means of education. Second stage (1936–1950) saw rapid quantitative growth and constant professional training. At the third stage (1950–1970), the importance of pioneer counselors in the upbringing of children and youth was recognized. They developed as a special professional group (pedagogical and ideological) with their own professional communication platforms (congresses,

профессиональной коммуникации (съезды, слеты вожатых). Развитие данной темы может быть связано с изучением оформления этоса профессиональной группы, специфического языка и выявлением уникальных и типовых образов пионерских вожатых.

Ключевые слова: пионерские вожатые; советник по воспитанию; профессиональное сообщество; социальный конструктивизм; ВЛКСМ; пионерская организация.

Сведения об авторе: Чуркин Михаил Константинович, ORCID № 0000-0002-1122-0928, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», Российская Федерация, г. Омск proffchurkin@yandex.ru; Чуркина Наталья Ивановна, ORCID № 0000-0001-7722-2427, доктор педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», Российская Федерация, г. Омск, n_churkina@mail.ru

meetings of counselors). The development of this topic may be related to the study of the ethos of a professional group, a specific language, and the identification of unique and typical images of pioneer counselor.

Key words: pioneer counselors; educational counselor; professional community; social constructivism; Komsomol; pioneer organization.

About the authors: Mikhail K. Churkin ORCID: 0000-0002-1122-0928, Doctor of Historical Sciences, Professor, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia, proffchurkin@yandex.ru; Natalia I. Churkina ORCID: 0000-0001-7722-2427, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia, n_churkina@mail.ru

Чуркин М.К., Чуркина Н.И. Сообщество пионерских вожатых в репрезентациях нормативных документов и периодической печати (1922–1970 гг.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2025. №3(71). С. 105–119. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/10>

Churkin, M.K., & Churkina, N.I. (2025). The Community of Pioneer Counselors in the Representations of Normative Documents and Periodicals (1922–1970). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (3(71)), 105–119. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/10>

Введение новой должности советника директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными организациями ставит вопрос о круге должностных обязанностей, функций, профессиональных задачах, этических нормах деятельности данной категории лиц. Часть этих характеристик уже определены в нормативных документах, но большинство из них являются результатом процессов профессионализации (институционализации) сообщества. Как отмечают социологи, в результате этого происходит «увеличение властного, экономического и культурного ресурсов профессиональной группы» [19, с. 321]. Одной из профессиональных задач советника является координация деятельности детских организаций. В советской школе этим занимались пионерские вожатые, поэтому исследование процесса становления профессионального сообщества вожатых в 1922–1970 гг. позволит не только охарактеризовать новый исторический сюжет, но и выделить удачные практики, определить риски профессионализации созданной профессионально-педагогической группы.

В определении теоретико-методологических оснований исследования авторы руководствовались положением, согласно с которым профессиональные сообщества являются важной частью социальной структуры любого общества, они участвуют в публичных дискуссиях, выступают в роли экспертов, организуют взаимодействие между профессиональной группой и властными органами. Одним из способов понимания динамики становления общностей может быть изучение повседневности. Об этом пишут и

разработчики теории социального конструирования реальности П. Бергер и Т. Лукман. Повседневность за счет повторяемости и типизации участвует в институционализации явлений и процессов. В понятийный аппарат социального конструктивизма включены понятия: «повседневный мир», «язык повседневных встреч» (социальных взаимодействий); «типичные повседневные действия» и др. [6]. В социальном конструктивизме выделяется три стадии институционализации. В отношении предмета нашего исследования их можно трактовать следующим образом: на первой стадии происходит становление сообщества под влиянием социальных и культурных процессов; на второй стадии сообщество выступает как объективная реальность (часть социо-профессиональной структуры); на третьей стадии сообщество начинает активно влиять на человека, членов профессионального сообщества и общество в целом.

Заявленные теоретические рамки позволили определить цель статьи: выявление особенностей институционализации сообщества пионерских вожатых в репрезентациях нормативных документов и периодической печати (1922–1970 гг.). Верхнюю границу исследования задает год создания пионерской организации (1922 г.), нижняя граница (1970 г.) относится к завершению процесса институционализации сообщества. В качестве источников исследования выступают нормативные документы, регулирующие требования к вожатым, уровень и формы образования, направления деятельности, а для изучения повседневности будут использоваться средства массовой информации, которые, несомненно, являются частью повседневности, так как для них характерна повторяемость, массовость, скорость отражения событий и др. Для понимания специфики периодической печати советского периода, необходимо учитывать, что она строилась (особенно в первые годы) на ленинских принципах: классовости, партийности, марксистской идейности, народности и правдивости. Так как эти принципы часто входили в противоречие с реальностью, авторам текстов приходилось выбирать между идейностью и правдивостью, классовостью и народностью. Поэтому, анализируя периодическую печать, мы должны рассматривать эту информацию в научном и социокультурном контексте. Указанные исследовательские рамки определяют задачи статьи: раскрытие содержания процесса становления вожатского сообщества под воздействием социокультурных факторов; описание его специфики и характерных черт (как объективной реальности); выявление методов, способов и результатов влияния вожатского сообщества на личность, группу, общество.

Перспектива построения социалистического общества в крестьянской стране, поставили перед партией большевиков задачу воспитания нового человека. Одним из механизмов ее решения стали коммунистические организации молодежи (комсомол) и детей (пионерия). Авторитет скаутских организаций, интересные формы работы, их популярность у детей и молодежи, привели к тому, что именно эти организации послужили примером для создания пионерской организации (несмотря на то, что практически все ценности, идеалы и принципы деятельности, лежащие в основе скаутизма, вступали в противоречие с большевистской идеологией). Нарком здравоохранения Н.А. Семашко в интервью 1921 года назвал скаутских вожатых «передаточным механизмом между взрослой частью общества и самой молодежью. Это наиболее талантливые юноши и

девушки, быстро усваивающие “взрослые вещи” и передающие их на родном “молодежническом” языке массе молодежи» [21, с. 1]. Н.К. Крупская отметила еще одну важную черту вожатых: «при всей регламентированности организации, скаутские вожатые оставляют большое пространство для самостоятельности детей» [18, с. 35]. Отмеченные характеристики вожатского сообщества попытались сохранить в пионерской организации.

На V Всероссийском съезде РКСМ в докладе о детском движении были определены организационные рамки, структура и психолого-педагогические основы его деятельности. В постановлении съезда отмечалось, что «широкое развертывание нового движения возможно лишь при подготовке коммунистов-руководителей путем организации специальных курсов и введения членов РКСМ в практическую работу и жизнь» [1, с. 345].

Длительный характер институционализации профессионального сообщества вожатых определяло то обстоятельство, что также как и в скаутских организациях, основная часть пионерских вожатых работала на общественных началах, эта деятельность являлась комсомольским поручением. Поэтому стадии институционализации сообщества растянулись на десятки лет. На первом этапе (1922–1936 гг.) специфику профессиональной деятельности пионерских вожатых задавали объективные условия существования новой организации. Пионерские отряды создавались при заводах, фабриках, которые оказывали им материальную помощь. Отряды приписывались к комсомольским ячейкам, что упрощало задачу поиска вожатых пионерских отрядов, действовал принцип: «каждой ячейке – пионерский отряд!». В дальнейшем он трансформировался: «на каждого комсомольца – пионер!» [14, с. 47].

Результаты двухлетней работы пионерской организации были представлены в резолюции VI Всесоюзного съезда РЛКСМ 1924 года. Помимо роста авторитета и численности организации, в тексте можно обнаружить некоторые противоречия: сохранялась ориентация на внешкольный принцип формирования отрядов, указывалось, что «стремление слить работу пионеров со школьной работой в теперешних формах должно получить решительный отпор» [31]. Однако, поставленная партией задача – сделать детскую организацию массовой, привела к созданию форпостов в школе, которые объединяли пионеров разных отрядов. Районным отделом комсомола назначались руководители этих объединений, которые обязательно входили в школьный совет, участвовали в управлении. Кроме того, в резолюции съезда были определены правила единообразия (организационных форм, текстов, ритуалов, символов) всех региональных и национальных отделений, которые уже через несколько лет привели к бюрократизации и формализации работы организации.

На первом этапе отсутствовала эффективная система поиска подходящих вожатых для пионерских отрядов. Профессиональное сообщество было малочисленно, размыто и не стабильно. Поэтому в пропаганду вожатской профессии включились главные газеты страны. Образцовым вожатым становился близкий новой власти человек – идеологически (комсомолец) и социально (пролетарий). В газете «Правда» за 1925 год была опубликована статья о такой вожатой: «Работнице Киндигеевой 19 лет. Башкирка. Стройная, красивая девушка. Она работает стеклодувом. Прежде неграмотная, теперь читает и пишет, проводит беседы, слушает лекции. Пионеры крепко любят свою вожатую. Детям с ней интересно...»

[33, с. 3]. Главным методом воспитания становился пример (реальных и мифологических героев). И пионерский вожатый должен был не просто вовлекать детей в разные виды деятельности, но и сам становиться образцом приемлемого (культурного, социального, педагогического) поведения и деятельности.

Что должен был уметь хороший вожатый? Пионерские отряды в летний период устраивали палаточные лагеря в сельской местности, в которых не только отдыхали, но и работали: «Ждут от пионеров пропаганды сельскохозяйственного труда, новшеств. Вожатый отряда, проводя работу среди пионеров, обязан объединить и привлечь к помощи пионеротряду все культурные силы деревни: учителя, избача, делегатку, агронома, передовиков-крестьян, фельдшера и т. д.» [26, с. 5]. Т. е. пионерский вожатый сам должен был показывать пример культурного хозяйствования в деревне и уметь организовать все близкие советской власти силы. Вожатый способствовал вовлечению детей в социально-одобряемые виды деятельности, к такой деятельности относилась физическая культура, спорт: «Физическое воспитание, как и всякое другое воспитание в отряде, в звене, проводится вожатым, который руководит этой первичной ячейкой, и зависит от подготовки вожатого» [9, с. 1].

Несмотря на первоначальную установку, что главным для пионерского вожатого является идейность, уже в первое десятилетие профессиональной деятельности в СМИ стали писать о необходимости организации специальной подготовки вожатых: «Необходимо развернуть сеть полуторамесячных курсов для подготовки вожатых в городах и уездных центрах. Включить в учебный курс всех учебных заведений (комвузов, совпартшкол, педвузов и педтехникумов) курс по теории и практике пионерработы» [28, с. 3]. Учитывая важность физического воспитания пионеров, предлагали: «Там, где имеется возможность организовать вечерние курсы по подготовке вожатых, советы физкультуры должны для них выделить хороший преподавательский состав, обеспечив занятия курсов помещением и необходимым инвентарем» [9, с. 1].

На первом этапе необходимость обширного специального (педагогического) образования руководителями комсомола и самими вожатыми еще не осознавалась. В резолюции съезда комсомола 1926 года говорилось о двух крайностях в работе – пустая «трескотня» и отказ от ярких форм, «сухость». Работа часто проходит в форме беседы, происходит перенос в детскую организацию взрослых форм работы (собраний, конференций). Это подтверждает история Галины Михальчук. В 1930 году сотрудник редакции журнала «Вожатый» В. Усветов обратился в Запоблбюро ДКО ЮП об оказании помощи вожатой в получении направления на учебу в педтехникум или педвуз [12, Л. 33]. Руководство районного комитета комсомола не поддержало ее просьбу.

На необходимость специального образования указывали и пионерские вожатые. В 1931 году вожатые г. Рославля в коллективном обращении в обком ВЛКСМ писали: «Мы еще не умеем организовать разумный досуг пионеров, а это крайне важно» [13, Л. 65]. В обширном тексте письма отчетливо прослеживается главная мысль авторов – их не учат работать с детьми.

В условиях отсутствия специального образования у большинства вожатых, особую важность приобретали методические материалы. Они появились уже в первые годы работы.

Особенность этих текстов состоит в прямой и часто наивной пропаганде, которую пытались встроить во все виды деятельности. Например, в 1923 году вышла методичка по играм с пионерами в зимний период, которая включала такие игры как «Преследование», «Суд над революционером», «Бегство с каторги», «Фабриканты и рабочие» и др. [14, с. 32]. Кроме того, пионеры принимали участие во всех «взрослых» делах комсомола. В отчете Ярцевского райкома комсомола о работе с пионерами за август-сентябрь 1924 г. были перечислены виды деятельности пионерских отрядов, среди которых: читка газет, постановка спектаклей, выпуск стенных газет, антирелигиозная пропаганда среди семей пионеров, живая газета, прогулки-экскурсии, работа в деревне и др. [14, с. 43]. В отчете встречается еще одно направление работы вожатых – приобщение пионеров к гигиеническим нормам (коллективное мытье в бане). Т. е. пионерские вожатые являлись частью модернистского проекта, в результате которого аграрное общество должно было освоить новые культурные нормы. Психолого-педагогическое просвещение вожатых осуществлял журнал «Вожатый», созданный в 1924 году. В условиях дефицита методических материалов, он играл важную роль в деятельности вожатского сообщества [20].

Особенность текстов в средствах массовой информации в 1920–30 гг. была и в том, что они не только продвигали лучших вожатых и их практики, но обязательно указывали на проблемы вожатых, самые частые из них – социальный состав размыт, текучка, отсутствие желающих работать вожатыми. Такое положение было связано и с материальными проблемами. Е.А. Цыганкова приводит выдержки из писем в редакцию журнала «Вожатый», в которых вожатые писали о своем трудном материальном положении (журнал «Вожатый». 1926 № 18; № 20) [53]. Это подтверждают и архивные материалы [14].

Второй этап институционализации (1936–1950 гг.) для пионерских вожатых связан с переходом детской общественной организации на базу школ, что позволило значительно увеличить численность, как организации, так и сообщества вожатых. На X съезде ВЛКСМ (11–21 апреля 1936 года) было принято постановление «О работе комсомольских организаций в начальной и основной школе». Постановление не только зафиксировало в качестве нормы практику создания пионерских отрядов на базе школ, но и поставило в центр внимания пионерской работы борьбу за хорошую учебу, примерное поведение пионеров и школьников. В Постановлении признавалась нехватка пионерских вожатых во многих отрядах, предлагалось отбирать на эту работу: «передовых комсомольцев, знакомых с основами педагогики, любящих физкультуру, знающих литературу, технику и своим личным примером показывающих образцы поведения для детей» [34, с. 557]. С целью повышения профессионализма вожатых была поставлена задача создания постоянно действующих областных, краевых, республиканских школ для подготовки пионерских вожатых.

Приход на базу школ пионерской организации дал быстрый количественный рост. В выступлении С.Е. Захарова, второго секретаря ЦК ВЛКСМ на XVIII съезде партии (1939 г.) приводились данные о численности пионерской организации: «Если мы к XVII съезду партии насчитывали 154 414 пионерских отрядов, в которых было около 7 млн. пионеров, то к XVIII съезду партии мы уже имеем 350 402 пионерских отряда с количеством 11 млн.

пионеров» [4, с. 126]. Практически в каждом отряде был вожатый, поэтому можно легко посчитать армию вожатых в это время.

Как мы доказывали в своих работах, главным фактором оформления педагогического сообщества Западной Сибири стало профессиональное образование [36]. Этот вывод подтверждает и история пионерских вожатых. Именно на втором этапе происходит осознание необходимости специальной психолого-педагогической, систематической подготовки вожатых, выходят постановления, решения и многочисленные тексты в СМИ.

Первой и самой распространенной формой подготовки и повышения квалификации вожатых были семинары, но методика их проведения, например в Московской области, общественность не устраивала, что фиксировалось в региональной печати: «Основная форма работы с вожатыми – семинары, на которых разрешаются вопросы творческой работы отряда и звена, в большинстве случаев превращаются в обычные совещания по “накачке”. А семинары должны стать действительно школой, в которой вожатый получал бы дельные советы и квалифицированные указания. К проведению семинаров надо привлекать лучших пионерских работников и педагогов, надо широко развернуть обмен опытом, педагогическую пропаганду» [25, с. 1]. Сходные претензии были на Урале: «Существовавшая до сих пор практика учебы старших пионервожатых на семинарах при райкомах комсомола, превратилась в натаскивание вожатых на “очередные кампании” и не обеспечивает систематического повышения знаний и приобретения навыков, необходимых для работы с юными пионерами» [24, с. 3]. Несмотря на очевидные недостатки, семинары оставались наиболее популярной площадкой (самой простой в организации, массовой). На втором этапе сделали их работу постоянной. Например, в 1939 году было вынесено решение Смоленского обкома ВЛКСМ о проведении семинаров со старшими вожатыми городов два раза в месяц, с освобожденными вожатыми отрядов – один раз в месяц [14, с. 140].

Другой традиционной формой подготовки (более длительной по срокам) были школы вожатых, которые на втором этапе стали регулярным явлением. Еще в 1936 г. было принято решение о реорганизации постоянно действовавших областных краевых и республиканских школ старших вожатых в школы с годичным сроком обучения, о дополнительном открытии таких же школ в крупных городах. Несмотря на эти решения, серьезно улучшить ситуацию с кадрами вожатых не удавалось. Отсутствие педагогического образования, частая сменяемость вожатых приводили к поиску способов постоянной подготовки данной группы. В 1942 году вышло постановление ЦК ВЛКСМ о недостатках работы пионерской организации. ЦК предложил новую программу работы с вожатыми. Считалось, что вожатый должен быть примером, поэтому необходимы контроль и повседневная забота о них. В рамках выполнения данного постановления в разных городах прошли сборы вожатых. Как отмечалось в одной из статей: «В Омске прошли подготовку 99 вожатых, для них прочли лекции пропагандистов и ответственных партийных работников». И далее корреспондент пишет, что кроме сборов нужен повседневный обмен опытом [27, с. 3].

В 1944 году XII пленум ЦК ВЛКСМ еще раз постановил, что должны быть созданы постоянные школы для вожатых пионерских дружин без отрыва от работы. Были утверждены единые программы подготовки вожатых на всесоюзном и региональном уровне. В газете «Комсомольская правда» приводились данные, что осенью 1944 года по

единым программам прошли: «10-дневные сборы старших пионерских вожатых; до 15 октября должны начаться областные, республиканские и межреспубликанские школы по подготовке и переподготовке старших вожатых» [23, с. 1]. Кроме того, в газетах и на комсомольских форумах звучали предложения и обсуждались варианты подготовки старших вожатых в заочных и вечерних педагогических институтах и техникумах.

Недостаток систематической подготовки вожатых, организуемой в этот период, региональные СМИ предлагали минимизировать за счет самообразования. Корреспондент газеты даже приводил фамилии вожатых, которые «не занимаются над повышением своего политического уровня, не изучают военного дела, не занимаются физической культурой и спортом» [24, с. 3]. На самообразование пионерских вожатых был ориентирован специальный журнал «Вожатый». В журнале существовала специальная рубрика – «В помощь вожатому-новичку». Например, в номере 7–8 за 1939 год в этой рубрике были опубликованы три статьи: «Юные пионеры», «Об отрядных сборах» и «Совет отряда» [11]. Но в том же году руководитель московского комсомола критиковал журнал за то, что он «недостаточно освещает вопросы руководства пионервожатых коммунистическим воспитанием детей в связи с решениями XVIII съезда ВКП(б), мало им помогает в овладении искусством педагогики» [25, с. 1].

Как мы уже отмечали, на втором этапе институционализации профессиональное сообщество выступает как общность, оно занимает свое место в социальной структуре. Это подтверждает анализ средств массовой информации: в передовице газеты «Правда» от 20 июля 1939 года отмечалось: «тов. Жданов, выступая на чрезвычайном съезде КПСС, сказал, что в пионерском отряде вожатый является центральной фигурой коммунистического воспитания детей» [7, с. 3]. Такие слова о вожатом на уровне партийной верхушки, ставят вопрос: насколько рядовой вожатый соответствовал этому высокому званию?

В выступлении Жданова, кроме потенциальных воспитательных ресурсов вожатых высказывается критика. В выступлении речь шла о вожатых летних лагерей, но его слова относились и к пионерским вожатым: старшие вожатые и даже начальники (*лагерей*) являются людьми, не достигшими еще совершеннолетия; многие из пионервожатых – люди с недостаточной общеобразовательной, педагогической и политической подготовкой, поэтому «они часто не могут ответить на элементарные вопросы, возникающие у пионеров» [7, с. 3]. В статье лидера московского комсомола М. Пегова также высказывались претензии не только к вожатым, но и к комсомольским организациям: «на 1-м государственном подшипниковом заводе им. Л.М. Кагановича из выделенных комитетом ВЛКСМ 75 пионервожатых 23 в школах совершенно не работали. Вожатые заявляют, что им трудно работать, так как комитет комсомола не помогает. В Гайвороновской школе Московской области, в течение всего года не было вожатых отрядов. Сборные беседы в отрядах не проводились. Массово-политическая работа в школе поставлена неудовлетворительно. Однако Ленинский райком ВЛКСМ до последнего времени состоянием работы в школе не интересовался» [25, с. 1].

На сходные проблемы указывали авторы статей из разных регионов. Е.О. Колпакова, учитель Липецкой школы подтверждала нехватку вожатых и отсутствие внимания к этой проблеме со стороны региональных комсомольских организаций: «с начала учебного года

в школе №13 директор школы ищет вожатого, но ставка вожатого есть только в полной школе, поэтому надежда на комсомольцев-производственников». Таких вожатых должен искать городской комитет ВЛКСМ. Но как она отмечает: «Раньше горком комсомола решал вопросы пионерской работы в заседательском порядке. Это не давало нужных результатов. А вот после перестройки комсомольской работы горком ВЛКСМ неожиданно совсем перестал заниматься пионерской работой» [16, с. 2]. И. Андреев из Тулы в 1943 году писал о проблемах своего региона: «Указание ЦК комсомола о подборе, закреплении и обучении вожатых в Тульской области не выполнено. Именно в этом, прежде всего, надо искать причины крупнейших недостатков в работе пионерских дружин. Не ликвидирована текучесть кадров вожатых. Из 163 старших вожатых только 58 работают больше года. Оставляет желать много лучшего общеобразовательная и педагогическая подготовка вожатых. Среди них можно встретить людей, не пригодных к работе с детьми» [5, с. 4].

Авторы этих статей предлагали разные способы решения проблемы: идеологические: «немедленно укомплектовать кадры вожатых, воспитывая у комсомольцев сознание важности и ответственности порученного партией комсомолу дела воспитания детей. На работу вожатых надо посылать самых лучших, культурных комсомольцев, уважающих и любящих детей» [25, с. 1]. Методические: «нужно (*вожатых*) систематически готовить, вооружать методикой пионерской работы, учить пользоваться соответствующей литературой, контролировать их работу, распространять опыт лучших» [16, с. 2]. Управленческие: «Выступивший на совещании заведующий Тульским обкомом тов. Саванюк внёс предложение всем вожатым, не имеющим педагогического образования, поступить на заочное отделение пединститута или педучилища. Обком комсомола должен поддержать это предложение и помочь вожатым без отрыва от работы получить педагогическое образование» [5, с. 4].

Осознание важности повышения педагогической подготовки вожатых, ограниченность подходящих кадров в комсомольских организациях привели к тому, что вышли постановления о привлечении к этой деятельности учителей. В постановлении бюро ЦК ВЛКСМ от 15 сентября 1942 г. «О крупных недостатках в работе пионерских организаций и мерах по исправлению этих недостатков» отмечалось, что районные, городские и областные комитеты ВЛКСМ не обеспечивают руководство пионервожатыми. ЦК ВЛКСМ обязал комитеты комсомола разных уровней укрепить кадры вожатых за счет учителей и лучших комсомольских активистов. Еще одним способом решения кадровой проблемы в период войны предполагалось привлечение к ней участников войны: «Комсомольские организации должны широко привлечь для этого дела военные и спортивные организации, участников отечественной войны, ветеранов войны, словом, всех, кто способен помочь воспитанию пионеров в духе суровой военной идеологии» [17, с. 1].

В этом же постановлении определялись зоны ответственности вожатых и педагогов: «вожатых звеньев, членов штаба и начальника штаба отряда назначают пионервожатый отряда и классный руководитель. Директор школы вместе с комитетом ВЛКСМ первичной организации утверждает членов штаба и начальника штаба пионерской дружины» [17, с. 1]. Такой подход сделал директора школы участником и организатором пионерской и

комсомольской работы в школе. Газеты стали продвигать установку, что «плох тот директор школы, которого не волнует работа старшего вожатого» [23, с. 1].

Многочисленные постановления, разные формы подготовки и повышения квалификации не смогли серьезно повлиять на образовательный уровень кадрового состава вожатых. Л. Померанцева директор московской школы в статье летом 1945 года писала: «Большинство вожатых самоучки. Кто готовит кадры вожатых – никто. Они выпускники 7–8 классов, не обладают ни педагогической, ни общеобразовательной подготовкой, уступают старшеклассникам, не могут быть для них авторитетом». Незнание методики работы с пионерами, особенностей детской психологии, приводит к формализму в работе. И существующие формы подготовки кадров вожатых не решают проблемы. Автор предлагает: «создать отделения для подготовки вожатых в педагогических училищах. Для руководящих работников открыть отделения в педагогических институтах. Для уже работающих, обязать обучаться заочно, непрерывно повышать свою квалификацию» [29, с. 1].

Таким образом, результатом второго этапа институционализации профессионального сообщества стал его количественный рост, признание государством, обществом, педагогическим сообществом значимости этой деятельности и осознание необходимости специальной (психолого-педагогической) и систематической подготовки для успешной воспитательной работы. Ставшая устойчивой в регионах сеть семинаров, школ для вожатых создавали постоянную основу для коммуникации внутри сообщества, а развитие специальных средств массовой информации (прежде всего, журнала «Вожатый») создавало базу для оформления образа вожатого, его функционала, квалификационных характеристик и принципов деятельности.

На третьем этапе (1950–1970 гг.) профессиональное сообщество начинает влиять не только на пионеров, но и на советское общество. Сложившиеся на втором этапе характеристики сообщества, оказали разрушительное действие на воспитательные эффекты пионерской организации. Популярная установка времени – «не выносить сор из избы», приводила к тому, что газеты в значительной степени приукрашивали картину школьной повседневности, создавали миф о пионерской жизни. Исключение составляли статьи, которые иллюстрировали выводы нормативных документов, они критиковали то, что прозвучало на комсомольских и партийных форумах. В резолюции XII съезда ВЛКСМ «О руководстве пионерской работой» выделены проблемы пионерии, главной из которых был перенос в пионерскую организацию форм учебной работы. В газете «Вечерняя Москва» за 1954 год приводились выдержки из резолюции съезда, где, в частности, говорилось о том, что многие пионервожатые дают поручение вести контроль успеваемости, проверку домашних заданий; вошли в практику «предметные сборы», на которых изучают школьные темы [3]. Кроме того, в тексте выделялись и традиционные проблемы кадрового состава вожатых: частая сменяемость вожатых; отсутствие их в ряде школ; низкий уровень общеобразовательной подготовки.

Но предлагаемые в резолюции варианты решения проблем свелись к общим словам: «выделить лучших комсомольцев для работы вожатыми, руководителями кружков и секций. Для работы вожатыми должны подбираться комсомольцы политически грамотные,

умелые организаторы, любящие работу с детьми. Штатными вожатыми должны быть люди с педагогическим образованием» [34, с. 140]. Масштабы проблемы подтверждает единственный реальный механизм: для повышения авторитета старших вожатых, предлагали ввести значок, которым награждали проработавших в школе больше трех лет – «Лучшему пионерскому вожатому!». Т. е. стаж вожатого в три года был уникальным случаем.

Потерю связи с реальностью иллюстрирует резолюция XIV Съезда комсомола, проходившего в 1962 году. В разделе о работе комсомола в школе, нет упоминания об опыте коммунарского движения. А ведь именно в 1962 году оно получило всероссийскую известность и являлось оригинальной попыткой оживить пионерскую жизнь, погрузить детей и взрослых в настоящее, интересное, творческое дело. Тем не менее, уже в 1965 году всесоюзный эксперимент был завершен, коммунарские клубы перестали получать поддержку от органов ВЛКСМ. Анализ материалов съездов комсомола, пленумов ЦК ВЛКСМ, проходивших в 1962–1970 гг., показывает, что в резолюциях этих форумов содержание разделов о работе комсомола с пионерской организацией повторяется, содержит множество штампов, например таких: «необходимо настойчиво улучшать содержание, формы и методы пионерской работы». В них мало содержательной информации о работе вожатых.

Даже специальный Пленум ЦК ВЛКСМ 1967 г., центральным документом которого стало постановление «О дальнейшем улучшении деятельности ВЛКСМ по руководству Всесоюзной пионерской организацией им. В.И. Ленина», называя недостатки вожатского корпуса, использует формулы: «в ряде случаев», «иногда»: «До сих пор велика сменяемость кадров вожатых, в ряде случаев низка их общеобразовательный уровень и методическая квалификация» [34, с. 408]. Постановление предлагало продолжать подготовку вожатых через постоянные семинары и школы.

Отмеченные проблемы были озвучены на Всесоюзном съезде учителей (1968 г.). В выступлении старшей пионервожатой Т. Коноваловой из Новокуйбышевска Новосибирской области они были высказаны в форме просьбы: «Попросить министерство просвещения побольше внимания уделять подготовке вожатых. Ведь в годичных классах нельзя воспитать настоящего организатора пионерской работы. И методической литературы по работе с пионерами не хватает, пусть нам помогут!» [22, с. 5].

Подтверждением завершения институционализации сообщества стало появление собственных площадок профессиональной коммуникации пионерских вожатых. Публикации 1970-х гг. содержат информацию о разных слетах, съездах вожатых на уровне страны и регионов. Но эти слеты представлены в СМИ как праздничные мероприятия, информационный повод напомнить обществу об этой профессиональной группе. Например, в 1972 г. накануне 50-летнего юбилея пионерской организации прошел слет пионервожатых города Москвы. В небольшой заметке приводится численность вожатых: «в Москве 1200 старших и несколько тысяч отрядных вожатых» [8, с. 1]. В 1976 году прошел Первый Всесоюзный слет пионерских вожатых, в газете «Известия» традиционно отмечается, что вожатых в стране уже 120 000 человек [15, с. 2]. С приветственными докладами на съезде выступили министр просвещения СССР, было зачитано приветствие

Л.И. Брежнева, в котором вожатый назван «ребячьим комиссаром». Информационные тексты о съезде подтверждают возросший социальный статус вожатых: среди делегатов слета есть вожатые, удостоенные правительственных наград «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть». Отмечалось, что «почти все вожатые московских дружин имеют среднее или высшее педагогическое образование. Многие учатся» [32, с. 1].

Продолжался поиск интересных форм профессиональной подготовки. В газете «Вечерняя Москва» констатировалось, что в городском дворце пионеров и школьников начались занятия университета пионерских вожатых, в университете 15 факультетов. Он организован комсомолом, исследовательским институтом проблем воспитания АПН СССР и Высшей комсомольской школой при ЦК ВЛКСМ [10, с. 1]. Кроме того, для привлечения лучших комсомольцев к работе вожатыми в Москве проводили посвящение в вожатые, вожатым вручали комсомольские путевки [30, с. 1].

Проведенный ретроспективный анализ истории оформления профессионального сообщества пионерских вожатых показал, что в 1922–1970 гг. оно проходило процесс институционализации (профессионализации). В логике социального конструктивизма в этом процессе были выделены три этапа: на первом этапе (1922–1935 гг.) происходило оформление профессионального сообщества, состав вожатых был нестабильным, плохо подготовленным, слабо представляющим задачи, методы и средства воспитательной деятельности. На втором этапе (1936–1950 гг.) за счет окончательного закрепления пионерской организации в школе, происходил быстрый количественный рост сообщества, в его составе стало формироваться профессиональное ядро освобожденных вожатых, сложились и стали постоянными формы профессиональной подготовки (семинары, школы вожатых), расширились возможности для непрерывного профессионального роста и обмена эффективными практиками (активизация деятельности журнала «Вожатый», разработка методической литературы). На третьем этапе (1950–1970 гг.) произошло окончательное признание на уровне государства и общества значимости пионерских вожатых в воспитании детей и молодежи. Как особая профессиональная группа (педагогическая и идеологическая) она получила свои площадки профессиональной коммуникации (съезды, слеты вожатых), профессиональные знаки отличия и др. Раскрытие содержания процесса институционализации профессионального сообщества вожатых, с опорой на нормативные документы и материалы периодической печати, позволяет утверждать, что многие проблемы пионерской организации были детерминированы родовыми чертами вожатского сообщества (нестабильностью состава, промежуточным положением в педагогическом сообществе, недостаточной психолого-педагогической и методической подготовкой, постепенной бюрократизацией и формализацией деятельности).

Исследование выполнено в рамках государственного задания на 2025 год на выполнение прикладной научно-исследовательской работы по теме «Проектирование вариативных моделей подготовки советников директора по воспитанию в высшем и дополнительном образовании» (Дополнительное соглашение Минпросвещения России от 25.04. 2025 г. № 073-03-2025-053/1).

Литература

1. V Всероссийский съезд РКСМ. 11–19 октября 1922 года. Стенографический отчет. // Товарищ комсомол. 1918–1968: Док. съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. / Сост. В. Десятерик и др. Т. 1. 1918–1941. М.: Мол. гвардия, 1969, С. 84–85.
2. VII Всесоюзный съезд ВЛКСМ. 11–22 марта 1926 года. Из резолюции об очередных задачах детского коммунистического движения // ВЛКСМ в резолюциях его съездов и конференций. 1918–1928 гг. М.-Л., изд-во «Молодая гвардия», 1929, С. 263–270.
3. XII съезд ВЛКСМ // Вечерняя Москва. 1954. № 73. 26 марта. С. 1.
4. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–23 марта 1939 г. Стенографический отчет. Москва; Ленинград: ОГИЗ. Гос. изд-во полит. лит., 1939. 742 с.
5. Андреев И. Улучшить работу пионерских дружин // Комсомольская правда. 1943. № 277. 23 ноября. С. 4.
6. Бергер П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
7. Большевицкое воспитание советской детворы // Правда. 1939. № 199. 20 июля. С.3.
8. Взвейтесь кострами! // Вечерняя Москва. 1972 № 93. 20 апреля. С.1.
9. Внимание физическому воспитанию юных пионеров // Советский спорт. 1925. № 42. 18 октября. С.1.
10. Вожатые учатся // Вечерняя Москва. 1971. №241. 21 октября. С. 1.
11. Вожатый. 1939. №7-8. С. 45–64. URL: <https://fantlab.ru/edition353913>.
12. Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. Р-50. Оп. 1. Д.274. Л.33.
13. Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. Р-50. Оп. 1. Д. 487. Л. 65. Письмо пионервожатых г. Рославля в Западный обком ВЛКСМ. 14 апреля 1931 года.
14. Дети и молодежь Смоленщины: 1920–1930-е годы: Документы и материалы. Смоленск: Маджента, 2006. 527 с.
15. Иванова Е. У вожатых большой сбор // Известия. 1976. №117. 17 мая. С.2.
16. Колпакова Е.О. О пионерской работе в школах // Липецкая коммуна. 1941. № 72. 27 марта. С.2.
17. Коренным образом улучшить руководство пионерской работой // Комсомольская правда. 1942. № 225. 24 сентября. С.1.
18. Крупская Н.К. РКСМ и бойскаутизм. М: Изд-во «Красная новь», 1923. 55 с.
19. Марсиянова И.В., Краснопольская И.И., Чешкова А.Ф. Учительские сообщества: самоорганизация и влияние // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11 (3). С. 321–338.
20. Мухинова Н.А. Значение журнала «Вожатый» в деятельности пионерских работников Татарской республики в 1924–1926 гг. // Манускрипт. 2019. № 10. С. 67–71. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.12>
21. На новый путь. Из беседы с Н. Семашко. // Известия. 1921. № 207. 17 сентября. С.1.
22. Надежные руки. Доброе сердце. Светлый ум. // Известия. 1968. № 156. 5 июля. С. 5.
23. Неустанно воспитывать пионервожатых. // Комсомольская правда. 1944. № 233. 30 сентября. С.1.
24. О самостоятельной подготовке старших вожатых. // Красный уралец. 1941. № 49. 27 апреля. С.3.
25. Пегов М. Славная годовщина. К 15-летию присвоения имени В.И. Ленина. // Московский большевик. 1939. № 65. 23 мая. С.1.
26. Пионер на селе // Известия. 1925. № 143. 26 июня. С.5.

27. Повседневно учить пионерского вожатого // Комсомольская правда. 1943. №70. 25 марта. С.3.
28. Подготовка пионерработников // Правда. 1926. № 286. 10 декабря. С.3.
29. Померанцева Л. Педагогическая подготовка вожатых // Комсомольская правда. 1945. № 182. 4 августа. С.1.
30. Посвящение в пионерские вожатые // Вечерняя Москва. 1979. № 251. 1 ноября. С.1.
31. Резолюции и постановления VI Всесоюзного съезда ВЛКСМ // Товарищ комсомол. 1918–1968: Док. съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. / Сост. В. Десятерик и др. Т. 1. 1918–1941. М.: Мол. гвардия, 1969. 600 с.
32. Слет комиссаров пионерии // Вечерняя Москва. 1976. №114. 17 мая. С.1.
33. Софронов С. Мастер в юбке // Правда. 1925. №145. 28 июня. С. 3.
34. Товарищ комсомол. 1918–1968: Док. съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ / Сост. В. Десятерик и др. Т. 1. 1918–1941. М.: Мол. гвардия, 1969. 600 с.
35. Цыганкова Е.А. Становление работы с кадрами в 20-х годах XX века как необходимое условие развития пионерского движения // Вестник государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 69-77. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2023-12-2-69-77>
36. Чуркина Н.И. Становление педагогического образования в Западной Сибири (вторая половина XIX – 1919 год): автореф. дисс. докт. пед. наук, Омск. 2012, 40с.

References

1. V Vserossijskij s`ezd RKSM. 11–19 oktyabrya 1922 goda. Stenograficheskiy otchet. (1969) *Tovarishh komsomol*. 1918–1968: Dok. s`ezdov, konferencij i CzK VLKSM. / Sost. V. Desyaterik i dr. T. 1. 1918–1941. M.: Mol. gvardiya, 84–85. (in Russ.)
2. VII Vsesoyuzny`j s`ezd VLKSM. 11–22 marta 1926 goda. Iz rezolyucii ob ocheredny`x zadachax detskogo kommunisticheskogo dvizheniya (1929). *VLKSM v rezolyuciyax ego s`ezdov i konferencij*. 1918–1928 gg. M.-L., izd-vo «Molodaya gvardiya», 263–270. (in Russ.)
3. XII s`ezd VLKSM. (1954). *Vechernyaya Moskva*. (73). 26 marta. 1. (in Russ.)
4. XVIII s`ezd Vsesoyuznoj kommunisticheskoy partii (b). 10–23 marta 1939 g. Stenograficheskiy otchet. (1939) Moskva; Leningrad: OGIZ. Gos. izd-vo polit. lit., 742. (in Russ.)
5. Andreev, I. (1943). Uluchshit` rabotu pionerskix družhin. *Komsomol'skaya pravda*. (277). 23 noyabrya. 4. (in Russ.)
6. Berger, P., & Lukman, T. (1995). Social`noe konstruirovaniye real`nosti. Traktat po sociologii znaniya. M.: Medium, 323. (in Russ.)
7. Bol'shevizskoe vospitanie sovetskoj detvory` (1939). *Pravda*. (199). 20 iyulya. 3. (in Russ.)
8. Vzvejtse` kostrami! (1972). *Vechernyaya Moskva*. (93). 20 aprelya. 1. (in Russ.)
9. Vnimanie fizicheskomu vospitaniju yuny`x pionerov. (1925). *Sovetskij sport*. (42). 18 oktyabrya. 1. (in Russ.)
10. Vozhaty`e uchatsya. (1971). *Vechernyaya Moskva*. (241). 21 oktyabrya. 1. (in Russ.)
11. Vozhaty`j. (1939). (7–8). 45–64. URL: <https://fantlab.ru/edition353913>. (in Russ.)
12. Gosudarstvenny`j arxiv novejshej istorii Smolenskoj oblasti. F. R-50. Op. 1. D.274. L.33. (in Russ.)
13. Gosudarstvenny`j arxiv novejshej istorii Smolenskoj oblasti. F. R-50. Op. 1. D. 487. L. 65. Pis`mo pionervozhaty`x g. Roslavlya v Zapadny`j obkom VLKSM. 14 aprelya 1931 goda. (in Russ.)
14. Deti i molodezh` Smolenshhiny`: 1920–1930-e gody`: Dokumenty` i materialy`. (2006). Smolensk: Madzhenta, 527. (in Russ.) (in Russ.)
15. Ivanova, E. (1976). U vozhaty`x bol'shoj sbor. *Izvestiya*. (117). 17 maya. 2.
16. Kolpakova, E.O. (1941). O pionerskoj rabote v shkolax. *Lipeckaya kommuna*. (72). 27 marta. 2.

17. Korenny`m obrazom uluchshit` rukovodstvo pionerskoj rabotoj. (1942). *Komsomol'skaya pravda*. (225). 24 sentyabrya. 1. (in Russ.)
18. Krupskaya, N.K. (1923). RKSM i bojskautizm. M: Izd-vo «Krasnaya nov'», 55. (in Russ.)
19. Marsiyanova, I.V., Krasnopol'skaya, I.I., & Cheshkova, A.F. (2013). Uchitel'skie soobshhestva: samoorganizatsiya i vliyanie. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*. T. 11 (3). 321-338. (in Russ.)
20. Muxinova, N.A. (2019). Znachenie zhurnala «Vozhaty`j» v deyatel'nosti pionerskix rabotnikov Tatarskoj respubliki v 1924–1926 gg. *Manuskript*. (10). 67-71. (in Russ.)
21. Na novy`j put`. Iz besedy` s N.Semashko. (1921). *Izvestiya*. (207). 17 sentyabrya. 1. (in Russ.)
22. Nadezhny`e ruki. Dobroe serdce. Svetly`j um. (1968). *Izvestiya*. (156). 5 iyulya. 5. (in Russ.)
23. Neustanno vospityvat` pionervozhaty`x. (1944). *Komsomol'skaya pravda*. (233). 30 sentyabrya.1. (in Russ.)
24. O samostoyatel'noj podgotovke starshix vozhaty`x. (1941). *Krasny`j uralecz*. (49). 27 aprelya. 3. (in Russ.)
25. Pegov, M. (1939). Slavnaya godovshhina». K 15-letiyu prisvoeniya imeni V.I. Lenina. *Moskovskij bol'shevik*. (65). 23 maya. 1. (in Russ.)
26. Pioneer na sele. (1925). *Izvestiya*. (143). 26 iyunya. 5. (in Russ.)
27. Povsednevno uchit` pionerskogo vozhatogo. (1943). *Komsomol'skaya pravda*. (70). 25 marta. 3. (in Russ.)
28. Podgotovka pionerrabotnikov. (1926). *Pravda*. (286). 10 dekabrya. 3.
29. Pomeranceva, L. (1945). Pedagogicheskaya podgotovka vozhaty`x. *Komsomol'skaya pravda*. (182). 4 avgusta. 1. (in Russ.)
30. Posvyashhenie v pionerskie vozhaty`e. (1979). *Vechernyaya*. Moskva. 1979. (251). 1 noyabrya. 1. (in Russ.)
31. Rezolyucii i postanovleniya VI Vsesoyuznogo s`ezda RLKSM. (1969). *Tovarishh komsomol*. 1918–1968: Dok. s`ezdov, konferencij i CzK VLKSM. / Sost. V. Desyaterik i dr. T. 1. 1918–1941. M.: Mol. gvardiya, 600. (in Russ.)
32. Slet komissarov pionerii.(1976). *Vechernyaya Moskva*. (114). 17 maya. 1. (in Russ.)
33. Sofronov, S. (1925). Master v yubke. *Pravda*. (145). 28 iyunya. 3. (in Russ.)
34. Tovarishh komsomol. 1918–1968: Dok. s`ezdov, konferencij i CzK VLKSM. / Sost. V. Desyaterik i dr. T. 1. 1918–1941. (1969). M.: Mol. gvardiya, 600. (in Russ.)
35. Cygankova, E.A. (2023). Stanovlenie raboty` s kadrami v 20-x godax XX veka kak neobxodimoe uslovie razvitiya pionerskogo dvizheniya. *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. (2). 69-77. (in Russ.) <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2023-12-2-69-77>
36. Churkina N.I. (2012). Stanovlenie pedagogicheskogo obrazovaniya v Zapadnoj Sibiri (vtoraya polovina XIX – 1919 god): avtoref. diss. dokt. ped. nauk, Omsk. 40. (in Russ.)

дата поступления: 09.08.2025

дата принятия: 04.09.2025

© Чуркин М.К., Чуркина Н.И., 2025

УДК 94(470+571.11)(091)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/11>*Шевченко Н.Р., Шевченко И.В.*

ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ, 1960–1980 гг.)

N.R. Shevchenko, I.V. Shevchenko

PROTECTION OF PUBLIC ORDER AND COMBATING CRIME IN THE CONTEXT OF IDEOLOGICAL CONTROL: A REGIONAL ASPECT (ON THE EXAMPLE OF THE NOVOSIBIRSK REGION, 1960–1980)

Аннотация. В статье анализируются противоречия между официальной идеологической картиной и реальной криминогенной обстановкой в Новосибирской области 1960–1980 гг. Цель исследования – реконструкция исторической картины охраны общественного порядка и противодействия преступности в Новосибирской области в 1960–1980-е годы и выявление специфики формирования официальной картины правопорядка в условиях идеологического контроля позднесоветского периода. Задачи включали сравнительный анализ внутренних документов органов милиции с официальными отчетами в ЦК КПСС, количественную оценку динамики преступности и выявление структурных факторов правового неблагополучия. Методология построена на системном анализе региональной истории с применением контент-анализа и источниковедческой критики архивных материалов Государственного архива Новосибирской области. Установлен рост преступности в исследованном периоде (+27,8%), особенно возросла опасная преступность. Выявлены системные проблемы: детская безнадзорность, рецидивизм, коррупция в милиции, низкая раскрываемость тяжких преступлений. При этом официальные отчеты в ЦК КПСС представляли оптимистичную картину, игнорируя реальные проблемы. Исследование доказывает, что идеологический контроль приводил к системному искажению информации, препятствовавшему принятию адекватных решений. Попытки регионального руководства усилить милицию (ходатайства об увеличении численности милиции и создании УВД г. Новосибирска) были отклонены министерством внутренних дел СССР, что свидетельствует о разрыве понимания проблемы между союзными и региональными органами власти. Оригинальность работы заключается в использовании ранее неопубликованных архивных материалов и первом региональном анализе механизмов идеологического контроля в

Abstract. The article analyzes the contradictions between the official ideological picture and the real criminogenic situation in the Novosibirsk region of 1960–1980. The purpose of the study is to reconstruct the historical picture of public order protection and crime prevention in the Novosibirsk region in the 1960s and 1980s and to identify the specifics of the formation of the official picture of law and order in the conditions of ideological control of the late Soviet period. The tasks included a comparative analysis of internal documents of the police with official reports to the Central Committee of the CPSU, a quantitative assessment of crime dynamics and the identification of structural factors of legal disadvantage. The methodology is based on a systematic analysis of regional history using content analysis and source criticism of GANO archival materials. An increase in crime was found in the studied period (+27.8%), especially dangerous crime increased. Systemic problems have been identified: child neglect, recidivism, corruption in the police, low detection of serious crimes. At the same time, the official reports in the Central Committee of the CPSU presented an optimistic picture, ignoring the real problems. The study proves that ideological control led to a systemic distortion of information that prevented adequate decision-making. Attempts by the regional leadership to strengthen the police (petitions for an increase in the number of police and the creation of the Novosibirsk Department of Internal Affairs) were rejected by the USSR Ministry of Internal Affairs, which indicates a gap in understanding of the problem between the union and regional authorities. The originality of the work lies in the use of previously unpublished archival materials and the first regional analysis of the mechanisms of ideological control in the law

правоохранительной сфере. Практическая значимость – в применении результатов для анализа современных систем отчетности и рисков искажения информации. Перспективы исследования – расширение анализа на другие регионы Сибири и изучение эволюции правоохранительной системы в 1980-е годы.

Ключевые слова: преступность; охрана общественного порядка; идеологический контроль; правоохранительные органы; милиция; прокуратура; социалистическая законность; Новосибирская область; искажение информации; государственное управление.

Сведения об авторах: Шевченко Наталья Рудольфовна, ORCID: 0009-0005-0516-4877, Новосибирский государственный аграрный университет, г. Новосибирск, Россия, ms.natalia67@mail.ru; Шевченко Игорь Валентинович, ORCID: 0000-0003-0942-6684, кандидат юридических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия, shevchenko_55_75@mail.ru.

enforcement sphere. The practical significance lies in the application of the results to analyze modern reporting systems and the risks of information distortion. The prospects of the research are to expand the analysis to other regions of Siberia and study the evolution of the law enforcement system in the 1980s.

Keywords: crime; protection of public order; ideological control; law enforcement agencies; police; prosecutor's office; socialist legality; Novosibirsk region; information distortion; public administration.

About the authors: Natalia R. Shevchenko, ORCID: 0009-0005-0516-4877, Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia, ms.natalia67@mail.ru Igor V. Shevchenko, ORCID: 0000-0003-0942-6684, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia, shevchenko_55_75@mail.ru.

Шевченко Н.Р., Шевченко И.В. Охрана общественного порядка и противодействие преступности в условиях идеологического контроля: региональный аспект (на примере Новосибирской области, 1960–1980 гг.) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2025. №3(71). С. 120-133. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/11>

Shevchenko, N.R., & Shevchenko, I.V. (2025). Protection of Public Order and Combating Crime in the Context of Ideological Control: A Regional Aspect (on the Example of the Novosibirsk Region, 1960–1980). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (3(71)), 120-133. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/25-3/11>

Проблема обеспечения общественного порядка и эффективного противодействия преступности в советском обществе второй половины XX века остаётся одной из актуальных тем в отечественной историографии. В условиях идеологически обусловленной картины действительности вопросы правопорядка, как и любые другие аспекты социальной жизни, подвергались значительной конъюнктуре и цензуре. Официальная пропаганда последовательно транслировала образ стабильного, законопослушного и дисциплинированного советского общества, в котором преступность постепенно и неуклонно искореняется. Однако архивные документы, в том числе материалы региональных партийных и правоохранительных органов, свидетельствуют о существенном расхождении между этой идеологической риторикой и реальной криминогенной обстановкой.

Включение историографического аспекта позволяет глубже понять эволюцию научного осмысления проблем охраны общественного порядка и борьбы с преступностью в условиях идеологического контроля в отдельных регионах Советского Союза. На протяжении последних десятилетий исследователи по-разному подходили к анализу деятельности органов внутренних дел и их роли в обеспечении стабильности. В советский

период основное внимание уделялось позитивному освещению работы милиции, подчёркивалась её эффективность и близость к народу, что отражалось в официальных публикациях и вузовских учебных пособиях. Лишь с распадом СССР и открытием архивных фондов начался критический пересмотр этих представлений. Труды С.Ф. Зыбина [4], Е.А. Быковской [1], Р.Г. Нургалиева [8], В.И. Баяндина, В.А. Ильиных, С.А. Красильникова, И.С. Кузнецова [9], И.И. Карпец [5] и других историков заложили основу для изучения повседневной практики правоохранительных органов Новосибирской области, выявив противоречия между официальной пропагандой и реальной ситуацией. Особое значение приобрели региональные исследования, такие как работы по Сибири и Уралу, которые позволили выявить специфику реализации центральной политики на местах. В последние годы активизировались исследования, использующие методы социальной и культурной истории, что способствует пониманию не только институциональных механизмов, но и повседневного опыта сотрудников милиции, восприятия правопорядка населением, а также влияния идеологических установок на правоприменительную практику. Настоящая статья опирается на этот научный задел, дополняя его анализом архивных материалов по Новосибирской области и углубляя понимание региональной специфики противодействия преступности в 1960–1980-е годы.

Исследование регионального опыта борьбы с преступностью позволяет выявить специфику реализации центральных директив на местах, а также раскрыть механизмы, посредством которых искажалась информация о состоянии правопорядка. Новосибирская область, как один из крупнейших промышленных, научных и административных центров Сибири, представляет собой показательный объект для изучения. В 1960–1980-е годы в регионе активно реализовывались общесоюзные кампании по укреплению законности, создавались добровольные народные дружины, развивалась профилактическая работа с молодёжью, проводились специальные операции по пресечению хулиганства и пьянства. Вместе с тем, как свидетельствуют архивные источники, уровень преступности, особенно в городской среде, оставался высоким, отмечался рост тяжких и особо тяжких преступлений, рецидивной преступности, а также системные нарушения в работе самих правоохранительных органов.

Анализ докладных записок, справок и отчётов, адресованных в Центральный комитет КПСС и областной партийный актив, позволяет констатировать наличие устойчивой практики представления заведомо оптимистичной картины борьбы с преступностью, в то время как внутренние документы органов милиции, прокуратуры и КГБ фиксировали серьёзные проблемы: рост преступности, низкую раскрываемость, коррупцию и злоупотребления в рядах правоохранителей, слабую профилактическую работу, особенно в отношении несовершеннолетних, и широкое распространение правонарушений на бытовой почве.

Таким образом, изучение охраны общественного порядка в Новосибирской области в 1960–1980-е годы в контексте идеологического контроля открывает возможность не только воссоздать объективную картину криминогенной обстановки, но и проанализировать функционирование системы управления правопорядком в условиях тоталитарного режима,

где стремление к демонстрации успехов оказывало деструктивное влияние на реальную эффективность правоохранительной деятельности.

Выполняя постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. № 571 «О мерах по укреплению борьбы с преступностью» [10] партийные, советские, профсоюзные и комсомольские органы области проводили работу по широкому привлечению общественности к участию в охране общественного порядка и борьбе с преступностью, эти вопросы постоянно обсуждались на заседаниях бюро обкома, горкомов и райкомов партии, на сессиях и заседаниях исполкомов местных Советов, партийно-хозяйственных активах, рабочих собраниях, сходах граждан. Активно рассматривались вопросы о привлечении общественности к работе по укреплению правопорядка, о борьбе с хищениями, о состоянии преступности, об организации правовой пропаганды, о борьбе с пьянством, о работе с несовершеннолетними. Одним из важных моментов, на который обращали внимание все правоохранительные органы (милиция, прокуратура, КГБ, суды) были вопросы проводимой на предприятиях и организациях профилактической работы по укреплению правопорядка воспитательной направленности (требовательность к соблюдению дисциплины, создание нетерпимости вокруг лиц, нарушающих нормы социалистического общежития, воспитание молодежи в духе коммунистической морали и ответственности). Помимо этого, обращалось внимание на развитие наставничества, шефства.

В работе партийных и комсомольских организаций значительное место занимало воспитание гражданской ответственности, уважения к законам.

Широко использовались в борьбе с нарушениями правопорядка деятельность добровольных народных дружин, оперативных комсомольских отрядов, товарищеских судов, советов по профилактике, спортивных организаций и художественной самодеятельности.

Эффективной формой, обеспечивающей объединение усилий общественных и административных органов в профилактической работе по месту жительства, особенно по борьбе с пьянством, хулиганством и преступностью на бытовой почве, безнадзорностью и правонарушениями среди несовершеннолетних были опорные пункты общественности и милиции, создаваемые на территории жилищно-эксплуатационных контор и домоуправлений. Они обеспечивали взаимодействие общественности, администрации предприятий, культурно-просветительских учреждений при проведении воспитательной работы в жилом секторе. В среднем за две пятилетки (1966–1970 гг. и 1971–1975 гг.) на территории области функционировали 250 опорных пунктов, в том числе 55 в городе Новосибирск.

Однако существовали и отрицательные моменты. Так, секретарь Обкома КПСС В. Филатов (доклад в отдел организационно-партийной работы ЦК КПСС от 23 марта 1966 г. «Информация о состоянии борьбы с преступностью и нарушениями общественного порядка») отмечал, что в области количество преступлений в 1965 году в сравнении с 1964 годом снизилось в целом на 6,2% (616 преступлений). Уменьшилось число умышленных убийств, изнасилований, грабежей и разбоев, хищений государственного и общественного имущества, краж личной собственности граждан. Повысилась раскрываемость

преступлений на 6%. При этом кратко указано, что уровень преступности остается еще высоким, не уменьшается количество хулиганских проявлений, абсолютное большинство которых совершается в нетрезвом виде. Не снижается уровень детской преступности. Имеются факты необоснованных задержаний и арестов граждан и других нарушений законности [18].

В то же время начальник УООП Новосибирского Облисполкома комиссар милиции III ранга М.П. Юрков в докладной записке секретарю Новосибирского обкома КПСС тов. Филатову В.А. от 28 июля 1966 г. «Об основных итогах работы УООП по борьбе с уголовной преступностью и охране общественного порядка в г. Новосибирске и районах области за 1-е полугодие 1966 г.» отмечает, что «состоянии уголовной преступности в области вызывает серьезную тревогу. Опасная преступность в 1-м полугодии 1966 г. возросла на 6,5% (без учета хулиганств), увеличилось число убийств (на 31,5%), разбойных нападений (на 7,8%), грабежей (на 24,1%), краж личной собственности (на 6%). В 12 районах области и в 5 районах города преступность возросла [23].

Особое внимание в справке уделяется преступности несовершеннолетних: «высокий уровень преступности можно объяснить слабой воспитательной работой среди подростков в коллективах и в семьях. Большое количество учащихся общеобразовательных школ отсеивается в течение года, действенных мер к их немедленному трудоустройству не предпринимаются. Они оказываются предоставленными сами себе и от незначительных нарушений доходят до пьянства и совершения опасных преступлений. Так из 1001 несовершеннолетнего 424 или 42% совершили преступления в состоянии опьянения. 133 подростка в момент совершения преступления не учились и не работали».

Далее отмечается, что «одной из главных причин высокого уровня преступности продолжает оставаться пьянство и распушенность отдельных граждан. За истекшее полугодие только в Новосибирске в медвытрезвители было доставлено 20602 человека и в их числе 239 комсомольцев» [24].

В аналогичной докладной записке от 2 августа 1966 г. только уже о состоянии несовершеннолетней преступности М.П. Юрков говорит о том, что преступность несовершеннолетних и детская безнадзорность на территории Новосибирской области не сокращаются. За первое полугодие подростками 14–17-летнего возраста совершено 817 уголовных преступлений против 805 за 1 полугодие прошлого года. Почти половина несовершеннолетних (42,4%) совершили преступления в нетрезвом состоянии, 3 человека в состоянии наркотического опьянения.

Вновь выявлено и поставлено на учет 1273 безнадзорных, а всего состоит на учете в органах милиции 4330 склонных к совершению правонарушений детей, за которыми не обеспечен надлежащий надзор со стороны родителей и лиц, их заменяющих, причем число их продолжает расти. Борьба с детской преступностью в области осложняется из-за отсутствия специальной школы и спецпрофтехучилища. Не решается вопрос и по созданию спортивно-трудовых, военно-спортивных и туристических лагерей [25]. Аналогичные данные имеются и в других докладных записках М.П. Юркова.

Отрицательные моменты работы милиции также отражены в докладных записках начальника УООП Новосибирского Облисполкома А.С. Слонецкого [14].

Так указано, что начальники органов и подразделений милиции недостаточно полно занимаются вопросами кадровой политики; отдел кадров слабо предъявляет требовательность к начальникам органов и подразделений за состояние работы с кадрами на местах; работник аппарата правления, бывая в подразделениях, не всегда глубоко вникают в положение дел, не вскрывая имеющиеся недостатки, особенно в вопросах дисциплины и воспитания личного состава [18].

За нарушение социалистической законности и злоупотребление служебным положением освобожден от занимаемой должности начальник отдела службы Управления милиции города Новосибирска В.В. Храмов.

За бесконтрольность в работе, систематическое нарушение требований МООП СССР и Управления, что привело к многим фактам укрытия преступлений от учета, грубость в работе с подчиненными, освобожден от занимаемой должности начальник Бердского горотдела милиции Г.П. Коваленко.

За необеспечение руководства отделом милиции, развал воспитательной работы, низкую требовательность и бесконтрольность за работой подчиненных, в результате чего стало возможным формирование преступной группы в отделе, освобожден от занимаемой должности начальник Искитимского отдела милиции А.В. Козлов.

Освобождены от занимаемых должностей, как не обеспечившие выполнение возложенных обязанностей и уволены из органов милиции: заместитель начальника Искитимского горотдела милиции В.Т. Пятницын, начальник уголовного розыска Искитимского горотдела милиции Н.Н. Пяткевич и другие.

При этом изложены следующие положения (Информация о ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 года «О мерах по усилению борьбы с преступностью» в Новосибирской области от 29 марта 1968 г от секретаря обкома КПСС В.А. Филатова): уделяется большое внимание воспитательной работе среди молодежи; принимаются меры для дальнейшего укрепления социалистической законности и наведения общественного порядка; проводятся специальные сессии, где обсуждаются меры борьбы с хулиганством и преступностью; уделяется внимание охране народного достояния; рассматриваются конкретные меры по обеспечению сохранности социалистической собственности; устраняются причины и условия, способствующие преступности среди несовершеннолетних и детской безнадзорности; более тесными становятся взаимодействия работников суда, прокуратуры и милиции в проведении профилактической работы по предупреждению хулиганства; создаются необходимые условия для улучшения работы органов охраны общественного порядка, прокуратуры и суда [19].

Указанные положения также расходятся с данными, предоставленными прокурором области государственным советником юстиции 3 класса Н.П. Безрядиным секретарю Новосибирского обкома КПСС тов. В.А. Филатову.

Рост преступления зарегистрирован во всех районах г. Новосибирска, за исключением Октябрьского.

В сравнении с 1-м кварталом 1967 г. разбоев и грабежей зарегистрировано в г. Новосибирске в 1-м квартале 1968 г. больше на 100 случаев или почти в 2,5 раза.

Несмотря на распространенность грабежей и разбоев в г. Новосибирске в 1-м квартале 1968 г. и довольно значительный их рост, раскрываемость является крайне низкой и составляет лишь 75,3%; каждое десятое заявление и сообщение о грабеже и разбое, поступившее в отделы милиции, разрешено с нарушением сроков (3-х дней), предусмотренных ст. 109 УПК; в связи с тем, что отдельные сотрудники милиции не принимают своевременных и оперативных мер к привлечению преступников к законной ответственности, последние продолжают совершать преступления; обстановка безнаказанности создается и в результате необоснованного прекращения дел; многие дела, находящиеся в производстве следователей и направленные в суд о грабежах и разбоях, расследуются не оперативно и не качественно; следственными и прокурорскими работниками допускаются серьезные недостатки, состоящие в том, что опасные преступники своевременно не изолируются и продолжают совершать другие преступления. Из 200 человек, совершивших грабежи и разбои и привлеченных к уголовной ответственности, взято под стражу 138 человек, 41 человеку избрана подписка о невыезде и в отношении остальных 24 человек вопрос о мере пресечения еще не решался.

Серьезные недостатки имелись в работе органов милиции по предупреждению преступлений: из 203 человек, привлеченных к уголовной ответственности, 50 были ранее судимы, большинство из них за опасные преступления; плохо в городе организована патрульно-постовая служба. Не налажена должным образом работа добровольных народных дружин по охране общественного порядка.

Обращает на себя внимание справка для Новосибирского областного комитета КПСС, подготовленная заместителем начальника УООП по кадрам полковником милиции М. Резниковым от 4 апреля 1968 г., где говорится о несвоевременном подборе кадров, о слабой их изученности, о низкой политико-воспитательной работе, о том, что вновь принятые не всегда прикрепляются к опытным работникам. Стажировка оперативного состава уголовного розыска и БХСС проводится бессистемно. Серьезные упущения в индивидуальной воспитательной работе. Достаточно большое количество лиц наказывается в дисциплинарном порядке [12].

Преступность оставалась высокой. Отмечался постоянный рост преступлений, как против личности (умышленных убийств, тяжких телесных повреждений, изнасилований), так и имущественных (разбойных нападений, грабежей, краж государственного и общественного имущества). Среди участников преступлений возросло число лиц, ранее совершавших преступления (рецидив) (на 32,2%), неработающих (на 34,8%), находившихся в состоянии опьянения (на 16,8%).

Отмечалось, что в г. Новосибирск совершалось более 50% от общего числа преступлений, совершаемых в области (50,9%) [15]. В пределах 70% преступлений совершались в состоянии опьянения. Большое количество преступлений против личности совершалось в сфере бытовых отношений (2/3 убийств, каждое второе умышленное тяжкое телесное повреждение) [7; 16].

Приводим общее количество преступлений и правонарушений, совершенных в Новосибирской области в годы восьмой и девятой пятилетки (табл.)

Таблица

Динамика преступности в Новосибирской области (1966–1975 гг.)

Год	Общее количество преступлений и правонарушений	Изменение к предыдущему году (%)
1968	11 948	+0,2%
1969	14 046	+17,6%
1970	14 630	+4,2%
1971	15 438 [11]	+5,5%
1972	14 854 [17]	-3,8%
1973	15 096	+1,6%
1974	15 796 [13]	+4,6%
1975	16 386 [6]	+3,7%

Указывалось на характерные недостатки того времени по вопросам противодействия правонарушениям и преступлениям: недостаток оперативности, несвоевременное разрешение материалов и заявлений граждан, низкое качество и волокита при расследовании уголовных дел, необоснованное их прекращение и отказ в их возбуждении, факты нарушения социалистической законности, нетактичного поведения и невнимательного отношения к гражданам.

В вышеизложенном видятся серьезные разночтения сведений реальной обстановки и материалов документов, направляемых в ЦК КПСС, где все выглядело благополучно.

Как видно из документов периода 1974–1977 годов, милиция не в полной мере справлялась с возложенными на нее задачами, о чем в 1975 и 1977 году первым секретарем областного комитета КПСС и председателем исполкома областного Совета народных депутатов на имя министра внутренних дел Н.А. Щелокова были направлены письма с просьбой об увеличении штата органов внутренних дел области [2; 21] и создании УВД г. Новосибирска [3]. Частично штаты органов внутренних дел в эти годы по направлениям деятельности было увеличены, но просьба о создании УВД г. Новосибирск была отклонена в связи с тем, что создание городского управления «...вызовет дублирование и параллелизм в руководстве райорганами внутренних дел в городе, значительно увеличит численность управленческого аппарата и повысит расходы на его содержание» [22].

Таким образом мы наблюдаем, что реальная обстановка в борьбе с преступностью в Новосибирской области в период восьмой и девятой пятилеток (1966–1970 гг. и 1971–1975 гг.) не была «радужной», о чем свидетельствуют архивные данные. Однако в ЦК КПСС были совершенно другие показатели законности и правопорядка, относительно Новосибирской области.

Все это в значительной мере ослабляло деятельность правоохранительных органов в борьбе с преступностью и правонарушениями, т. к. искаженная информация, не позволяла расширить штат и оснащение сотрудников правоохранительных органов, в большинстве своем осуществляющих основную работу по противодействию противоправным проявлениям.

На основании анализа архивных документов, включая докладные записки руководства органов милиции и партийных органов управления, можно сделать следующие выводы:

1. Существовал системный разрыв между реальной криминогенной обстановкой и её официальным представлением.

2. Несмотря на доклады о снижении преступности и успехах в борьбе с правонарушениями, архивные данные свидетельствуют о стабильном росте числа преступлений: с 12 827 в 1966 году до 16 386 в 1975 году (+27,8%). Особенно возрастала опасная преступность – убийства, разбои, грабежи, что прямо противоречило оптимистичным отчётам, направляемым в ЦК КПСС.

3. Идеологический контроль приводил к искажению информации и подмене реальных показателей формальными отчётами.

4. Партийное руководство представляло в центральные инстанции ложную картину снижения преступности, в то время как внутренние доклады начальников УООП (М.П. Юрков, А.С. Слонецкий) констатировали тревожную обстановку, рост рецидивизма (+32,2%), пьянства и бытовой преступности. Такая практика была обусловлена стремлением избежать ответственности и продемонстрировать выполнение политических установок.

5. Ключевыми факторами роста преступности выступали пьянство, социальная дезадаптация молодёжи и слабая профилактическая работа.

6. Более 70% преступлений совершалось в состоянии алкогольного опьянения из них около 42,4% – несовершеннолетними. Отсутствие специализированных учебных заведений, трудовых ресурсов для школьников и организованных досуговых форматов способствовало детской безнадзорности (на учёте в милиции находилось более 4 300 детей).

7. Выявлены факты нарушений социалистической законности, коррупции, низкой раскрываемости тяжких преступлений (например, 75,3% по разбоям), а также укрытия преступлений от учёта. Ряд руководителей органов милиции были освобождены от должностей за бесконтрольность, развал воспитательной работы и формирование преступных групп в подразделениях.

8. Ограничения в управлении и нехватка ресурсов ослабляли эффективность борьбы с преступностью.

9. Попытки регионального руководства усилить правоохранные структуры (ходатайства о создании УВД г. Новосибирска и увеличении штатов) были частично отклонены центром, что свидетельствует о бюрократизации системы и игнорировании реальных потребностей региона.

Таким образом, анализ архивных документов Новосибирской области 1960–1980 гг. показывает, что механизм противодействия преступности в СССР функционировал в условиях доминирования идеологической конъюнктуры над реальностью, что приводило к системному искажению информации, ослаблению профилактики и снижению эффективности правоохранительной деятельности.

Данный случай подтверждает более общую закономерность позднего советского периода: стремление к демонстрации стабильности и успехов подавляло необходимость объективного анализа и реформирования правоохранительной системы.

Анализ архивных материалов также наглядно демонстрирует, что систематическое искажение информации о состоянии преступности и общественного порядка в интересах идеологической конъюнктуры имело не только локальные, но и стратегически разрушительные последствия для системы государственного управления. Представление в ЦК КПСС и центральные органы власти оптимистичной, а порой и прямо противоречащей действительности картины борьбы с преступностью приводило к формированию ошибочных управленческих решений, основанных на ложных данных.

Когда реальные проблемы – рост рецидивизма, массовое пьянство, коррупция в рядах милиции, детская безнадзорность – замалчивались или приукрашивались, центральные власти не видели необходимости в кардинальных мерах: увеличении штатов правоохранительных органов, выделении дополнительных ресурсов, проведении реформ профилактики и воспитательной работы. Даже обоснованные просьбы регионального руководства о создании УВД в Новосибирске и усилении кадрового состава были отклонены, поскольку общая картина, формируемая из регионов, не указывала на критическую ситуацию.

Таким образом, подмена реальности идеологической фикцией становилась не просто нарушением прозрачности, а прямой угрозой эффективности государственного управления. Исторический опыт Новосибирской области подтверждает: когда обратная связь между регионом и центром искажается, система теряет способность к адекватной реакции на социальные вызовы. Это приводит к накоплению кризисных явлений, которые в долгосрочной перспективе подрывают устойчивость правовой системы.

Урок истории очевиден: достоверность информации, открытость и критический анализ реального положения дел – неотъемлемые условия эффективного управления. Игнорирование реальности ради демонстрации успехов ведёт не к укреплению законности, а к её ослаблению, снижению доверия к институтам и, в конечном счёте, к системному кризису. Только на основе объективных данных возможна выработка адекватных мер по обеспечению общественной безопасности и профилактике преступности.

Литература

1. Быковская Е.А. Адвокатура Новосибирской области в 1920–1980-е годы; М-во путей сообщ. РФ. Сиб. гос. ун-т путей сообщ. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2003. 181 с.
2. Горячев Ф.С. (первый секретарь Новосибирского обкома КПСС), Филатов В.А. (председателем исполкома областного Совета народных депутатов). Письмо Щелокову Н.А. «О выделении дополнительной штатной численности милиции» от 7 апреля 1975 г. // Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 904. Л. 124.
3. Горячев Ф.С., Филатов В.А. Письмо Щелокову Н.А. «О создании УВД г. Новосибирск» от 1 ноября 1977 г. // ГАО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 962. Л. 195-196.
4. Зыбин С.Ф. Основные тенденции развития органов внутренних дел в 1960–1980 гг.: (историко-правовой аспект): монография; Санкт-Петербургская юридическая акад. Санкт-Петербург: НОУ СЮА, 2011. 115 с.
5. Карпец И.И. Сыск (Записки начальника уголовного розыска). Москва: Наука, 1994. 351 с.

6. Киреев П.Н. (начальник штаба УВД Новосибирского облисполкома). «Справка о результатах работы органов внутренних дел Новосибирской области за 1975 г. по сравнению с 1974 г.» от 9 января 1975 г. // ГАНО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 934. Л. 11.
7. Мельников М. (начальник отдела службы Новосибирского облисполкома). Справка по выполнению решения партии и правительства по усилению мер борьбы против пьянства и алкоголизма от 11 ноября 1974 г. // ГАНО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 872. Л. 207-216.
8. Министерство внутренних дел, 1902–2002: исторический очерк: [к 200-летию МВД] / под общ. ред. Р.Г. Нургалиева. Москва: Объединенная редакция МВД России, 2004. 647 с.
9. Наша малая Родина: Хрестоматия по истории Новосибирской области 1921–1991 / В.И. Баяндин, В.А. Ильиных, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов. Новосибирск: Экор, 1997. 767 с.
10. О мерах по укреплению борьбы с преступностью: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. № 571 // Правда. 1966. 27 июля.
11. О мерах по укреплению борьбы с преступностью: Справка о ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. // ГАНО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 806. Л. 73.
12. Резников М. (заместитель начальника УООП по кадрам полковник). Справка для Новосибирского областного комитета КПСС от 4 апреля 1968 г. // ГАНО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 677. Л. 96-103.
13. Слонецкий А.С. (начальник УВД Новосибирской области генерал-майор милиции). «О ходе выполнения Постановления бюро Новосибирского Обкома КПСС от 17 февраля 1967 г. «О недостатках в работе органов милиции» по вопросам работы с кадрами» по состоянию на 1 января 1968 г. Новосибирскому Областному комитету КПСС // ГАНО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 677. Л. 44-53.
14. Слонецкий А.С. В Новосибирский обком КПСС «Справка о результатах работы органов внутренних дел Новосибирской области за 1974 г. по сравнению с 1973 г. (справка является приложением к сведениям «О состоянии преступности в Новосибирской области за 1974 г.») от 9 января 1975 г. // ГАНО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 904. Л. 14.
15. Слонецкий А.С. В Новосибирский обком КПСС от 19 октября 1974 г. «О состоянии преступности в Новосибирской области» // ГАНО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 872. Л. 152.
16. Слонецкий А.С. Секретарю Новосибирского обкома КПСС Алферову М.С. от 5 января 1974 г. «Справка о состоянии преступности и безнадзорности несовершеннолетних на территории области и мерах по усилению воспитательной работы с подростками и молодежью» // ГАНО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 872. Л. 201.
17. Соколов Б.А. (и.о. начальника УООП Новосибирского облисполкома полковник милиции). В Новосибирский Обком КПСС «Приложение к докладной записке о работе УВД, его органов и подразделений по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в Новосибирской области за 1972 г.» от 17 января 1973 г. // ГАНО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 839. Л. 16.
18. Филатов В.А. Доклад в отдел организационно-партийной работы ЦК КПСС от 23 марта 1966 г. «Информация о состоянии борьбы с преступностью и нарушениями общественного порядка» // ГАНО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 632. Л. 7-12.
19. Филатов В.А. Информация о ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 года «О мерах по усилению борьбы с преступностью» в Новосибирской области от 29 марта 1968 г. // ГАНО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 677. Л. 54-59.
20. Филатов В.А. Информация о ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 года «О мерах по усилению борьбы с преступностью» в Новосибирской области от 29 марта 1968 г. // ГАНО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 677. Л. 58.

21. Щелоков Н.А. (министр внутренних дел СССР). Ответ Горячеву Ф.С. на письмо «О выделении дополнительной штатной численности милиции» от 4 января 1977 г. // ГАНО.Ф 4. Оп. 34. Д. 962. Л. 1.
22. Щелоков Н.А. Ответ Горячеву Ф.С. на письмо «О создании УВД г. Новосибирск» от 6 декабря 1977 г. // ГАНО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 962. Л. 197.
23. Юрков М.П. (начальник УООП Новосибирского облисполкома комиссар милиции 3 ранга). Докладная записка секретарю Новосибирского обкома КПСС Филатову В.А. от 28 июля 1966 г. «Об основных итогах работы УООП по борьбе с уголовной преступностью и охране общественного порядка в г. Новосибирске и районах области за 1-е полугодие 1966 г.» // ГАНО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 632. Л. 25-27.
24. Юрков М.П. Докладная записка секретарю Новосибирского обкома КПСС Филатову В.А. от 28 июля 1966 г. «Об основных итогах работы УООП по борьбе с уголовной преступностью и охране общественного порядка в г. Новосибирске и районах области за 1-е полугодие 1966 г.» // ГАНО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 632. Л. 28-29.
25. Юрков М.П. Докладная записка секретарю Новосибирского обкома КПСС Филатову В.А. от 2 августа 1966 г. «О состоянии несовершеннолетней преступности» // ГАНО. Ф.П. 4. Оп. 34. Д. 632. Л. 32-42.

References

1. By`kovskaya, E.A. (2003). *Advokatura Novosibirskoj oblasti v 1920–1980-e gody`*; M-vo putej soobshh. RF. Sib. gos. un-t putej soobshh. Novosibirsk: Izd-vo SGUPSa, 181 s.
2. Goryachev, F.S. (pervy`j sekretar` Novosibirskogo obkoma KPSS), & Filatov, V.A. (predsedatelem ispolkoma oblastnogo Soveta narodny`x deputatov). (1975). Pis`mo Shhelokovu N.A. «O vy`delenii dopolnitel`noj shtatnoj chislennosti milicii» ot 7 aprelya 1975 g. *Gosudarstvenny`j arxiv Novosibirskoj oblasti (GANO)*. F.P. 4. Op. 34. D. 904. L. 124.
3. Goryachev, F.S., & Filatov, V.A. Pis`mo Shhelokovu N.A. (1977). «O sozdani UVD g. Novosibirsk» ot 1 noyabrya 1977 g. *GANO*. F.P. 4. Op. 34. D. 962. L. 195-196.
4. Zy`bin, S.F. (2011). *Osnovny`e tendencii razvitiya organov vnutrennix del v 1960–1980 gg.: (istoriko-pravovoj aspekt): monografiya*; Sankt-Peterburgskaya yuridicheskaya akad. Sankt-Peterburg: NOU SYuA, 115 s.
5. Karpecz, I.I. (1994). *Sy`sk (Zapiski nachal`nika ugovnogo rozy`ska)*. Moskva: Nauka, 351 s.
6. Kireev, P.N. (nachal`nik shtaba UVD Novosibirskogo oblispolkoma). (1975). «Spravka o rezul`tatax raboty` organov vnutrennix del Novosibirskoj oblasti za 1975 g. po sravneniyu s 1974 g.» ot 9 yanvarya 1975 g. *GANO*. F.P. 4. Op. 34. D. 934. L. 11.
7. Mel`nikov, M. (nachal`nik otdela sluzhby` Novosibirskogo oblispolkoma). (1974). *Spravka po vy`polneniyu resheniya partii i pravitel`stva po usileniyu mer bor`by` protiv p`yanstva i alkogolizma ot 11 noyabrya 1974 g.* *GANO*. F.P. 4. Op. 34. D. 872. L. 207-216.
8. Ministerstvo vnutrennix del, 1902–2002: istoricheskij ocherk: [k 200-letiyu MVD] (2004). Pod obshh. red. R.G. Nurgalieva. Moskva: Ob`edinennaya redakciya MVD Rossii, 647 s.
9. Bayandin, V.I., Il`iny`x, V.A., Krasil`nikov, S.A., & Kuznecov, I.S. (1997). *Nasha malaya Rodina: Xrestomatiya po istorii Novosibirskoj oblasti 1921–1991*. Novosibirsk: E`kor, 1997. 767 s.
10. O merax po ukrepleniyu bor`by` s prestupnost`yu: postanovlenie CzK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 23 iyulya 1966 g. № 571. (1966). *Pravda*. 1966. 27 iyulya.

11. O merax po ukrepleniyu bor`by` s prestupnost`yu: Spravka o xode vy`polneniya postanovleniya CzK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 23 iyulya 1966 g. *GANO. F.P. 4. Op. 34. D. 806. L. 73.*
12. Reznikov, M. (zamestitel` nachal`nika UOOP po kadram polkovnik) Spravka dlya Novosibirskogo oblastnogo komiteta KPSS ot 4 aprelya 1968 g. *GANO. F.P. 4. Op. 34. D. 677. L. 96-103.*
13. Sloneczkij, A.S. (nachal`nik UVD Novosibirskoj oblasti general-major milicii). (1968). «O xode vy`polneniya Postanovleniya byuro Novosibirskogo Obkoma KPSS ot 17 fevralya 1967 g. «O nedostatkax v rabote organov milicii» po voprosam raboty` s kadrami» po sostoyaniyu na 1 yanvarya 1968 g. Novosibirskomu Oblastnomu komitetu KPSS. *GANO. F.P. 4. Op. 34. D. 677. L. 44-53.*
14. Sloneczkij, A.S. (1975). V Novosibirskij obkom KPSS «Spravka o rezul'tatax raboty` organov vnutrennix del Novosibirskoj oblasti za 1974 g. po sravneniyu s 1973 g. (spravka yavlyaetsya prilozheniem k svedeniyam «O sostoyanii prestupnosti v Novosibirskoj oblasti za 1974 g.») ot 9 yanvarya 1975 g. *GANO. F.P. 4. Op. 34. D. 904. L. 14.*
15. Sloneczkij, A.S. (1974). V Novosibirskij obkom KPSS ot 19 oktyabrya 1974 g. «O sostoyanii prestupnosti v Novosibirskoj oblasti»). *GANO. F.P. 4. Op. 34. D. 872. L. 152.*
16. Sloneczkij, A.S. (1974). Sekretaryu Novosibirskogo obkoma KPSS Alferovu M.S. ot 5 yanvarya 1974 g. «Spravka o sostoyanii prestupnosti i beznadzornosti nesovershennoletnix na territorii oblasti i merax po usileniyu vospitatel`noj raboty` s podrostkami i molodezh`yu». *GANO. F.P. 4. Op. 34. D. 872. L. 201.*
17. Sokolov, B.A. (i.o. nachal`nika UOOP Novosibirskogo oblispolkoma polkovnik milicii). (1973). V Novosibirskij Obkom KPSS «Prilozhenie k dokladnoj zapiske o rabote UVD, ego organov i podrazdelenij po bor`be s prestupnost`yu i ohrane obshhestvennogo poryadka v Novosibirskoj oblasti za 1972 g.» ot 17 yanvarya 1973 g. *GANO. F.P. 4. Op. 34. D. 839. L. 16.*
18. Filatov, V.A. (1966). Doklad v otдел organizacionno-partijnoj raboty` CzK KPSS ot 23 marta 1966 g. «Informaciya o sostoyanii bor`by` s prestupnost`yu i narusheniyami obshhestvennogo poryadka». *GANO. F.P. 4. Op. 34. D. 632. L. 7-12.*
19. Filatov, V.A. (1968). Informaciya o xode vy`polneniya postanovleniya CzK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 23 iyulya 1966 goda «O merax po usileniyu bor`by` s prestupnost`yu» v Novosibirskoj oblasti ot 29 marta 1968 g. *GANO. F.P. 4. Op. 34. D. 677. L. 54-59.*
20. Filatov, V.A. (1968). Informaciya o xode vy`polneniya postanovleniya CzK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 23 iyulya 1966 goda «O merax po usileniyu bor`by` s prestupnost`yu» v Novosibirskoj oblasti ot 29 marta 1968 g. *GANO. F.P. 4. Op. 34. D. 677. L. 58.*
21. Shhelokov, N.A. (ministr vnutrennix del SSSR). (1977). Otvet Goryachevu F.S. na pis`mo «O vy`delenii dopolnitel`noj shtatnoj chislennosti milicii» ot 4 yanvarya 1977 g. *GANO. F.P. 4. Op. 34. D. 962. L. 1.*
22. Shhelokov, N.A. (1977). Otvet Goryachevu F.S. na pis`mo «O sozdanii UVD g. Novosibirsk» ot 6 dekabrya 1977 g. *GANO. F.P. 4. Op. 34. D. 962. L. 197.*
23. Yurkov, M.P. (nachal`nik UOOP Novosibirskogo oblispolkoma komissar milicii 3 ranga). (1966). Dokladnaya zapiska sekretaryu Novosibirskogo obkoma KPSS Filatovu V.A. ot 28 iyulya 1966 g. «Ob osnovny`x itogax raboty` UOOP po bor`be s ugovnoy prestupnost`yu i ohrane obshhestvennogo poryadka v g. Novosibirske i rajonax oblasti za 1-e polugodie 1966 g.». *GANO. F.P. 4. Op. 34. D. 632. L. 25-27.*
24. Yurkov, M.P. (1966). Dokladnaya zapiska sekretaryu Novosibirskogo obkoma KPSS Filatovu V.A. ot 28 iyulya 1966 g. «Ob osnovny`x itogax raboty` UOOP po bor`be s ugovnoy

prestupnost`yu i ohrane obshhestvennogo poryadka v g. Novosibirske i rajonax oblasti za 1-e polugodie 1966 g.». *GANO*. F.P. 4. Op. 34. D. 632. L. 28-29.

25. Yurkov, M.P. (1966). Dokladnaya zapiska sekretaryu Novosibirskogo obkoma KPSS Filatovu V.A. ot 2 avgusta 1966 g. «O sostoyanii nesovershennoletnoj prestupnosti». *GANO*. F.P. 4. Op. 34. D. 632. L. 32-42.

дата поступления: 07.08.2025

дата принятия: 30.08.2025

© Шевченко Н.Р., Шевченко И.В., 2025